

НЕСТОР МАХНО

УКРАИНСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

ПОД РЕДАКЦИЕЙ Т. ВОЛИНА

ПАРИЖ
1937

MAISON D'ÉDITION
SON DU LIVRE ÉTRANGER
rue de l'Éperon — Paris 6^e

8113

207-15
299

HECTOR MAHNO

[Воспоминания]

КНИГА III

Р8
Т7

К

УКРАИНСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

(ИЮЛЬ-ДЕКАБРЬ 1918 г.)

Под редакцией г. ВОЛИНА

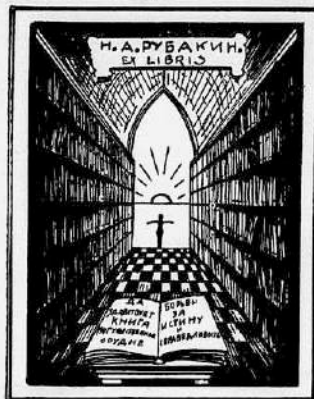
и

с портретами некоторых деятелей движения

53207

С/2

Издание
Комитета Н. МАХНО
Париж
1937

Обложка работы художника И. К. ЛЕБЕДЕВА

РОССИЙСКАЯ
ГОСУДАРСТВЕННАЯ
БИБЛИОТЕКА

и 7158-08

2007156543

ПРЕДИСЛОВИЕ

После всего, сказанного мною в предисловии и примечаниях ко второй книге, нет надобности говорить пространно о третьей.

Упомяну, что и при редактировании этой третьей книги я старался по возможности сохранить язык подлинника. Здесь задача была проще, так-как рассказ изобилует живыми описаниями событий, вообще хорошо удававшимися автору. Страница за страницей, развертывается, почти без перерывов, цепь ярких, красочных эпизодов. Рассказ доведен до конца 1918 г.

Повторю, что интерес настоящей книги исключителен. Она дает, прежде всего, полное и последовательное представление о зарождении и о первой, подготовительной стадии (июль—декабрь 1918 г.) украинской «крестьянской войны» (1918-1921 г. г.), известной, по имени ее двоюродного и руководителя, под кличкой «маховского движения». Но и помимо ее чисто исторического интереса, книга насыщена живым бытовым и драматическим материалом, захватывающим читателя.

Повторю, наконец, что, в величайшему сожалению, на этом третьем томе, т. е. на конце декабря 1918 г., заканчиваются последовательные записки Н. Махно. Изложить дальнейшие события — задача, главным образом, будущих историков русской революции.

Имеются, однако, отдельные, разрозненные заметки и записки Махно, относящиеся к последующим годам. Комиссия по изданию его рукописей предполагает собрать впоследствии эти записки и издать их отдельной книгой, вместе с оставшимися после него — частью в рукописях, частью уже в газетных и журнальных статьях — материалами. Статьи эти печатались в различных анархических изданиях.

Просьба ко всем лицам, располагающим интересующими Комиссию документами, присылать таковые, в подлинниках (которые, по желанию, могут быть возвращены) или в копиях, заказанными

пакетами, по адресу: Librairie Fransson, 11, rue de Cluny, Paris (5).
France, с припиской: Pour Commission Makhno.

Комиссия настаивает на своей просьбе тем более, что некоторые ее члены — участники или близкие свидетели депортации — предполагают продолжить рассказ, начатый самим Нестором Махно. Всякого рода материалы очень помогли бы осуществлению этой задачи.

Март 1937 г.

ВОЛИН.

Глава I.

ПОД ГНЕТОМ ГЕТМАНЩИНЫ.

Июль месяц 1918-го года. Я снова на Украине, в своем родном Гуляйпольском районе. Прибыл я сюда согласно постановлению пашей таганрогской конференции гуляйпольских анархистов - революционеров — для того, чтобы заняться организацией восстания крестьян против насильников: негройшеных хозяев земли, свободы и жизни украинских тружеников, — хозяев, имя которым Украинская Центральная Рада и ее союзник — немецко-австрийское юнкерство. Прибыл я во-время и с надеждой, что мне на сей раз удастся полностью и с особой организационной четкостью разрешить намеченную задачу и выполнить мою идейно-руководящую роль.

В это время пресловутая Рада была уже низвергнута. Напрасно она в угоду буржуазии, изменив своим принципам в области земельной политики, признала право частной собственности на землю до 30-40 десятин. Буржуазия, увлекшись своими временными победами над революцией, над носителями ее идей — революционными труженниками деревни и города, не удовлетворилась этой позорной изменой Рады трудящимся. При поддержке грубого юнкерства, буржуазия низвергла Раду и поставила на ее место своего представителя в лице гетмана Павла Скоропадского.

Теперь, в порядке царско-помещичьих прав, Украина опутывалась еще более крепкими цепями реакции. На почве этой реакции обособовалась, росла и развивалась гетманщина: развивалась исключительно при помощи все тех же контр-революционных, карательных, в отношении украинских трудовых масс, сил.

Тяжело и больно было революционеру смотреть на этот произвол. Но я — на Украине, утешал я себя мыслью, сидя на чердаке у крестьянина села Рождественки, Захария Клеши-

ни, окруженный крестьянскими искренностью и заботами. — в особенности заботами о том, чтобы во-время все доставить от меня в Гуляй-Поле и привезти из Гуляй-Поля мне.

Гетмано-немецкая власть на местах была, как я уже сказал, контр-революционная и реакционная власть. Жить нелегально было очень трудно. Однако сознание, что я снова на Украине, снова среди ее широких степей и веселых сел, среди того самого революционного крестьянского населения, которое, до прихода сюда Украинской Центральной Рады с ее могущественными союзниками и защитниками, немецко-мад'яро-австрийскими контр-революционными экспедиционными армиями, с такой смелой настойчивостью заявляло о своем торжестве не только над несправедливостью старого царско-помещичьего режима, но и над несправедливостью режима полупомещичьего (Керенщины и Центральной Рады), — это сознание бодрило меня, рождало во мне новые силу и веру в то, что революционное крестьянство терпит производ этой насильственно свалившейся на него власти лишь временно, что стоит только повести энергичную пропаганду в его среде против этой власти, оно восстановит против нее с такой энергией и желанием разбить ее раз и навсегда, каких враги революции в нем даже не подозревают.

Призывол немецко-гетманской власти казался мне временным. Я верил, что он, при первом же решительном вооруженном выступлении крестьян по деревням и рабочим в городах, падет безвозвратно. И вот, сидя на своем чердаке, я продумывал все постановления нашей конференции в Тагайроге, все те обязанности, которые каждый из ее членов взял на себя. И я чувствовал себя счастливым от того, что на мою долю выпало продолжить идейно-руководящую роль в деле организации крестьянских сил революции, — деле, которое врагами этих сил тормозилось весной 1918 года и поэтому только не получило полного своего революционно-боевого оформления и не достигло полного расцвета.

Глубокая вера в то, что революционное крестьянство такие силы в себе таит, отвлекала меня от того факта, что я встречаю крестьян физически изнуренными, забитыми, политически придавленными в свободном выражении своих мыслей и порывов, немymi и как-будто совершенно отчаявшимися.

Эта вера подсказывала мне, что именно среди этих замкнутых, политически и экономически бесправных и ограбленных крестьян нужно искать той силы для борьбы против гетманщины, за возрождение революции, которая может проявить себя в гуляй-польском районе повторно и более удачно, и окажется единственной силой Запорожско-Приазовской области, способной вызвать трудящихся украинской деревни и города вообще на путь решительного действия за свои исконные права на независимую, свободную жизнь и вольный труд.

Так, доброе самочувствие мое поддерживалось несокрушимой верой в то, что живые силы революции в деревне велики, и опасаться, что немецко-гетманская власть деморализует их окончательно и усмьит на долгие годы, нет никаких оснований. Нужно только действовать. Ибо только через действие одних сила эта пробуждается в других и ищет своего вывещения.

— Да, да! В трудовой крестьянской семье эти силы есть, и их нужно организовать. Так мыслил я в эти дни и стремился как можно скорее очутиться в этой семье и увидеть себя за прямым своим и ее делом.

— Да, да, нужно действовать, убеждал я себя, убеждал и тех, кто временно появлялся ко мне и исчезал.

Это душевное состояние толкнуло меня на то, чтобы, не дожидаясь возвращения из России остальных друзей своих, дать знать всем крестьянам и рабочим в Гуляй-Поле, что я нахожусь недалеко от них и думаю не сегодня-завтра кое-с-кем из них видаться. Вера в гуляйпольских крестьян и рабочих отгоняла от меня всякие мысли о том, что все могло измениться, что крестьяне и рабочие могли отвлечься от своих прямых дел, определившихся в процессе революции, и могут не отозваться на мое обращение к ним. Я написал им следующее письмо:

«Товарище, после двух с половиною месяцев моего скитания по революционной России я возвратился снова к вам, чтобы совместно заняться делом изгнания немецко-австрийских контр-революционных армий из Украины, низвержением власти Гетмана Скоропадского и недопущением на его место никакой другой власти. Общими усилиями мы займемся организацией этого великого дела. Общими усилиями займемся разрушением рабского строя, чтобы всту-

пить самим и ввести других наших братьев на путь нового строя. Организуем его на началах свободной общественности, содержание которой позволит всему не эксплуатирующему чужого труда населению жить свободно и независимо от государства и его чиновников, хотя бы и красных, и строить всю свою социально-общественную жизнь совершенно самостоятельно у себя на местах, в своей среде. Во имя этого великого дела я поспешил возвратиться в свой родной революционный район, к вам. Так будем же работать, товарищи, во имя возрождения на нашей земле, в нашей крестьянской и рабочей среде, настоящей украинской революции, которая с первых своих дней взяла здоровое направление в сторону полного уничтожения немецко-гетманской власти и ее опоры — помещиков и кулаков.

Да здравствует наше крестьянское и рабочее об'единение!

Да здравствует наши подсобные силы — бескорыстная трудовая интеллигенция!

Да здравствует Украинская Социальная Революция!

Ваш Нестор Иванович.

4-го июля 1918 года».

Письмо это в Гуляй-Поле переписывалось в десятках экземпляров и ходило по рукам крестьян и рабочих. Оно многих из них подбодрило. Многие хотели, чтобы я не задерживался и одного дня где-то на районе, а сейчас же переезжал в самое Гуляй-Поле. Как я узнал после, из-за этого желания одних получился серьезный разлад с другими, предупреждавшими меня воздержаться от переезда в Гуляй-Поле до тех пор, пока они не пришлют за мною надежных людей.

«Гуляй-Поле полно шпииков и провокаторов, — писали мне другие тов. крестьяне: — Вы, Нестор Иванович, вероятно еще не знаете ничего о том, при каких обстоятельствах, кем и под чьим руководством, во время Вашего отсутствия, 14-15-16 апреля были произведены аресты почти всех членов Революционного Комитета, Совета Крестьянских и Рабочих Депутатов, а также отозвание с фронта анархического отряда и разоружение его. Вся эта гнусность производилась центральной еврейской ротой, под руководством ее коман-

дира Тарановского и членов Полевого Штаба И. Волкова, А. Волоха, О. Соловья и В. Шаровского. Еврейская молодежь этой травлей увлекалась. Еврейская буржуазия приветствовала эту молодежь и всячески ублажала немецких агентов Волкова, Соловья, Шаровского и агронома Дмитриенко (который, кстати сказать, раз'езжал с кавалерийским отрядом по всему району и выдавливал анархистов и большевиков, с целью выдать их немцам палачам для казни). В настоящее время В. Шаровский глубоко скорбит о том, что он был в рядах заговорщиков, совершивших величайший акт измены трудящимся.

Тарановский клянется, что если бы он не отпустил взводом из своей роты для производства арестов членов Революционного Комитета и Совета, то его убили бы Волков, Волох и компания. Он утверждает, что вышеупомянутые лица действовали по приказу немецкого командования».

Далее крестьяне спрашивали меня: «Как посоветуете нам, Нестор Иванович? Мы хотим убить всех этих гонимых. Но предупреждаем, ответ пишите и присылайте, но сами не приезжайте, ибо все более или менее революционные крестьяне частью сидят в тюрьме, частью же не спускаются, ни они сами, ни их квартиры, с глаз тайных и явных шпииков. Вас тут скоро схватят. О диллогах и провокаторах есть многое рассказать Вам, но об этом мы Вам расскажем, когда встретимся. Пока же будем все работать для того, чтобы Вы были среди нас. Вы только потерпите, не приезжайте без нашего ведома.

Ваши Павло, Луна, Грыцько и Яков».

Письмо этих товарищей еще более подбодрило меня. Я решительнее начал приходить к тому, чтобы ускорить свою встречу с гуляйпольцами и взяться за решительные действия. На все предупреждения меня о том, чтобы я не переезжал в Гуляй-Поле, я смотрел совсем не серьезно, думая, что мои товарищи крестьяне переборщили в своем намерении законспирировать мое пребывание в районе. Я готовился к переезду в Гуляй-Поле без их ведома. Поэтому я им на их письмо по существу не отвечал, а лишь предупредил их, чтобы они, пока-что, никого из изменников и провокаторов не трогали; и, в особенности, чтобы они не трогали никого из евреев и не возбуждали против них никого

из населения, так-как это может создать почву для зарождения антисемитизма. А последний не может создать тех условий для революции, которые так нужны ей, и без которых не оправдаются надежды крестьян освободиться от реакции, изгнать гетмана со всей его помещичьей сворой, не допустить на свою шею других властей и насильников, и зажить своей настоящей жизнью на началах независимого от каких бы то ни было властей, свободного общественного самоуправления и самоуправления.

Одновременно я запросил гуляйпольцев о том, как многочисленны и какого рода оружия немецко-австрийские войска, расположенные как в самом Гуляй-Поле, так и вокруг него, в ближайших от него деревнях. Много ли в Гуляй-Поле развелось местных шпионов вообще и из крестьянской среды в частности ?

На этот мой запрос я скоро получил ответ от многих крестьян. Он сводился в общем к тому, что шпионов и провокаторов много, но они оперируют главным образом в центре Гуляй-Поля. Выдающиеся из них: Прокофий Коростелев, Сопляк (который был ещником еще в царское время), молодой Леймонский (бывший взводный командир еврейской роты) и многие другие. « Но, — писали мне крестьяне, — больше всего шпионов и провокаторов у нас в Гуляй-Поле развелось среди богатых евреев. Об этом вы, товарищ Нестор Иванович, подробно узнаете, когда прибудете к нам. Мы много кое-чего вам расскажем и покажем ».

Мне лично тяжело было перечитывать все эти записки по одному уже тому, что в них чувствовался антисемитский дух. А я воспитан в себе глубокою ненавистью к антисемитизму еще со времен 1905-6-го годов.

Но то, что гуляйпольские крестьяне до 1918 года были чужды антисемитского духа (об этом ярко свидетельствует хотя бы тот факт, что когда, в 1905 году, громили из «Союза истинно-русских людей», под руководством Щенатихина и Минаева, громили в городе Александровске евреев и присылали своих гонцов в Гуляй-Поле для организации еврейского погрома, гуляйпольские крестьяне на риде своих общественных сходов категорически высказались против погромщиков и их гнусных погромческих дел в г. Александровске), заставило меня отнестись к этим записочкам менее сурово, чем они этого заслуживали. Я хочу сказать,

что, вместо того, чтобы порвать с ними переписку и покинув село Рождественку, не отзываться на их зов, я написал им письмо (одно на всех), в котором постарался, как мог, разбить их неосновательную мысль о евреях. И сделал я это тогда, когда уже знал, что еврейская рота, под влиянием агентов Уир. Центр. Рады и немецкого командования, первая арестовала всех анархистов, всех членов Революционного Комитета, большую часть членов Совета Крестьянских и Рабочих Депутатов в Гуляй-Поле (в апреле месяце 1918 года). Арестовала с целью выдать всех этих крестьян и рабочих революционеров немецкому командованию на суд. Я знал, что еврейская буржуазия радовалась поведению этой роты. Но я считал долгом революционеров доказать крестьянам, что не одни только евреи так гнусно действовали в то время по отношению к революции и к революционерам; что среди не евреев было также много негодней, подобных тем негодням евреям, на которых крестьяне указывали мне в своих записках, и что в этом столь серьезном и сложном вопросе мы разберемся, когда я буду среди них. Теперь же, — просит и крестьян и рабочих в своем письме, — этот вопрос надо отложить в сторону, чтобы, если и нельзя его совсем забыть, то, во всяком случае, возвратиться к нему тогда, когда мы, освободившись от гнета гетмано-немецкой власти, сможем свободно, в порядке общественных сходов, разобратсь в том, почему именно еврейская рота и еврейская буржуазия так гнусно действовали против революции в пользу Центральной Рады и немецкого командования.

Я убеждал крестьян и рабочих в том, что еврейские труженики, — даже те из них, которые состояли в этой роте бойцами и были прямыми участниками в ее контр-революционном деле, — сами осудят этот свой позорный акт. Буржуазия же, причастная к провокационным делам в Гуляй-Поле, свое получит, независимо от того, к какой национальности она принадлежит.

И должен отметить, что письмо мое оправдало мои надежды. Крестьяне и рабочие согласились целиком с моими доводами насательно их нападков на евреев и теперь просили лишь моих указаний: «Что делать? Как и с чего начинать, раз Вы не советуете нам заняться уничтожением виновников апрельского выступления?» И, конечно, в заключение

опять подчеркивали, чтобы я потерял еще немного, чтобы не рвался сейчас же в Гуляй-Поле.

«Ваше появление в Гуляй Поле, — писали они, — станет скоро известным в штабе немецких войск и вызовет еще более тяжкие репрессии в отношении крестьян и рабочих вообще, потому что немцы и гетманцы считают всех гуляйпольских крестьян и рабочих Вашими друзьями. А более тяжкие репрессии совсем помешают нам встречаться друг с другом».

Все эти отрывочные сообщения из Гуляй-Поля меня беспокоили. Я начинал нервничать и задумываться над тем, отвечать ли крестьянам на их просьбу указать им, что делать, или же, ничего не отвечая, самому поехать к ним.

Посоветовался я кое-с-кем из окружавших меня рождественских крестьян. Они высказались против того, чтобы я, не предупредив гуляйпольцев, пересезнал к ним. А предупреди последних, так они снова завопят, чтобы не ехал, обнадеевляли меня, что они скоро сами приедут и заберут меня к себе. Долго терзался я мыслью о том, чтобы не откладывать больше своего переезда в Гуляй-Поле. Однако, пришел к тому, что, на этот раз, еще отвечу. Но дальше — нет, дальше не хватит терпения, да и времени терять нельзя, — рассудил я с рождественцами.

«Первой нашей задачей, — писал я гуляйпольцам, — должно быть разделение наших людей в Гуляй-Поле так, чтобы они были в каждой сотне (участок села) в достаточном количестве. На этих людях лежит обязанность группировать вокруг себя возможно большее количество энергичных и смелых, готовых на самопожертвование, крестьян. Затем, они должны выделять из этих группирований особо смелых крестьян и с ними совершать в разных местах, и по возможности одновременно, нападения на помещичьи и кулацкие имения, с целью разгона из них как хозяев, так и призванных ими к себе немецко-австрийских солдат охранителей, которые, как известно, состоят из двенадцати всадников при полном боевом вооружении. (С этим количеством охраны следует всегда считаться при попытке наших сил). Если нападения не могут быть организованы одновременно в разных местах, то должны иметь место, по крайней мере, с небольшими промежутками времени одно после другого,

и повторно. Нападения не должны носить характера грабежа.

«Когда группирование наших трудовых и революционных сил будет достаточным для выполнения ряда таких нападений, тогда мы должны будем напасть своими силами и на гуляйпольский немецко-гетманский гарнизон. Разоружив его, мы зайдем Гуляй-Поле и будем, во что бы то ни стало, удерживать его за собой до тех пор, пока можно будет; или, по крайней мере, пока не отпечатаем воззвания нашего Гуляйпольского Подпольного Революционно-Повстанческого Комитета ко всем крестьянам и рабочим Украины. Воззвание это разъяснит цели нашего восстания и зовет крестьян и рабочих присоединиться к нам, восстать в своих районах против угнетателей и помогать нам senté революционный дух по всей Украине.

«Ими Гуляй-Поля нам много поможет на этом пути. Во всей Запорожско-Приазовской области оно достаточно известно, как одно из передовых и революционных сел. Вопреки весеннему выступлению в нем темных сил реакции, оно осталось для района тем же передовым и революционным селом. На его зов отзовутся многие районы. И если мы окажемся на своих местах, то-есть, если мы не будем спать анти-революционной спячкой, какой спят, — я видел, — многие революционеры в городах России (да, как видим, спят они по городам и у нас на Украине), то мы организуем все эти районы вокруг Гуляй-Поля и из него двинемся в поход, на сей раз более решительный и грозный, против всех наших угнетателей.

«Нужно только держать выше и решительнее черное знамя нашей крестьянской группы анархистов-коммунистов, на котором, как Вам, друзья, известно, написано: «С угнетенными против угнетателей всегда!»

«Да здравствует братский союз тружеников села и города!»

«Да здравствует средство полного их освобождения — Социальная Революция!»

«В согласии с выше отмеченными положениями, в апреле месяце сего года прошла в городе Таганроге конференция отступивших гуляйпольцев. Участники этой конференции не сегодня-завтра будут среди Вас. Но ожидать их сложя

руки было бы великим преступлением перед делом Революции, перед делом трудящихся села и города, которое мы начинали, но ввиду многочисленных врагов его, не успели ввести в русло организованно-созидательного расцвета и развития.

«Итак, потрудимся над этим великим и ответственным делом!

Ваш Нестор.

7. VIII. 1918 года.

«Р. С. — По получении этого письма сообщите мне сейчас же, что Вы думаете предпринять, или же укажите, когда и к кому из Вас мне наилучнее приехать самому. Время не стоит, а движется, а дело стоит и обречено не двигаться с места».

С нетерпением ожидал я ответа на это свое послание. Надеялся, что на этот раз он будет удовлетворительным. В ожидании ответа я старался договориться с крестьянами села Рождественки обо всем, касающемся организации боевых крестьянских групп.

Так провозился я еще около пяти-шести дней в Рождественке. Наконец, моя старушка мать привезла мне ряд писем из Гуляй-Поля. Одно из них носило коллективный характер, а рядом подписей. Оно гласило:

«Дорогой Нестор Иванович!

«Категорически предупреждаем Вас самому не переезжать в Гуляй-Поле. Более этого, мы настаиваем, чтобы Вы переехали из Рождественки еще далее от Гуляй-Поля, потому, что у нас среди гетманцев носятся упорные слухи, что Махно приехал в Гуляй-Поле и поселился нелегально где-то на окраине его. Мы накануне повального обыска во всем Гуляй-Поле.

«Неужели Вы не верите нам, что мы так же, как и Вы, если не еще больше, хотим Вас перетащить к себе?... Ваше письмо мы обсуждали и еще будем обсуждать. Согласно его положениям, начнем нашу работу. Как только увидим, что нам можно собираться, мы сейчас же перетащим и Вас сюда. Но сами Вы не приезжайте. Вы погибнете здесь раньше дела. За Вас немцы не пожалеют заплатить хорошие деньги, и могут найти люди, которые Вас выдадут за эти деньги...

«Подписи: Яков, Павло, Михаил, Грыцько».

В этой группе крестьян участвовал мой племянник, Михаил Махно, спасшийся от расстрела (так же, как и брат мой, Савва Махно) благодаря густоте помещиков, услыжавших, что я возвратился из России и вдалеке от Гуляй-Поля нелегально организовываю по селам крестьян. Эти помещики отстояли Михаила перед немцами командованием. За час до расстрела его освободили. Этому другу я очень доверял и решил было на недельку-две совсем замолчать и даже выехать из Рождественки. Но то было время, когда мысли могли быстро меняться. Через день я изменил свое решение. Я почувствовал в себе большую ответственность за бездействие в такое время. Кроме того, я решил присмотреться самому лично к жизни Гуляй-Поля и гуляйпольцев. Я окончательно решил переехать в Гуляй-Поле. Окружавшие меня революционеры-крестьяне просили не предпринимать этого рискованного преждевременного шага. Но это не помогло. Я был в ту минуту упорлив и стоял на своем: настойчиво просил подвести меня к Гуляй-Полю, а там, де, я сам найду дорогу пробраться к своим близким.

Глава II.

МОЕ ПЕРВОЕ НЕЛЕГАЛЬНОЕ ПРЕБЫВАНИЕ В ГУЛЯЙ-ПОЛЕ.

В одну ночь два крестьянина, вооружившись винтовками, (я имел при себе две бомбы и хороший револьвер системы «Кольте»), повезли меня по направлению к Гуляй-Полю. В трех верстах от Гуляй-Поля я соскочил с подводы и крикнув: — «Прощайте!» — скрылся промеж копен ржи...

А в два часа ночи я был уже на Подолянах (часть Гуляй-Поля), в одной крестьянской семье, хозяйн которой все еще считался погибшим на войне. Здесь я чувствовал себя в полной безопасности. Ибо и хозяйка, и дети были в высшей степени конспиративные люди. А на утро вся эта семья сделалась моими рассылными по Гуляй-Полю. Помню, первой прибежала ко мне жена моего товарища и друга С. Она

принесла мне оружие и сообщила, что муж ее еще не возвратился из России.

— Но если тебе нужен помощник, — сказала мне Харитина, — я могу заменить мужа. Я знаю, что ты начнешь действовать против немцев и гетманцев, и я буду во всем тебе помогать.

Я тут же поручил ей употребить все силы и направить всю свою крестьянскую сметливость на то, чтобы достать мне с десятком бланков Гуляйпольской Земской Управы за подписью головы Управы Григория Чучко, которые мне нужны были для документов ряду лиц не гуляйпольцев.

После нее меня посетили многие крестьяне, но никто из них не был так воинственно настроен, как она. Большинство из посетивших меня в первый день моего приезда в Гуляй-Поле убеждали меня выехать обратно в Ровнодестенку еще на месяц-два, так-как мое пребывание в Гуляй-Поле скоро станет известным властям, и задуманное дело провалится. Однако, я решил побывать у многих старых своих друзей, крестьян-революционеров, которые уже получили немецких шомполов и сидели молча, как мне передавали друзья помолоче.

За несколько ночей я побывал у многих из них. Устроил два собеседования с двумя десятками крестьян на тему: «За что мы должны прежде всего встать». Окончательно уяснил себе картину того контр-революционного переворота в Гуляй-Поле, который был совершен в мое отсутствие.

Переворот этот, как я выяснил, задуман был агентами Украинской Центральной Рады и немецко-австрийского командования, сылками кулаков, которые, прехав со внешнего фронта, обвинили себя украинскими социалистами-революционерами: Иваном Волком (ныне комиссар Чертковского района у большевиков), Аполлионом Волохом, Осипом Соловьем (путаются где-то в денцино-врангельских бандах), Василием Шаровским и агрономом Дмитриенко.

Под руководством этих лиц и силами центральной еврейской роты переворот был совершен в порядке ареста всех членов Революционного Гуляйпольского комитета и большей части членов Совета Крестьянских и Рабочих Депутатов. Был также отозван с противно-немецкого и гайдамацкого фронта анархический отряд. Он в пути был разоружен и на половину арестован. Арест производился с целью вы-

дать всех этих передовых революционеров Гуляй-Поля и района немецко-австрийскому командованию на уничтожение.

Переворот удался. Буржуазия его приветствовала. Она быстро, в течение нескольких дней, сделалась снова хозяином во всем районе. Начались погромы революционных организаций.

Некоторые подробности событий произвели на крестьян особое впечатление. Так, например, в Гуляй-Поле, под руководством «анархиста» Левы Шнейдера, владевшего, помимо еврейского языка, и украинским, было разгромлено бюро анархистов. На украинском языке он обратился к шовинистическим бандам:

— Брати, я з вами вмру за неньку Украину!

С такими словами вскопчил этот «анархист» в бюро анархистов, начал хватать и рвать черные анамена, срывать со стен портреты Кропоткина, Бакунина, Александра Семюкы, разбивать их и топтать. Даже шовинисты украинцы не делали того, что делал он, этот новоиспеченный украинский патриот, — говорили мне очевидцы.

Такой поступок еврея «анархиста» еще более развязал руни еврейской молодежи из роты. Буржуазия, зная, что делать в такие минуты, указывала молодежи на пример «анархиста». И еврейская молодежь, под руководством все тех же агентов Центральной Рады и немецкого командования, усердствовала.

— А где же теперь этот Лева Шнейдер? — спрашивал я крестьян.

— Он убежал из Гуляй-Поля, когда немцы и австрийцы окончательно осели здесь. Говорят, он «работает» подпольно где-то в Харькове, вместе с большевиками и анархистами, — отвечали мне крестьяне и с особой настойчивостью требовали моего мнения об этом гнусном поведении анархиста еврея Льва Шнейдера.

Что я мог им ответить? Я, конечно, старался доказывать им, что еврей здесь не при чем; что не евреев, игравших гнусную роль в перевороте, было несравненно больше. Я пересчитал ими же указанные мне имена этого большинства. Но убедить их не мог. Они, крестьяне, предложили мне пойти вечером в центр Гуляй-Поля и убедиться в том, кто поити вечером на центр Гуляй-Поля и убедиться в том, кто поити вечером на улицах и площадях веселится, кроме евреев, участвова-

ших раньше вместе с нами в походе против контр-революции, а теперь вместе с контр-революцией веселившихся на трюпе революции». Чувствовалась великая злоба у крестьян против евреев: злоба, которой Гуляй-Поле еще не переживало.

Я тревожился. Предо мною ясно вставал грозный призрачный нарождающегося антисемитизма. Я собирался с силами, чтобы преодолеть эту заразу в массе крестьян: заразу, прихваченную преступлением одних и глупостью других, самих же евреев. Я согласился переодеться в женское платье и пойти в центр Гуляй-Поля.

— Да, вы, Нестор Иванович, пойдите туда. Вы увидите, что там свободно гуляют и веселятся только те, кто выслушался перед властью немцев и Центральной Радой своими позорными действиями против революции, — говорили мне крестьяне.

В один из вечеров я, с рядом крестьян и крестьянок, побывал в центре Гуляй-Поля и, действительно, видел свободно гуляющими только тех, кто жил в центре. (Среди них было много евреев). Приходящих же из окраин патрули разгоняли, записывали, нередко арестовывали, избивали прикладами и указывали им дорогу к дому.

На одном из собеседований с крестьянами на Песках (одна из окраин Гуляй-Поля) я остановился подробнейшим образом на революции, на ее задачах и на антисемитизме. Я охарактеризовал подлинные широкие задачи революции и подчеркнул истинную роль и громадную опасность антисемитских настроений. Я напомнил крестьянам их героическую борьбу против погромов в 1905 году. Я еще раз указал им на то, каким должно быть дело подлинного анархиста-революционера, стремящегося к тому, чтобы трудящиеся могли, наконец, свободно и решительно выявить свои творческие силы.

— За этим свободным и решительным выявлением сил трудящегося крестьянского люда, — сказал я, — простирается широкий путь ко всенародному счастью. Будем же, товарищи, работать во имя возрождения разбитой у нас на Украине революции, чтобы, пользуясь ею, как средством, прийти к счастью. Работа эта серьезная и ответственная. Она требует настойчивости и героических жертв, ведущих по одному пути, к одной цели. Всякое отвлечение в сторону

будет срывать ее и тем самым губить новые наши силы. А они, пока, так не велики, что бросаться ими как попало будет великим преступлением. Вот во имя этого я против того, чтобы что-либо предпринимать сейчас по отношению к тем изменникам и провокаторам, которые совершали гнусный весенний переворот и теперь живут под крылышком палачей революции.

— Так что же вы, Нестор Иванович, стоите за то, чтобы этих провокаторов не трогать? — спросили меня в один голос все присутствовавшие на этом собеседовании.

— Нет, я за то, чтобы их притянуть к ответу. Но на это будет время. Я глубоко верю, — сказал я этим своим нетерпеливым друзьям, — что мы общими усилиями организуем наши крестьянские силы на более прочных основаниях и изгоним немецко-австрийские контр-революционные армии вместе с их ставленником, гетманом Скоропадским. Тогда мы всех уцелевших провокаторов притянем к всенародному суду через сходы и собрания революционных крестьян и рабочих. И им не будет пощады. Как подлые провокаторы, они должны быть уничтоженными, и мы их уничтожим. Но уничтожать их теперь по-моему не следует. Это повредит или может повредить делу нашей организации, как инициативной силы на пути объединения крестьянских революционных сил против внешних и внутренних врагов революции, врагов свободы и независимости трудящихся от власти капитала и его кровавого детища — государства. Это, — подчеркивал я друзьям своим, — мы должны серьезнейшим образом учитывать при подходе к практическим действиям против известных нам провокаторов.

* *

Многих моих друзей крестьян я не мог уже видеть: одни были расстреляны, другие посажены в тюрьму, где они, по закону немцев и гетманцев, исчезали бесследно.

Те же, кто остались в живых, были ограблены, чуть ли не ежедневно подвергались обыскам и избивались прикладами и шомполами.

У оставшихся в живых крестьян я уже не замечал того энтузиазма, той сплоченности и веры в свои стремления, которыми они жили всего два с половиною — три месяца тому назад. Но это меня не особенно беспокоило. Я верил,

что стоит только начать дело организации крестьян против их угнетателей, они восстановят и энтузиазм, и веру в себя и в свое дело. К этому возрождению действия я стремился с особым подъемом сознания долга революционера-анархиста, вопреки анархистам, живущим в наше время одним только голым отрицанием. И скоро я, при встрече и разговорах с крестьянами и крестьянками, окончательно убедился в том, что весь их угнетенный и как-будто безразличный вид — явление временное.

* *

Мы много говорили с крестьянами на разные темы. Между прочим, крестьяне рассказали мне подробно о вступлении немецко-австрийских и гетманских отрядов в Гуляй-Поле; о том, как их встречала буржуазия; наконец, о том, как вели себя и чем занялись эти поистине дикие контр-революционные банды в Гуляй-Поле.

В первую очередь они нашли нужным отомстить мне, как организатору революционных сил района. Они оцепили двор моей старушки матери, выгнали ее из дому и начали бросать бомбы в дом. Побили все окна, повыврвали двери, нанесли соломы в дом и зажгли. Зажгли дом и все постройки во дворе: клуню (овин), сарай и хлев.

Затем переехали к старшему моему брату, инвалиду мировой войны, Емельяну Махно, который, вследствие своей инвалидности (он потерял глаз и был сильно контужен, всегда болен), активной роли в революции не играл. Они арестовали его и отправили в свою комендатуру. Хату и сарайчик сожгли, оставив жену его, мать пятерых маленьких детишек, вместе с детьми во дворе смотреть, как горит все, что они своим трудом долгие годы наживали: жалкая хатенка, сарайчик да бричка.

Так обижали эти глупые изверги культурной Европы дворян всех крестьян, сыновья которых были активными революционерами и ушли в подполье, и жгли их дворы, граба и насидя.

В эти же дни, по провокации «социалистов» шовинистов, действовавших под предводительством агронома Дмитренко, поймали молодого славного революционера-анархиста из бедной еврейской среды, Горелика, и зверски мучили его. Ударяли его по личикам, плевали ему в глаза, застав-

ляли раскрывать рот и плевали в рот. При этом ругали его за то, что он — неподкупный еврей. И, в конце концов, убили этого славного юношу революционера.

Вскоре решили судьбу и моего брата. Чтобы наиболее жестоко поиздеваться над ним, над его женой и маленькими детишками, власти решили расстрелять его вблизи соседей, проведя его предварительно мимо его же двора. Снарядили шесть человек для исполнения казни над ним. Когда они приближались к двору, их увидели дети Емельяна и их мать. Дети постарше, увидев своего отца, окруженного штыками, заплакали. Младшие же, ничего не понимая, бросились к своему папе на встречу, ожидая, что он возьмет их на руки, как это он всегда делал, и предварительно поцеловав их, скажет, что он им купил. Но грубая солдатская свинота закричала на детей, истерично угрожая им винтовками. Дети опешили и остановились. А потом, увидев, что сердитые люди повернули влево от двора и повели с собою их дорогого отца, они бросились к матери, стоявшей со старшим мальчиком во дворе, словно прикованной к земле, тербели ее за платье и просили сказать им, куда австрийцы увели их отца. Мать целовала их и плакала вместе с ними. А слепые убийцы отвели Емельяна от его двора, через балку,

в огород Левадного и там убили его.

Еще более потрясающей была сцена расстрела тов. Моисея Калениченко.

Всего через день-два после убийства Емельяна Махно, власти узнали, что Моисей Калениченко находится в Гуляй-Поле. Калениченко был анархист, из крестьянской семьи. Один из лучших мастеров механиков в Гуляй-Поле. Один из честнейших и мирнейших людей в районе. При организации гуляйпольского группю Анархо-Коммунистов отрядов против экспедиционного нашествия, он, по постановлению группы, принял энергичное участие в этой работе. Во время одной поединки он упал с лошади и сломал себе ногу. Это обстоятельство принудило его остаться в Гуляй-Поле, в постели, в доме своих братьев.

Теперь, по доносу все тех же «социалистов», власти его нашли. Но, зная о возмущении населения за дикий расстрел Емельяна Махно, они решили теперь, для вида, запросить мнения о Калениченко у общества. Был поставлен вопрос: — Кто такой Калениченко: злодей, чи добрый человек?

Оставшиеся не арестованным трудовое население отвело, что оно за Моисея Калениченко ручается, как за хорошего гражданина села Гуляй-Поля. Но командование с этим ответом не считалось. Оно заслушало мнение о М. Калениченко собственников землевладельцев: Резника, Цапко, Гусененко, купцов Митровниковых, хозяина мыловаренного завода Ливинского, которые доносили: Моисей Калениченко — «злодей»: он был членом Гуляйпольского Революционного Комитета и помощником Нестора Махно в организации черни.

Немецко-австрийское командование на Украине в это время устанавливало закон о том, что Украина есть немецкий «тыл», и подумывало просто превратить ее в неотъемлемую часть своего отечества. Оно нашло, конечно, лучшим признать, вместе с землевладельцами, помещиками и купцами, товарища Калениченко «злодием». Оно распорядилось расстрелять его. Товарищ Калениченко был убит.

Его вывезли в Харсунскую балку, в Гуляй-Поле, и поставили у края оврага. Шесть человек, в форме рядовых немецких солдат, дали по нем залп. Он, тяжело, но не смертельно, раненый, упал. Собравшиеся неподалеку крестьяне и крестьянки бросились убежать, ругая убийц. Но скоро они остановились и стали смотреть в сторону совершившего преступления. Раненый поднялся и закричал:

— Убивайте же, убийцы, скорее!

Раздалась команда из группы трех, крутившихся тут офицеров, и по Калениченко дали другой залп. Он снова упал; корчась, опрокинулся на другую сторону и снова начал подыматься. Но в это время к нему подскочил один из офицеров (слухи были, что это был помещик Гусененко, переодетый в офицерскую форму) и в упор выстрелил в него, целясь, видимо, в висок, но попал в щеку. Калениченко снова упал, но тотчас приподнялся на колени и, маша руками, кричал:

— Убивайте же, палачи, не мучьте!

Неизменных шесть солдат дали еще подряд два залпа. Один, когда Калениченко еще стоял, другой уже в лежачего. Тело его было изрешетено пулями.

Кошмарная смерть постигла и товарища Степана Шепеля. Он — тоже крестьянин анархист, можно сказать, мой воспитанник. Я ввел его в свой кружок и затем в группу.

Он был сын хорошей, мирной, трудовой крестьянской семьи. После нашей таганрогской конференции, он вернулся вместе с моим братом, Саввой Махно, и Семеном Каретником, нелегальными путями, в Гуляй-Поле для подпольной организационной работы. В одну из ночей Степан пошел домой, чтобы помочь жене и детям своим, которых было четверо, расчистить от сорных трав ток для молотбы. Он был выслежен шпионами и на следующую ночь схвачен немецко-австрийским ночным патрулем именно за этой домашней работой.

Как и всех революционеров в Гуляй-Поле, власти расстреляли его днем, на глазах у населения.

Перед расстрелом мужественный т. Шепель сказал своим убийцам:

— Сьогодні ви вбиваєте мене за мою вірність своїм братам працьовникам. Цим ви викликете нас, анархістів-комуністів, на шлях помсти! Я вмираю за правду анархії. Вмираю від рук сліпих але підлих катів революції. За це завтра мої товариші вб'ють вас...

Товарищ Степан Шепель, как и Моисей Калениченко и мой брат Савва Махно, были все очень преданы делу нашей группы и участвовали во всех ее революционных делах среди крестьян и вместе с крестьянами. Поэтому отсутствие их в эту грозную минуту возле меня, когда, к тому же, не было еще других моих друзей и товарищей, из числа отсутствующих в России, особо остро чувствовалось.

Товарища Павла Коростелева (он же Хундай) избили прикладами и шомполами так, что он через несколько дней умер.

Секретаря нашей группы, т. А. Калашникова, и Савву Махно, со многими беспартийными революционными крестьянами, не расстреляли только потому, что среди богатеев, немцев, помещиков и кулаков-крестьян пропелся слух, что Нестор Махно вернулся из России и ведет усиленную подпольную организацию вокруг Гуляй-Поля с целью поднятия восстания против них. Они, лицемеры перед трудовым населением Гуляй-Поля и его района, хотели показать этому населению, что стоят вместе с ним за то, чтобы крестьян-революционеров, во главе с Саввой Махно и А. Калашниковым, не убивали. Но крестьяне отлично видели и понимали их лицемерие.

Их, действительно, не убили, а посадили в тюрьму, вместе с сотнями других ни в чем не виновных крестьян. Все они, при низвержении Центральной Рады, остались в тюрьмах, перейдя «по наследству» гетманщине.

Товарищи крестьяне хотели еще многое рассказать мне об учиняемых над революцией и жизнью лучших ее сынов насилиях. Но я дальше не мог их слушать. Их рассказы настолько взвинтили меня, настолько истерзали мне сердце, что я в этот вечер никак не мог успокоить себя, успокоить их, рассказчиков, рыдавших предо мною, словно дети. С огромным трудом я овладел собою. И, помню, сказал всем собравшимся:

— Все то, о чем я вам, друзья, говорил, и все то, что вы мне рассказали, все это вместе взятое повелительно говорю вам о том, что мы не имеем никакого права сидеть сложа руки. Мы должны стараться группировать свои силы, силы широкой крестьянской массы, на основе одного лозунга: восстание против немецко-австро-гетманского произвола в стране, за возрождение и развитие революции во имя полного освобождения крестьян и рабочих, всех труженников деревни и города, от власти помещика и фабриканта, а также их слуги: государственной власти вообще.

В связи с этим лозунгом мы тут же постановили признать необходимым с завтрашнего же дня организовать по районам в Гуляй-Поле инициативные группы в три-пять человек каждая. Эти группы в своей подпольной работе по организации населения совершенно свободны, но тесно связаны между собою через своих уполномоченных. А эти уполномоченные связываются непосредственно со мною и, таким образом, направляют всю работу групп к одной цели: цели объединения вокруг революционного Гуляй-Поля широкого трудового населения районов и поднятия его на беспощадную борьбу против гетманщины и немецко-австрийских контр-революционных армий.

Так была заложена вторично, под моим идейным и организационным руководством, гуляйпольскими крестьянами анархистами крестьянская революционная организация для борьбы с контр-революцией.

На этом решении мы закончили наше точное собрание.

Я рвался на Украину для новой организации крестьянских отрядов и вольных батальонов революции; для того, чтобы, прежде всего, с их помощью добыть как можно больше оружия у врагов революции и, затем, поднять против этих последних все трудовое население, сперва в Гуляй-Поле и его районе, потом во всей Запорожско-Приазовской местности, трудовое население которой, по моим наблюдениям 1917-го и весны 1918-го годов, казалось мне наиболее революционно-бунтарским и наиболее способным на то, чтобы на него опереться в поднятии революционного крестьянского восстания по всей Украине.

Этой идеей я руководствовался и при отступлении из Украины в апреле месяце, и при организации таганрогской конференции, и на самой конференции. Во имя ее я в спешном порядке направил из Таганрога на Украину ряд товарищей и возвратился сам на Украину.

Однако, теперь, узнав подробности об аресте и расстрелах упомянутых товарищей, я, приступая к назначенной работе, в то же время как-будто забыл об этой идее.... Я невольно стал отыскивать средства для отмщения палачам, казнившим моих друзей и товарищей, этих безымянных честных сынов Социальной Революции.

Я отыскал несколько бомб и решил взорвать в Гуляй-Поле штабы немецко-австрийского командования и гетманской державной варты.

Так-нак совсем один я выполнить этот акт технически не мог, я начал подготавливать к нему двух человек, женщину и мужчину, которые должны были мне только как помощники по подготовке акта. Совершить же его я считал своей обязанностью сам, и готовился выполнить его.

Но в этот момент на горизонте нашей подпольной жизни и работы всплыли новые условия, снова претрвавшие все мои начинания.

Через день после только-что описанного мною собрания, мы сошлись с крестьянами снова, в другом месте. На этот раз среди нас находились и представители от сел Воздвиженки и Воскресенки. Воскресенцы нам сообщили, что они прочитали крестьянам мои письма, переданные им гуляй-польцами. Крестьяне решили действовать согласно им.

Я испугался. Испугался потому, что письма мои из Рождественки были писаны только для своих близких. Они же пустили их по селам и этим, естественно, открыли мое пребывание под Гуляй-Подем.

Но было уже поздно предпринимать что-либо в том направлении, чтобы письма эти не печатались и не распространялись. Воскресенские крестьяне начали уже действовать. Они организовали отряд и назвали его Махновским. Под этим именем они напали на карательный немецкий отряд, разбили его, убили командира и нескольких солдат.

По выслушании доклада крестьян-воскресенцев об этом нападении, мы разошлись в ожидании новых событий. Мы не ошиблись. Действие воскресенских крестьян отразилось и на гуляйпольцах. Немецко-гетманские власти установили, что засада была устроена на границе воскресенско-гуляйпольских земель и бросились с повальными обысками по районам этих волостей. Снова пошли многочисленные аресты, шомполование и денежные штрафы, выколачивание всякими пытками у крестьян оружия и выдачу революционных инициаторов.

Я убедился, что далее мне оставаться в Гуляй-Поде нельзя ни одного дня.

Меня в спешном порядке вывозят из Гуляй-Поля в Рождественку. Но волна обысков и арестов быстро перекинулась на весь Гуляйпольский район и добралась до Рождественки. Я принужден был покинуть и это гостеприимное село и перебраться на 80 верст далее от Гуляй-Поля, в деревню Терновку.

Глава III.

ДЕРЕВНЯ ТЕРНОВКА И ЗАГОВОР УБИТЬ МЕНЯ.

В деревне Терновке (она же Протопопово) я поселился у своего дяди, брата моей матери, Исидора Передерия, по виду родственника, по профессии учителя, из Матвеево-Курганской волости, Таганрогского округа, по имени Иван

Яковлевич Шепель. Документ на это имя был сделан мне раньше, по моей просьбе, Затонским, известным украинским большевиком.

Родственники мои пустили по деревне слух, что я летом совершенно свободен и приехал к ним на все лето с целью уйти подальше от прифронтового шума и неурядиц. А така-как в это время, в 75 верстах от Таганрога, у Батайска, как-раз велась ожесточенная борьба между революционными войсками и контр-революцией, то этот, пущенный родственниками слух сошел за истину. К тому же, жил я на окраине деревушки и мало кому показывался на глаза, что тоже содействовало тому, чтобы не вызывать у населения лишних толков.

Но вот сын моего дяди, — так сказать, настоящий хозяин дома, — умер. Это заставило меня оставить квартиру стариков и перебраться в другую семью родственников, живших почти в центре деревушки. Здесь чаще всего появлялись немецко-гетманские карательные отряды, что принуждало меня иногда днем быстро уходить из деревни, прятаться в поле, в лесных посадках или в кукурузах, и возвращаться домой по ночам.

Такая моя жизнь скоро показалась странной крестьянской молодежи, так или иначе участвовавшей в революции. Эта молодежь взяла меня под подозрение. Она пыталась узнать от моих родственников, в чем дело? кто я такой? почему только по ночам показываюсь на деревне? Но не получив, видимо, удовлетворительных ответов, молодежь решила, что я — тайный гетманский шпион.

Около недели молодежь эта собиралась по соседству с моей квартирой и обсуждала, как я после узнал, вопрос, как поступить, чтобы избавиться от меня.

Я же, ничего не подозревая, продолжал временами ходить, в ночное время, от одного сына или племянника моего дяди к другому, и этим самым еще более навлекал на себя подозрения, теперь уже и со стороны многих пожилых крестьян. Я не знал, что жители деревни давно уже усиленно расспрашивали обо мне моих родственников.

И вот, в один из воскресных дней, крестьянская молодежь собирает между собой деньги, покупает пива и самогону, и устраивает, все там же, по соседству с моей квартирой, «пирושку», с целью затянуть ее до поздней ночи, а за-

тем силою схватить меня, вывезти в поле, убить и бесследно зарыть в землю.

В этот день молодежь повыврала из земли сохранившиеся у нее от весеннего красновардейского увлечения оружие: револьверы, винтовки с отрезанными дулами, называемые теперь «отрезами», и шапки. С нетерпением ожидала она ночи, а потом и казни — дикой, звериной казни надо мной.

Итак, эти люди приготовились. Среди них был сын моего двоюродного брата, то-есть мой племянник. Однако, решившая убить меня молодежь ничего не поведала ему о своем решении. Теперь же, кое-кто из собравшихся, подивив немало, начали добиваться от моего племянника, кто я такой, и почему он никогда не приведет меня к ним: они хотели бы, дескать, со мною познакомиться.

Мой племянник долго отговаривался, но, в конце концов, согласился с ними и пришел за мною.

Я был свободен и охотно принял приглашение. Оно было для меня в некотором отношении даже важным, так-как из Гуляй-Поля пришли сведения, чтобы я поспешил со своим возвращением. Я решил организовывать силы для задуманного повстанческого авангарда отсюда. И я пошел.

Собрание имело место через улицу от моей квартиры во дворе, в большом крестьянском сарае. Посреди сарая стоял большой низкий стол. Вокруг него сидела молодежь. А сбоку, прямо на застланной рядом земле, по-цыгански, сидели крестьяне постарше, лет по 30-40. Первые выпивали и пели песни о крестьянской доле. Вторые играли в карты, в распространенную у нас, на Украине, в зимнее время, по деревням игру: в так называемую «Арбу».

Мое появление в сарае кое-кого смутило, но кое-кого явно обрадовало. Почему, я еще не знал, но заметил. В сарае становилось уже темно. Кто-то, видимо из старших, крикнул:

— Хлопцы, угостите чужого человека пивом!

Я не прочь был выпить стакан пива, но чувствовал какую-то непонятную для меня тревогу и воздержался, упрямил не настаивать на том, чтобы я пил, так-как я, де, нездоров и пить не буду. Меня попросили сесть и поиграть с ними в карты. Я и от этого отказался и сделал им в сжатых выражениях пояснение о том, что момент теперь такой тяжелый

для крестьян и рабочих, что этим труженикам есть о чем подумать несравненно более серьезном, чем карточная игра.

Пока я им это говорил, молодежь слушала внимательно. Люди же постарше — я заметил — подталкивали друг друга под бока, подмигивали глазами, и каждый себе под нос посмеивался. Однако, я на это не обратил особенного внимания. Разговор на эту тему меня втягивал все более в роль пропагандиста. Я вообразил себе тут же, что из этой молодежи можно создать солидный по количеству кружок, а из кружка выбрать более стойких людей и создать боевую группу для начальной деятельности в целях поднятия всей трудовой крестьянской массы против контр-революции. Я увлекся своей речью и не заметил, как молодежь вся насторожилась, как игроки в карты бросили свою игру, прекратили свой глупо-зловный смех и тоже, одни сидя, другие вставши и стоя, повернулись ко мне и слушали меня с разинутыми ртами.

А когда я, кончая, заговорил о непростенных властелинах — гетмане и немецко-австрийском юнкерстве, об установленной ими черной реакции над жизнью трудящихся вообще и крестьян в особенности, причем особенно ярко рассказав о том, как власть поступает с крестьянами в тех районах Украины, где крестьяне отобрали у помещиков и кулаков землю, живой и мертвый инвентарь; когда я упомянул о том, что в этих районах крестьян вешали на телеграфных столбах, расстреливали мужей и отцов на глазах жен и детей, с целью запугать все трудовое население, — молодежь не выдержала. Многие повскакали с мест и начали кричать, что «у нас знают только играть в карты!..»

Крестьяне постарше, в свою очередь, бросали в сторону молодежи:

— Мы, старые глупцы, научились только играть в карты!.. Это скверно, но это правда, и мы от этого не отказываемся... А вот вы сбоку нас учитесь пьянствовать...

На все это молодежь подавала свои смешанные голоса. А в результате, и те, и другие, чуть не каждый, не зная даже сами, для чего, подходили ко мне и, дружески улыбаясь, ничего не говоря, или произнося что-то расчувствованно-подавленным голосом, пожимали мне руку.

А затем, двое из них, подойдя ко мне близко и повернувшись к своим, скавали:

— Товарищи, оказывается, этот товарищ (указывая на меня) совсем не такой человек, как мы думали о нем, и ему нужно об этом сказать!

— Верно, правильно, — раздался голоса.

И тогда эти два человека (это были: Коробна и А. Ермакратьев) отвели меня в угол сарая, приподняли лежавшую здесь кучу одежды и, отбросив ее в сторону, сказали мне:

— Смотри, товарищ!

Я посмотрел. То была куча «отрезов», винтовок, револьверов, шашек и штыков.

— Это оружие, — продолжали они мне пояснять, — добыто нами в рядах красногвардейцев, весной. Оно приготовлено против тебя, товарищ. Мы думали, что ты шпион. И решили сегодня ночью схватить тебя, вывезти в поле и там рубить тебя по кусочкам, чтобы выпытать, кто ты, а затем добыть и зарыть в землю...

Сперва я слушал их спокойно. Но под конец не выдержал. По моему телу пробегала дрожь, и тотчас сменилась жаром. Минуту-две я волновался до крайности. А когда преодолел это волнение, я спросил их:

— Чем же, все-таки, я навлек на себя такое подозрение? Все они уклонились от прямого ответа.

— Теперь, когда мы услышали твою речь, — уверяли они меня, — у нас этого подозрения уже нет. Мы только жалеем, что твои родственники были настолько глупы, что боялись сказать нам правду о тебе. Мы могли сегодня ночью убить тебя, товарищ, как шпиона.

Но я чувствовал себя нервно окончательно расстроенным и, попросившись с ними, ушел к себе на квартиру. Главари кружка проводили меня до самой двери и все извинялись за задуманное ими против меня злодейство.

* * *

В скором времени я написал прокламацию к крестьянам этой же деревни и расклеил ее возле сельского управления перед сельским сходом. Ее читала почти вся деревня. Некоторые сельские подозревали, что ее написал я, но пустили слух, что с вечера пролетал аэроплан и спускался в поле на землю. А после-де кто-то видел двух матросов по улицам деревни. Лишь один кулак заявил на сходе, что все это вздор, что никакой аэроплан революционеров здесь пролетать не мог.

Нужно, мол, серьезней присмотреться к родственнику Исидора Передерия (т.-е. ко мне) и сообщить об этом случае Державной Варте. Родственник Передерия, мол, учитель, а все учителя — крамольники, и прокламация писалась не без его ума. Однако, многие крестьяне восстали против утверждений кулака, уверяя его, что сами видели двух матросов. А ночью этот кулак, спавший на своем гумне, кем-то из крестьян был накрыт рядом и сильно избит палками, с приговариванием, чтобы не подозревал невинных людей. А если и есть основание подозревать кого-нибудь в революционности, то чтобы не был провокатором и не болтал.

Соседи этого кулака говорили мне, что после происшедшего, он стал поучать своих сыновей, чтобы они, если что знают о врагах гетмана, ни с кем об этом не говорили, потому, что время настало такое, что нельзя сразу понять, где правда, на стороне ли гетмана или на стороне революционеров.

Такое отношение крестьян деревни Терновки к гетману и гетманщине, с одной стороны, и к революционной прокламации, с другой, меня радовало, и я старался подойти к ним ближе.

Теперь я начал вести между ними собеседования более положительного характера и организовал из них боевую группу. В задачу ее должно было входить не только группирование вокруг себя крестьян, чтобы в нужный момент не отстать от других волостей и восстать против гетманщины и немецко-австрийского хозяйничанья в стране, но и непрерывные нападения теперь же, до момента восстания, на помещичьи усадьбы, на немецко-австрийские военные транспорты, на Державную Варту и т. п.

В боевую группу вошло несколько человек, самостоятельно мысливших о реакции на Украине. Они будировали крестьян против нее, и это обстоятельство толкало меня на более решительные действия. Тем более, что я замечал в гуще окружавшей меня крестьянской молодежи стремление к тому, чтобы как можно скорее заняться реальным делом: отучить гетманские и немецко-австрийские карательные отряды от диких налетов на деревни, от обысков, арестов и избиений нещокорных крестьян.

Помню, на одном из моих собеседований с крестьянами молодежь решительно настаивала на том, чтобы я разработал ей план засад и уничтожения этих карательных отрядов в

открытом поле. Зная, что за такие действия немецко-гетманские власти разыскивают со всего населения данной местности, я объяснял молодежи, что разработать нужные планы засад и действий не трудно, но что такими действиями мы можем вызвать против себя возмущение со стороны крестьян и этим утеряем их живые силы для восстания. Молодежь возражала, что все население готово на жертвы, лишь бы жертвы эти не были напрасными, лишь бы жертвы эти послужили сигналами для всеобщего восстания трудящихся против насильников и эксплуататоров.

Тақ шли дни за днями. Я проводил собеседования. Советовал терновцам не прибегать к вооруженным действиям, не завесив их цели всесторонне и не сговорившись с Гуляй-Подем, где есть силы и оружие, и где выработан определенный план согласования действий крестьян и рабочих широкого района.

— Гуляй-Поле, с его революционной частью крестьян и рабочих, имеет уже опыт и авторитет у населения других районов, — говорил я терновцам. С этими районами нужно во что бы то ни стало связаться, прежде, чем начать открытые действия. Открытое действие требует организованности. Кроме того, оно должно быть достойно революционной организации. Это значит, что необходимы: революционная определенность в цели и упорство в практическом дерзании. Надо согласовать пути и действия, при помощи которых нам всем, в разных концах района, области и всей Украины, придется беспрерывно, не зная усталости и отдыха, подавать сигналы, звать всех угнетенных тружеников деревни и города на борьбу и давать живой пример в этой борьбе. В Гуляй-Поле, в революционную часть его населения я верю. Оно пойдет на этот подвиг с открытым лицом, и с честью будет защищать его. Вот почему я советую не только вам, товарищи, но и всем, кого я видел до встречи с вами, связаться с Гуляй-Подем и согласовывать с ним ваше выступление против насильников.

И мы решили связаться с Гуляй-Подем. За этой связью поехал я и со мною два товарища из терновцев. Но мы доехали только до села Рождественки. Здесь меня встретили мои старые товарищи, которые, по причине бунтовавших в Гуляй-Поде репрессий, сами оставили его. А репрессии эти разбушевались, главным образом, на почве того, что гуляйпольские крестьяне отказывались свозить обратно по-

мещиком урожай с отобранной у помещиков и кулаков земли.

Немецко-австрийское командование распорядилось по своим и гетманским карательным отрядам принудить крестьян-бунтарей, силою штыка, тюрем и расстрелов, свозить их урожай в амбары помещиков и кулаков.

Это сообщение остановило меня на три дня в Рождественке, где я постарался тщательно проверить все полученные сведения. А проверив, возвратился снова в Терновку.

Терновская молодежь была рада моему возвращению. И я решил действовать пока в этом районе. Окружавшая меня крестьянская среда к этому действию была уже подготовлена. Поэтому я, не задумываясь, сразу же толкнул ее на путь вооруженных нападений на помещичьи имения и кулацкие хутора, с целью разгона на этих контр-революционных гнезд всех группировавшихся в них бездельников, разного ранга хозяйчиков и охраны.

Лозунг наш был: Смерть всем, силою немецко-австрийско-гайдамацкого штыка дерзнувшим отыпать у крестьян и рабочих революционные завоевания. Этот лозунг воодушевлял крестьян. Они запрягали лошадей в брички и, не взирая на недостаток в огнестрельном вооружении, бросались на помещиков и кулаков, на раз'езжавшие по району немецко-австрийские и гайдамацкие отряды, и сражались с ними.

При одном из нападений на помещичье имение, мы наткнулись на хорошо вооруженную охрану. Она состояла исключительно из немецких солдат. С трудом, нам все-таки удалось разоружить охрану. Но хозяин, вместе с офицерами охраны и офицерами из Синельниковского гарнизона, которые часто группами гостили у этого помещика и были как-раз в это время у него, забаррикадировались в доме «барина», решив защищаться. Картина была жуткая. Крестьяне, оцепив дом, требовали от помещика удалиться из имения, забыть, что он хозяин. Крестьяне требовали этого на том основании, что он в дни революции покинул имение, в дни же контр-революции, во главе с немецко-австрийскими армиями, возвратился в него и, с помощью этих армий, отобрал у крестьян землю; более того — порол крестьян и загонял их в тюрьмы. Крестья-

не считали недопустимым, чтобы этот помещик оставался жить по соседству с ними.

Помещик грозил из дома, что он уже протелефонировал в Синельниково и вызвал немецкий отряд, который, дескать, через час-два прибудет сюда. С этим отрядом он-де разыщет крестьян-бунтарей и накажет их так, как еще никогда не наказывал.

Крестьяне бросились к дому с целью взять в нем и помещика, и его гостей офицеров. Но последние, будучи хорошими стрелками, метким огнем отбили наступление. Это заставило меня и другого товарища (Кирилла) подползти к окнам и с двух сторон бросить в дом по бомбе хорошей силы. В результате — сильный взрыв. Помещик и его защитники замолкли. А крестьянам больше ничего и не нужно было. Разграблением имущества они не занялись. Батракам рабочим они сказали:

— Вы здесь хозяева. Продолжайте молочение хлеба. Недалеко время, когда вся Украина снимет производ. Революция снова окрепнет и положит начало тому, как следует поступить с землей и всеми капиталами на ней. Тогда мы с вами встретимся и сообща решим, за что нам нужно будет взяться в первую очередь на этом пути.

Батраки сдушались и, вздыхая, спрашивали:

— А не повесит нас барин, когда вы уедете?

Барин, напуганный бомбами, их не повесил. Он переехал из «своего» имения в Синельниково.

И не только этот барин перебрался поближе к вооруженным силам контр-революции. После ряда решительных действий крестьян против помещиков, немало бар убралось из своих имений. А немецко-австрийские и гетманские разрабательные отряды сделали после этого менее дикими в своих налетах на села и деревни.

Так крестьяне терновского района, под моим руководством, входили в роль суровых мстителей всем тем, кто были повинны перед трудящимися за казнь над Революцией. Роль, по преданиям буржуазной и социал-демократической морали, не из благородных. Тем не менее, крестьяне ее на себя взяли. А я всем, чем мог, помогал им в этой роли. Ибо я хорошо видел гнусную роль буржуазии по отношению к крестьянам и рабочим, по отношению к их правам на свободу и независимость от власти помещика, заводчика и их наем-

ного слуги — государства. Я видел, как буржуазия заставляла крестьян молчать о своих правах на землю; как она, при помощи наемных убийц солдат, расправлялась с теми крестьянами, которые не желали этому ее повелению подчиняться. И я всем своим существом, не зная отдыха, часто не доходя и не досыпая, стремился к тому, чтобы использовать каждую возможность, вопреки нелегальной обстановке моей жизни, побывать среди крестьян, поговорить с ними, указать им, что я считал полезным для революции, и толкать их на путь решительного и смелого действия.

Таким образом, созданная мною терновская инициативная крестьянская группа повстанцев, для организации в этом районе восстания, была окончательно сформирована. Тайно она поддерживалась в своей деятельности широким трудовым населением.

Такое положение вещей скоро позволило властям узнать о присутствии в деревне Терновке какого-то приезжего учителя. Начались розыски. Это принудило меня перебраться в Славгород, а затем в Ново-Гупаловку.

И в Славгороде, и в Ново-Гупаловке я, с помощью товарищей крестьян из деревни Терновки, организовал инициативные крестьянские повстанческие группы. Я не успел, однако, повести их вооруженными против помещиков и немецко-гетманских властей. Я как-то очень быстро был заподозрен агентами гетманской державной варты. Однажды она попыталась схватить меня. К моему счастью, в это время у меня находились два товарища из терновцев и третий, славгородский учитель, социалист-революционер по убеждениям. Я учил их обращаться с револьверами системы «Маузер» и «Кольт». Мы оказали агентам вооруженное сопротивление и скрылись.

Теперь я, опять-таки с помощью верных мне и делу революции товарищей крестьян, перебрался на правый берег Днепра, в район Звонецкой-Вовниги. Здесь я быстро связался со скрывавшимися гайдамаками из «синезупанников», дивизия которых не то была разоружена по распоряжению гетмана, как заразившаяся большевизмом, не то была только еще предназначена к разоружению. Во всяком случае, часть ее разбежалась с оружием и прятала его по островам Днепра. По данным информации, сделанной мне рядом гайдамаков, их насчитывалось в этом районе более трех-

сот человек. По сведениям обывателей, все они были «больше-вистки» настроены. Но именем «большевиков» враги револю-ции называли тогда всех революционеров. Такое поло-жение дел меня радовало. Я представлял себе эту групу в триста человек внушительной силой, с которой можно на-чать в более широких размерах поход против врагов рево-люции. И я остался среди них.

С неделю я скрывался, с частью гайдамаков, на одном из днепровских островов, питаясь одной рыбой, которую мы ловили, тут же варили и ели. Много говорил я гайдама-кам о врагах революции, о том, как нужно бороться с ними, и т. д.

Но, в этой подготовительной работе я наскочил на их руководителя, который, хотя и заявлял себя «большевиком», в действительности был сторонником гетманщины без немец-ко-австрийской поддержки. Он восхищался тем, что она крепнет и, как на факт, ссылался на то, что Раковский от Москвы, а Кистяков от гетмана и гетманщины ведут в Киеве переговоры о признании гетманщины и о мире с нею.

Этот лидер «синегупанников» гайдамаков сильно иден-тичил мою деятельность по внушению гайдамакам идеи всеобщего восстания крестьян и рабочих.

В конце концов, я, с рядом гайдамаков, вооруженных винтовками и пулеметами, покинул днепровские острова и перебрался опять в деревню Терновку. Здесь я оставил пулеметы и часть бывших гайдамаков, а сам, с двумя из них, направился в Гуляй-Поле.

По дороге к Гуляй-Полю, мы останавливались по не-сколько дней в селах Лукашево, Бразолово, Ново-Николаев-на, Рождественка, и, пользуясь тем, что крестьяне этих сел знали меня по революционной работе за 1917-ый и весну 1918-го г. г., мы пропагандировали среди них идею восстания и организовывали из их среды инициативные группы, наде-ляя каждую паролями связи с Гуляй-Подем. Таким обра-зом я добрался до Гуляй-Поля, на сей раз уже не один, а с несколькими товарищами.

ВТОРОЕ ТАЙНОЕ ПРЕБЫВАНИЕ МОЕ В ГУЛЯЙ-ПОЛЕ. ВСТРЕЧА СО СТАРЫМИ ТОВАРИЩАМИ И ПЕРВЫЕ РЕШЕНИЯ ПО РЯДУ ВАЖНЕЙШИХ ВОПРОСОВ ОРГАНИЗАЦИИ ВОССТАНИЯ КРЕСТЬЯН И РАБОЧИХ.

Как-раз в то время, когда я, во второй раз, прибыл нелегально в Гуляй-Поле, прибыли в него из России и мои старые товарищи: Исидор (Петя), Лютий и Алексей Марчен-ко. Я скоро разыскал их, а через них и Семена Каретника.

Встреча с этими товарищами очень укрепила меня в ре-шении не терять времени и во что бы то ни стало перейти к открытой вооруженной партизанской борьбе против вра-гов.

Помню, товарищ Марченко занкнулся о том, что он в Курске видел многих анархистов и со многими говорил. Они, дескать, тоже стремятся на Украину с целью борьбы против контр-революции.

— Так не обождайте ли нам их выступления, тем более, что они группируют свои силы вместе с большевиками, а последние имеют средства вооружения, — говорил он.

Я категорически восстал против этого. Указал товари-щам на целый ряд виденных мною во время поездки по Рос-сии примеров, прямо горящих о том, что большинство наших товарищей — городских анархистов — не знают крестьянства и не сумеют к нему подойти. Даже больше то-го: они, как и марксисты, впали в глупейшую ошибку в от-ношении крестьянства и считают его реакционно-буржуаз-ным классом, не могущим дать живых творческих сил для революции. — Следовательно, — говорил я товарищам, — надеяться на них, что они приедут из России и начнут дело революции среди крестьян, вместе с крестьянами, я считаю недопустимым и безобразным. Ибо наши городские товарищи в деревню не пойдут, а, по примеру 17-го года, окопаются в городах и из городов, через своих посланцев,

будут завязывать связь с крестьянством. А крестьянство к такого рода связям относится с недоверием. В особенности, если связи эти крестьян с анархическими группами городов будут завязываться только через брошюрки или через легкий налет митингового пропагандиста. Крестьяне — реалисты. Они требуют от инициаторов конкретных организационных предпосылок для действия. Когда эти предпосылки перед ними на-лицо, тогда они, крестьяне, идут на любое действие. Но этих-то предпосылок крестьяне от наших городских товарищей и не дождутся, даже в том случае, если бы эти городские товарищи были рабочими от городского станка, которые и психологически, и физически связаны с интересами трудящихся, и к которым крестьяне относятся до некоторой степени с открытым доверием. Но нельзя закрывать глаза на то, что в нашем анархическом движении по городам масса элемента и нерабочего. В нашей партии по городам, как и во многих политических партиях, к сожалению есть много элементов, вышедших из нетрудового класса, притом класса не интеллигентского, а купеческого, чуждого интеллигентности, ибо воспитанного на принципах всякого рода спекуляции и мародерства. Этот элемент широкой крестьянской массе не внушает никакого доверия. Опыт моей работы среди крестьян и рабочих в 1917 г., — работы, о которой каждый из членов нашей группы знает, достаточно ярко показал мне, что крестьяне редко когда выслушивали наших товарищей из этих рядов, хотя многие из них были, быть-может, более преданы делу нашего идеала и крестьянскому делу, чем даже многие из нас, которые вышли из трудовой семьи, с нею живем и воспитываемся. Мы, готовые пожертвовать своими жизнями, дерзающие поднять широкую трудовую крестьянскую массу на восстание, организовать ее и повести в бой со всякого рода врагами как самой революции, так и заметно святящегося в ней некоторыми своими сторонами анархо-коммунистического идеала, — мы не считаться с этим фактом не можем. Мы обязаны считаться с ним, иметь его в виду при всяком нашем деле там, где дело это связывает с нами массы труженников. Отчасти на этом основании, а отчасти и на основании виденного и пережитого мною во время поездок моей по революционной России, я не могу, подобно товарищу Марченко, питать надежду на то, что где-то наши городские товарищи, вместе

с большевиками; группируют свои силы для переброски на Украину, с целью организовать восстание против укрепившейся немецко-гетманской контр-революции. В эти силы я не верю. В Курске я их видел. Силы эти посредственные. Они будут выполнять указы большевистских центров и в угоду этим центрам, может-быть, когда-либо забредут и в деревню, к крестьянам. Но главное свое внимание и свои помыслы личного, быть-может даже спекулятивного характера люди эти сосредоточат в городе, на жизни и деятельности городских труженников. А деятельность городских труженников у нас на Украине, в настоящее время, мы видим. Мы видим, как городские труженники, в погоне за куском хлеба, спокойно и мирно работают в строе казавшихся революцию палачей. И наоборот: мы видим, как трудовое революционное крестьянство бунтует против этих палачей, попадая за это в тюрьмы и под расстрел. Следовательно, надеяться на тех наших товарищей, которые вместе с большевиками идут на Украину из Курска, мы не можем. Силы подлинной революции находятся в трудовом крестьянстве по деревням и в рабочих массах (поскольку эти последние не отравлены ядом власти и не стремятся к ней) по городам. Мы пробрались сквозь рогатки контр-революции к крестьянству, верные сыны которого нас знают и пойдут с нами. И мы должны пользоваться случаем, не терять в связи с недостойными нашего внимания надеждами, напрасно времени, и действовать на смерть всем нашим врагам, за жизнь революции, нашего в ней идеала и труженников мира.

— Правда, — подчеркивал я своим старым товарищам, сомневающимся в своих силах, — мы слабы. Мы беремся за грандиозное и ответственное дело, которое требует огромных и разнообразных интеллектуальных сил. У нас их на лицо нет. Даже более того: их почти нет во всем анархическом движении. Мы ими очень бедны. Будучи в Москве, я это не только чувствовал, но и видел. И то, что я видел, отчасти дает мне моральное право менее прислушиваться к кому-то и более делать самому. В самом деле, друзья. В Москве я встречался с рядом анархистов — московских и приезжих из других городов. Я встречал среди них выдающихся работников революционного анархизма. Но большинство из них в данный момент не только не находится, по-моему, на своем месте, но даже занимаются в настоящее время не тем

делом, какими им следовало бы, с моей точки зрения, заниматься. Многие наши товарищи, от которых есть, кажется, чему поучиться всем нам, читают там лекции, пишут много журнальных статей, но не все эти лекции к моменту. Я был на лекции товарища Роцина. Лекция о Л. Н. Толстом и его творчестве, если не ошибаюсь. Во всяком случае, о Толстом. Эта лекция, несмотря на сопровождавшее ее серьезное вступительное слово товарища А. Борового, ни рабочим, ни близко стоящей к ним революционной интеллигенции, по-моему, не нужна в настоящее время. Ни чему революционному она не учит. Ничего конкретного, в связи с переживаемым нашим движением, — движением революции, — моментом, не намечает. А между тем, ее устраивали ответственные работники нашего движения. Работники, по заявлению наших же товарищей из Московской федерации анархических групп, настолько ответственные, что не могут маршиться ни с какими ошибками органа этой Федерации, ежедневной газеты «Анархия», и поэтому не участвуют в нем, а выдвинулись в особый «Московский Союз Идейной Пропаганды Анархизма». Здесь, на Украине, в связи с удешевлением революции и попытками со стороны власти тормозить развитие революции и там, в России, наше движение переживает момент, когда есть над чем подумать, чтобы заставить себя и товарищей заняться насущными вопросами, хотя бы в области влияния на психику трудовых масс. Необходимо развивать и поддерживать в них дух бунта и непримиримости по отношению к попыткам со стороны социалистов-государственников исказить революцию. Лично я над этим уже достаточно подумал. И мне становится совершенно ясным, что наш революционный путь здесь — путь, вступив на который, мы в районе нашей работы имели значительный успех среди трудовых масс, — верный путь. Нужно иметь лишь мужество удержаться на нем и быть всегда верным тем целям, которые ставит нам наш идеал. Правда, вы можете заметить мне, что мы слабы и мало сведущи в практических положениях анархизма. Я против этого не буду возражать. Напротив, с горечью повторю, что это так. Но знания практических постулатов нашего идеала нигде нельзя почерпнуть кроме как в нашем непосредственном действии и действии тех широких трудовых масс, во имя которых и силами которых мы до сих пор старались расчищать путь развитию револю-

ции, борясь со всякого рода попытками представителей разных партий и их правительств всячески искажать подлинную сущность целей нашей революции. Эту сущность трудящиеся с помощью истинных своих друзей, революционеров безвластников, должны наметить и, в процессе решительной борьбы, стараться во что бы то ни стало реально закрепить за своей жизнью. Борьба эта уже началась. По всей Украине крестьяне и рабочие кровно заинтересованы в том, чтобы изгнать отсюда немецко-австрийские контр-революционные армии, низвергнуть гетмана и притянуть ко всенародному революционному суду социалистов из Украинской Центральной Рады, приведших эти контр-революционные немецко-австрийские силы против революции и тем не менее нагло, до сих пор, считающих себя друзьями украинских труженников. И хотя эта борьба носит пока-что слабый, главным образом психологический характер, но отсюда недалеко до того момента, когда она примет характер повсеместного и прямого действия. Отдельные акты такого действия начинают все чаще и чаще давать врагам нашим себя чувствовать. Необходимо эти акты теперь же расширить и участить, придавая им в то же время организованный и идейно устойчивый характер. Об этом на нашей таганрогской конференции я уже говорил. Тогда товарищ Марченко целиком меня поддерживал. Тогда же была вынесена нами резолюция. И я считаю, что эта резолюция не устарела. Согласно ее положениям, я вел здесь работу до вашей, товарищи, встречи со мною. Думаю, что теперь мы эту работу расширим и выведем в открытое вооруженное выступление.

Товарищ Марченко, вместо ответа, плакал и целовал меня. Семен Каретник, А. Семенюта, Лютий и многие другие товарищи согласились целиком со мною. Они настаивали, однако, на том, чтобы, до открытого вооруженного выступления в Гуляй-Поле, уничтожить руководителей всеобщего контр-революционного переворота: Ивана Волка, Аполлона Волоха (оба офицеры), Осипа Соловья (рабочий механик), Дмитренко (агроном; по убеждениям укр. с.-р.), Василия Шаровского (укр. соц.-рев.), командира еврейской роты Тарановского (приказчик лавченки, прапорщик военного времени), взводного командира этой же роты Леймонского (приказчика по профессии, по убеждениям — куда ветер дует), а также и ряд шпионов, во главе которых стояли: старый

испытанный шпион Сопляк, И. Закарлюк и Прокофий Коростелев.

С этим мнением товарищей я согласился, но предложил не трогать командира роты Тарановского и начальника артиллерии В. Шаровского.

Против убийства Тарановского я стоял потому, что он не руководил арестами членов Совета Крестьянских и Рабочих Депутатов и Революционного Комитета. Он лишь, по требованию штаба заговорщиков, сдал, со своей ротой, дежурство по гарнизону; нес дежурство за него его помощник, но приказаниям которого и посылались части роты в распоряжение штаба заговорщиков, чтобы, каждая в своей области, действовать против революции.

Взводный командир Леймонский усердствовал при аресте революционеров; а в то время, когда о нем шла речь, служил шпионом в немецком штабе. Против убийства его, как и Сопляка, Ивана Закарлюки, Прокофия Коростелева, Ивана Волкова, Аполлона Волоха, Дмитренко, Тихона Быка (председатель делегации от заговорщиков к немецкому командованию) и многих других я не возражал. Как и все мои товарищи по группе, я считал этих людей преступниками, достойными смерти именно от руки нашей организации.

Но, в то же время, я несколько опасался такого похода против изменников и провокаторов в революции. Опасаясь я того, чтобы этот поход не превратился в поход и против еврейской буржуазии. Разумеется, эта буржуазия радовалась действиям еврейской роты не одна, а вместе с русской и украинской буржуазией, явно поддерживая, угощая и всячески восхваляя главных воротил штаба заговорщиков. Но еврейская буржуазия осталась в глазах гуляйпольского населения более заметной, чем не еврейская. Поход против нее мог отразиться в тот момент на евреях вообще, приняв массовый характер.

Вот почему я, повторяю, боялся того, чтобы до нашего открытого выступления против немецко-гетманского произвола, заняться террористическими актами против провокаторов.

Что касается Василия Шаровского, то он, как я узнал, с первого же момента возмутился против совершенного переворота. При передаче штабом провокаторов немецкому

командованию орудий, пулеметов и винтовок, которых бойцы вольного батальона не успели полностью погрятать. Шаровский первый решился на то, чтобы сдать немцам орудия и оружие в негодном состоянии. С орудий он снял прицелы и панорамы, а с некоторых даже замки, и все это погрятал с намерением, при первом же удобном случае, передать все эти вещи нашей организации. Об этом он сообщил мне через крестьян, как только услышал, что я нахожусь где-то недалеко от Гуляй-Поля. При этом он старался быть осторожным, чтобы не попасться мне на глаза. Мне было ясно, что В. Шаровский ясно сознавал, что, как член штаба заговорщиков, он должен погрятать жизнью, так-как эта измена взяла ряд жизней революционеров (немецкий штаб их расстрелял).

Но, в то же время, для меня было ясно и то, что В. Шаровский отстал от изменников. Так, несмотря на требования штаба немецкого командования указать, куда делись прицелы, панорамы и замки от орудий, он не сознался.

С этим поступком Шаровского я очень считался. Кроме всего этого, и знал Шаровского за выдающегося знатока артиллерийского дела и имел в виду использовать его знания в намеченном восстании.

На этом основании я настаивал перед группой своих товарищей, сторонников немедленного проведения в жизнь террористических актов против изменников и провокаторов, чтобы В. Шаровского совсем из'ять из списка изменников, подлежащих уничтожению.

После долгих споров, товарищи согласились со мной. В. Шаровский был, казалось, на время вычеркнут из списка лиц, по-нашему достойных смерти.

Через неделю после этого, члены нашей группы выследили старого и опытного шпиона царского сыска, некоего Сопляка, и убили его.

Убийство этого сыщика-вызвало у трудового гуляйпольского населения немалое удовлетворение. Крестьяне с усмешкой перетерпели ряд вальных обысков. Однако, обыски эти повредили нашим нелегальным собеседованиям с крестьянами и даже моему пребыванию в Гуляй-Поле.

Товарищи сторонники немедленного террора против

провокаторов, изменников и сыщиков скоро почувствовали правильность моего сопротивления террористическим актам до поднятия крестьян на открытую вооруженную борьбу.

* * *

Переехав в ближайшую от Гуляй-Поля деревню Марфополь, я использовал все мое идейное влияние на своих товарищей в том направлении, чтобы организовать ряд потайных крестьянских вооруженных нападений на многочисленные вокруг Гуляй-Поля помещиков и их охрану.

Гуляйпольские крестьяне выделили из себя около сотни вооруженных бойцов. Деревни Марфополь и Степановка тоже. Поход против помещиков и их наемной охраны начался. Скоро смерть и разрушение постигли тех из помещиков, которые, при отобрании у крестьян завоеванной ими земли, живого и мертвого инвентаря, занимались сами или заставляли своих наемных немецко-австрийских и гетманских собак запарывать крестьян до полусмерти плетями и засекать шомполами.

Но этот поход крестьян против помещиков вынудил меня, со всем основным ядром нашей организации, опять расстаться с районом.

Правда, мы (я, Марченко, Каретник, Лютый, Ф. Рябко и прибывшие на сей раз со мною из-под Днепра товарищи) сделали серьезную попытку удержаться в нем. Мы перенесли на лучшие наши нелегальные квартиры в самом Гуляй-Поле. Однако, через день, немецко-гетманские власти, с помощью своих лучших шпионов, раскрыли нас и в одно утро застали меня, Марченко, Лютого и двух приспешников еще в постели.

На наше счастье, в этой группе солдат и вартовых был человек, который однажды попался нам в руки и обещал покинуть службу вартового. По моему настоянию он остался на этой полицейской службе, с целью добывать и сообщать мне через своих родных все сведения, какие мне нужны из боевой жизни немецких карательных отрядов и связанной с ними гетманской державной варты.

Это был молодой и серьезный парень, беженец из Волыни во время мировой войны. Попал он в Гуляй-Поле со всей своей родней, которая, вследствие безработицы, сильно голодала. Он поступил на полицейскую службу времен-

но, чтобы выйти самому и вывести своих близких из положения голода. Зная меня по революционно-общественному посту еще до немецко-австрийской оккупации Украины, этот молодой человек поклялся мне и моим товарищам, что он хочет служить делу революции, но нужно спасти родителей от голода. И он в царстве гетманщины не может пережить с места на место, чтобы найти работу. Поэтому, — сказал он, — он поступил здесь в вартовые.

Мы снабдили его семью мукой и салом, но, повторяю, я настоял, чтобы он остался на посту вартового.

Вот этот-то молодой человек первый соскочил с лошади и громко крикнул хозяину нашей квартиры:

— Ты кого у себя придерживаешь?

Его крик был нами услышан раньше, чем дом был окружен цепью убийц. Мы высочили в противоположное окно дома полуодетые, оставив даже несколько бомб в изголовье своих постелей.

Заскочив в комнату, где мы спали, этот вартовой опять-таки первым бросился к нашей постели. Увидев бомбы, он быстро прикрыл их разной одеждой, делая вид, перед своими коллегами по полицейской службе, будто он тщательно перетрушивает эту одежду. Этим он спас хозяина квартиры от расстрела.

А мы, перебежав ряд дворов и затем захватив у одного крестьянина лошадей, сбегали в другую деревню.

Мы надеялись, что, хотя мы уже и открыты (многие кулаки видели нас во время перебега через их дворы), нам все-таки удастся, до открытого восстания организованных и организуемых нами крестьян, удержаться, если не в самом Гуляй-Поле, то хотя-бы в ближайших от него деревнях. Мы считали эту возможность удержаться здесь настолько важной для организуемого нами дела, что готовы были ради успеха на любой риск.

Однако, сила контр-революции разбила наши надежды.

В один из наших переездов из деревни в деревню мы наткнулись на карательный немецко-гетманский отряд, в перестрелке с ним потеряли двух товарищей убитыми и долго не могли отделаться от преследования. В конце концов, мы ушли, но зато покинули нужную нам деревню, оставив далеко в стороне и самое Гуляй-Поле.

Потом мы попали в такую деревню, где чуть не полови-

на всех крестьян сидела в тюрьмах, в распоряжении немецко-австрийских и гетманских «особых комиссий». Это положение деревни произвело на нас удручающее впечатление. Кое-кого из нас охватило даже тяжелое разочарование в организации задуманного восстания крестьян. Нам казалось, что все наши начинания в этом направлении напрасны; что мы слишком малочисленны и слабы. И становилось больно за свою малочисленность и слабость.

Но, в то же время, мы все были упорны и подлаваться надруганию над революцией не намеревались.

Мы готовились к жестокой, необходимой для дела освобождения трудящихся от власти буржуазно-капиталистического общества, борьбе. Больше того: мы уже боролись с этим обществом. Но борьба наша все еще носила частичный характер. От этого сознания мы страдали. Это кое-кого из нас заставляло иногда впадать в уныние, вплоть до чувства безнадежности углубить нашу групповую борьбу и превратить ее в борьбу широких крестьянских масс.

Видя настроение товарищей, я настоял перед ними на том, чтобы еще раз вернуться в Гуляй-Поле.

Когда мы вернулись, я переоделся в дамское платье, надел соответствующий грим и, с товарищем Лютым в качестве барышни, пошел в центр села. Здесь мы намеревались взорвать весь штаб немецко-австрийского командования над Гуляйпольским районом. Штаб этот расстрелял слишком много революционных крестьян и еще большее количество загнал в тюрьмы, откуда эти безымянные революционные бунтари забирались и расстреливались.

Однако, взорвать штаб нам не удалось.

В момент первого нашего подхода к помещению штаба в нем никого не было. Я и тов. Лютый были против того, чтобы бросать бомбу в пустой штаб, не казнив никого из палачей революции.

Второй наш подход был очень удачным. В зале штаба, видимо, все были в сборе и веселились.

План был таков: один миг, и товарищ Лютый убивает часового, который прохаживается под окнами, а я бросаю шестифунтовую бомбу в зал, и мы проскакиваем через двор Никущенко (соседний со штабом) на набережную и далее к реке. Путь нашего бегства очень удобен для нас и охраняется товарищами: Каретником, Марченком, Рябком и другими.

Но когда мы подошли поближе к зданию штаба, мы заметили, что в зал веселящихся вошло несколько дам с детьми. Дамы сядились, а дети подошли к окнам и, указывая друг другу в сторону соборной площади, мило смеялись.

Товарищ Лютый обратился ко мне:

— Вы готовы? и начал было отделяться от меня в сторону часового.

— Стой, Петя! — кричу я ему в пол-голоса и сам отхожу от тротуара к ограде церкви. Лютый почти подбежал ко мне и взял меня под руку:

— В чем дело? — спрашивает.

— Нельзя убивать детей и женщин. За что они должны погибнуть среди палачей? Нужно выскочить, — сказал я ему. И мы начали ходить взад и вперед среди гуляющей публики, обмениваясь фразами и чуть не бранясь. Петя настаивал, чтобы ни с чем не считаться:

— Момент удачный, и штаб должен быть взорван, — горячась, шептал он мне. Я уговорил его удалиться от площади к кинотеатру. По дороге спешно разъяснил ему, что задуманный нами акт — серьезный и ответственный акт. Он должен послужить, как мы это уже и обсуждали, не только агитацией, но и прямым сигналом к открытому и решительному выступлению нашей повстанческой организации во всем районе. Смерть же при этом акте невинных, быть может, женщин, а главное, безусловно невинных детей, вызовет у населения района и к самому акту, и к нам не симпатию, а вражду. А это может погубить все наше дело.

Товарищ Лютый долго не хотел соглашаться со мною. Но видя, что я говорю с ним без каких бы то ни было ужимок и колебаний, а категорически и решительно, последовал за мною. Мы направились к набережной. По дороге встретили С. Каретника, Марченку и других товарищей. Я сообщил им, почему мы не взорвали штаб. И мы, оставив центр Гуляй-Поля, возвратились на свои, отдаленные от него, нелегальные квартиры у крестьян.

На другой день наше решение взорвать штаб немецко-австрийского районного командования подверглось более спокойному пересмотру. Я и С. Каретник пришли к тому, что, в сущности, уничтожение штаба карательных немецко-австрийских войск не столько принесет пользы организации восстания, сколько может ей повредить. Нам не дадут воз-

возможности работать среди гуляйпольцев. А вооруженная революционная сила была на-лицо, пока-что, только в Гуляй-Поле и прилегавших к нему деревнях. Поэтому мы поставили вопрос перед остальными товарищами: не лучше ли нам еще раз объехать район, еще раз убедиться в твердости революционного духа крестьян по району? Товарищи Марченко, Лютый, Рябко и другие настаивали на том, чтобы штаб взорвать теперь же, не откладывая на будущее. Они требовали от всех товарищей присоединиться к их предложению.

— Ивана Яковлевича (так они меня тогда звали) не пускать в центр Гуляй-Поля. Мы сами бросим бомбы. А если погибнем на месте преступления, то Иван Яковлевич должен будет организовать серьезное отомщение нашим палачам.

Я лично не противился этому их предложению, хотя и боялся, что они, в пылу страстной ненависти к палачам, сделают все, но неудачно. Мне почему-то казалось, что они убьют и часового, и всех, кто на подходе к штабу будет им мешать, но самого штаба не уничтожат.

А Семен Каретник прямо запротестовал против этого их предложения, мотивируя свой протест тем, что уж если решить уничтожить штаб, то метание бомбы поручить только Ивану Яковлевичу, как наиболее хладнокровному и умещему хорошо обращаться с бомбами.

И товарищи решили сделать все для того, чтобы расчистить мне путь к окнам здания штаба. Вечером мы пошли опять в центр Гуляй-Поля. Сколько воодушевления прощальничало тогда в каждом из шедших со мною!.. Увы, по дороге мы встретились с нарядом державной гетманской варты и нельзя было его обойти. Мы должны были отряд остановить, скомандовать вартовым руки вверх и похватать их.

Среди схваченных оказался и голова (шеф) варты. Нужно было его повесить на первом же попавшемся огороде. Но так-как среди этих вартовых был и наш человек, который нами один раз уже был схвачен и не уничтожен потому, что был сторонником революции, и теперь исправно и во-время информировал нас всегда обо всем, мы тут же решили никого не уничтожать, а пустить на этот раз их всех, и самого шефа, живыми и невредимыми.

Все они были отпущены. Но это же решение помешало нам совершить задуманный акт. Произведенный задержанием наряда шум заставил штаб устроить облаву по всему Гуляй-Полю. А это заставило нас в ту же ночь покинуть Гуляй-Поле.

Глава V.

В ПУТИ: ПО РАЙОНАМ И ВОКРУГ ГУЛЯЙ-ПОЛЯ.

Мы выехали из Гуляй-Поля в районы под Синельниково-Славгород.

На этот раз наша поездка по району оказалась настолько затруднительной, вследствие рейсирования по нем гетманско-немецко-австрийских карательных отрядов, что мы принуждены были лишь по два, по три человека перебираться из одного села в другое. И даже при такой осторожности мы двух товарищей потеряли. На них наскочил один из немецких карательных отрядов и, так-как они не сдавались, расстрелял их, как кур, на расстоянии.

Так, проезжая, а кое-где переходя пешком из села в село, мы связывались с организованными нами ранее инициативными группами, давая им руководящие указания общего характера.

Мы добрались опять к берегам Днепра, в район, где хранилось несколько пулеметов и винтовок. Здесь я посоветовал крестьянской молодежи ряда деревушек и села Васильевки собраться и в последний раз заслушать мой доклад о том, когда мы, гуляйпольцы, думаем выступить открыто против гетмана и немецко-австрийских армий и больше в подполье не залезать.

Через два-три дня крестьянская молодежь этого района собралась. И я, в последний раз, одушевленный несокрушимым революционным энтузиазмом, выступил перед нею с докладом на тему: когда мы, гуляйпольцы, выступим на путь открытого вооруженного единборства с палачами революции на Украине, с чем мы выступим, и какой беспощадный

метод борьбы мы будем стараться применять по отношению к этим палачам и поддерживающей их буржуазии.

Молодежь этого района не один уже раз слушала меня, до этого дня, говорившим о наступлении близкого часа расправы трудящихся подневольной украинской деревни над ее врагами. Но она еще не слыхала меня говорящим с таким под'емом чувства негодования против палачей и, в то же время, надежды, что торжеству их скоро наступит конец, — нужно только решительно и повсеместно действовать всем, и старым, и малым труженикам. Это я чувствовал сам, и это молодежь отметила мне при расставании со мной. Друг перед другом и передо мной, перед моими близкими из Гуляй-Поля, молодежь эта поклялась теперь в том, что она, при первом же выстреле из Гуляй-Поля, восстанет повсеместно, рагонит чиновников правительства гетмана, займется разоружением немецко-австрийских воинских частей и, твердо держа знамя восстания в своих трудовых руках, сольется с угнетенными города воедино, во имя углубления и расширения общего и единого фронта революции и торжества, через эту революцию, идей свободы и права на самоуправление тружеников без опеки государства.

Следует, впрочем, отметить, что я и мои близкие из Гуляй-Поля, хотя и рады были такому воодушевлению крестьянской молодежи, которая увлекала и стариков за собою, предпочитали, все же, быть осторожными в своей радости, так-как вести из Гуляйпольского района получались далеко неблагоприятные.

Однако, колебаниям уже не было места ни в одном из нас.

* * *

22-го сентября 1918 г. мы, приготовив нужные нам ручные пулеметы и пулеметы системы «Максима», захватили с собой нескольких товарищей из Тернового и Васильевки и выехали в направлении Гуляй-Поля с расчетом покрыть девяностоверстное расстояние в девять часов.

По дороге, недалеко от села Лукашево, с нами встретился конный гетманский отряд под командой двух офицеров. Сам я тоже был в форме капитана. Блеск моих погон видимо внушал руководителям этого отряда доверие, и он подпустил нас к себе на 70-80 шагов. Это дало мне возмож-

ность стать во весь рост на тачанке с пулеметом, с которым я ехал впереди, и командовать конному гетманскому отряду остановиться и сдать оружие.

Но отряд, в мгновение ока, схватил свои винтовки с плеч и взял их на изготовку.

Наш «Максимка» затрещал, и пули его пролетали над головами всадников. Они все соскочили с лошадей и дали сигнал о сложении оружия:

Повстанцы быстро их окружили и разоружили.

Опрашивая офицеров, мы выяснили, что они — помещики. Один из них — поручик Мурковский. Он еще весной организовывал на свои средства отряды помощи немецко-австрийской оккупации Украины, а теперь руководил конным отрядом Александровской государственной стражи.

Мы, в свою очередь, назвали карательным отрядом по борьбе с революционерами. Я и мои товарищи отрекомендовались. Я сказал, что прислан из Киева, по распоряжению самого гетмана, в этот бунтарский Александровский уезд, чтобы навести в нем распатанные революцией порядки.

Далее начальник разоруженного отряда объяснил мне, где он со своим отрядом был, и куда направляется. Направляется он в имение своего отца, погулять день-два, поохотиться за дичью и за кромоульниками в ближайших от имения деревушках. Рассказал он мне и о том, в каких деревнях и хуторах впереди моего пути стоят немецко-австрийские войска; где, какого количества и рода оружия, и в каком направлении, передвигаются из деревни в деревню карательные отряды. И, вообще, начальник этот настолько разболтался передо мной о доблести своей и карательных отрядов в борьбе с бунтующим революционным крестьянством Запорожья, что не заметил нервно вздрагивавших, при выслушивании его, моих глаз, губ и вообще мускулов лица. Под конец разговора, начальник сказал мне:

— Может-быть, угодно вам будет пожаловать с нами в наше имение? Поужинаем и поохотимся на диких уток на пруду. А завтра, если вас ожидает спешное дело, съедем в пугь.

Я зло рассмеялся и ответил ему:

— Вы, господин поручик, меня не понимаете. Я задался целью борьбы с негодяем гетманом и с его опорой — всей контр-революционной сволочью, с немецко-австрийским юн-

керством во главе. Вы, повидимому, не узнали меня? Я — революционер Махно. Фамилия вам, кажется, достаточно известная, не правда ли? Я, со своим отрядом, несу смерть всем палачам и убийцам свободы и жизни трудового народа Украины и революции, через которую трудовой народ завоевывал себе свободу, а палачи ее казнят...

Начальник бросился на колени, делая попытку схватить меня за ноги, чтобы поцеловать. Его подчиненные тоже упали на колени. Но когда я сделал три-четыре шага назад от него, он начал сперва рвать на себе волосы, а затем, придя в себя, предлагать мне под'ехать с ним в имение, и он даст мне сколько я захочу денег.

Из рядов его подчиненных тоже посыпались предложения подобного же характера. А шурин начальника, тоже офицер (или во всяком случае носил офицерские погоны) прямо заявил мне:

— Сколько вы, господин революционер Махно, захотите денег, я и мои родственники вам не дадут, но двадцать тысяч рублей я вам обещаю.

Мои хлопцы, держа перед каждым из этих жалких людишек винтовки на изготовку, не выдержали. Они расхохотались над их предложениями денежного подкупа и закричали мне:

— Вы думаете этих негодяев пощадить?

— Конечно, убивать их нельзя, — сказал я друзьям: — У нас нет данных об их зверских действиях в борьбе с революцией, против труженников. Повяжите их и быстро отвезите в сторону от дороги, саженой на сто, сго-пятьдесят, и бросьте их там где-нибудь в ложбинке. Ночью их никто не развяжет, а могут их развязать только на утро настухи или кто-либо из проезжих по полю крестьян. За это время мы будем совсем в других районах, за Днепром. (Слово «Днепр» я упомянул умышленно, для отвода глаз. В действительности мы держали путь на Гуляй-Поле).

Но разоруженные наемные слуги гетманщины в это время кинулись убегать во все стороны. Мы бросили лошадей и подводки, и все, как один, бросились за ними в догонку. Кого легко настигали, тех хватали и сводили к подводкам; а кого трудно было поймать, тех пристреливали.

Офицеров и нескольких рядовых вартовых мы поймали. Мои хлопцы снова закричали мне:

— Вы и теперь еще будете нянчиться с ними?

— Нет, видно, это — верные слуги негодяя гетмана и немецко-австрийского юнкерства, — ответил я своим на их волаущенный крик. И тут же добавил: — Сегодня они пытались подкупить меня, завтра попытаются подкупить других и, быть-может, наскочат на слабых и подкупят. Нет, нет, пощады им никакой! Отпускать тех, кто служит за деньги палачам революции и помогает им уничтожать нас, труженников, мы не можем, — тем более после этой их попытки убежать от того, чтобы не быть связанными и молча пролежать известное время где-либо в поле, пока мы, не просившие их встретиться с нами, уедем дальше...

Я даже не успел сформулировать свое конкретное решение, как поступить с этой частью отряда. Мне пришлось лишь смотреть, как она выстраивалась бойцами на расстрел, и добавить ко всему сказанному:

— Не возитесь же долго!

И остаток этого отряда был расстрелян...

* * *

Теперь мы сели на лошадей этого же отряда, хороших и сильных лошадей, ибо они почти все были «собственностью» бывших их всадников. То был момент, когда помещики и кулаки, идя в гетманскую конную державную варту, приводили с собою своих коней.

И мы, зная теперь, где в деревнях и какие стоят немецко-австрийские войска и гетманские отряды, пустились далее по дорогам к Гуляй-Полю.

Мы от'ехали пять-семь верст от места уничтожения отряда и проезжали мимо старинных барских усадеб, раскинутых по земле «пана Миргородского», когда из одной из этих усадеб выскочил нам навстречу голова Лукашевой державной варты, тоже поручик, и спросил:

— Не знаете ли вы, что за стрельба была в направлении, откуда вы едете?

Я ему ответил:

— А вы — начальник варты, и не знаете, что делается в вашем районе? Мы никакой стрельбы не слышали...

Начальник варты рассвирепел и выпалил по адресу военных карательных отрядов:

— Все военные отряды получают деньги за свои об'езды, но никогда ничего не знают.

Я его грубо оборвал, а затем спросил:

— А вы кому служите?

— Державі та її голові, Вельможному Панові Гетьманові Павлові Скоропадському, — последовал ответ.

— Так вот, возиться нам с вами некогда, — сказал я ему и, обратясь к товарищам, добавил:

— Обезоружьте его и повесте, как собаку, на самом высоком кресте на кладбище. Оставьте на нем все, как есть, но пришилите на груди ему записочку с девизом: «Нужно бороться за освобождение трудящихся, а не за палачей и угнетателей...»

* * *

Уничтожение отряда с помещиком Мурковским во главе, уничтожение головы Дунашевской варты, это были лишь дорожные эпизоды, но еще не действия наши против контр-революции.

— К действиям решительным, не знающим колебания, мы только-только готовимся и начнем их из Гуляй-Поля и его района, — твердил я сам себе и всем друзьям повстанцам, мчась без остановок, в ночную пору, через хутора и деревушки, нередко занятые немецко-австрийскими войсками, погруженными в сон, за исключением часовых. Но при встречах с часовыми нам очень помогали в эту ночь фуражки с желтыми околышами, погоны и кучье бесхвостые лошади уничтоженного нами отряда.

23-го сентября 1918 г. мы вскочили в Гуляй-Поле. Но оказалось, оно полно немецко-австрийских войск. Нас спасло только то, что мы не перескочили мост, ведущий в центр, а свернули влево и, окраиной Гуляй-Поля, проскочили его.

Оставаться в Гуляй-Поле было невозможно. Мы оставили в нем только одну подводку с пятью бойцами, лошади которой отказались следовать дальше. Наши бочанские (окраина Гуляй-Поля) крестьяне, не взирая на утро, могущее их выдать, в мгновение она спратали и эту нашу подводку, и людей, и лошадей. Нам, гуляйпольцам, обидно было, что именно мы не можем остановиться в это утро в Гуляй-Поле. И мы, с Бочанской стороны, перескочили в Песчан-

скую, надеясь, что в этой, самой отдаленной от центра окраине мы разместимся. Тем более, что в этой части Гуляй-Поля имелись самые лучшие наши нелегальные квартиры. Но оказалось, что в ней идут облавы всю неделю, и не исключена возможность, что мы будем сразу же накрыты. Поэтому мы, снова выехав на дорогу, направились на деревню Марфополь, в 5-7 верстах от Гуляй-Поля.

Когда мы в'ехали в эту деревню, то солнце уже подымалось. Следовательно, прятаться в деревне было нельзя. Да и квартиры, в которых мы должны были остановиться, оказались пустыми. Хозяева и хозяйки их — крестьяне — были все перестарованы немцами и сидели в Гуляй-Поле под строжайшей охраной, как укрыватели «опасного, но неуловимого Махно и его ближайших товарищей».

Это обстоятельство заставило нас направиться в поле, в поисках удобной балки, где можно было бы, скрыто от прохожих и проезжих людей, остановиться, понасти лошадей и самим отдохнуть.

Как только мы выскочили за деревню, в поле, мы сейчас же свернули в сторону одной из больших и длинных чалок: в так-называемую Хундаеву балку. Здесь мы остановились. Обставили место расположения пулеметами при одном дежурном пулеметчике, расседлали лошадей, а других распягли и пустили пастись. А сами легли, чтобы приуснуть.

Но не долго нам пришлось отдыхать. На нас наткнулись пастухи, к которым, в час обеда, с'езжаются многие из Гуляй-Поля доить коров. Естественно, увидев нас, пастухи начнут рассказывать об этом с'езжавшимся к ним. Нервы и без того натянуты, а тут еще черти несут пастухов...

Подымаюсь я сам. Решил открыть себя. Иду к пастухам. Сзываю их в одно место. Об'ясняю им, почему мы остановились в этой балке. Убеждаю, что они об этом нигде ни словом не должны обмолвиться. Говорю им о том, что нужно бороться с немецко-австрийской армией, с гетманом и его правительством, с законами этого правительства; и что они, пастухи, должны в этом помогать борющимся хотя бы тем, что не выдавать их, если увидят, властям или их секретным агентам, так называемым шпицам.

Об'ясню им, что борьба борющихся против немцев и гетмана должна превратиться в великую украинскую кре-

стьянскую революцию, и тогда мы, труженики, их победим. Спрашивая их мнения о том, что скавал им. А они остановились (все это я говорил им на ходу, идя вслед за коровами) и, разинув рты, молчат. Почему? Оказывается, они перепугались, неожиданно увидев меня. Начинаю их уговаривать быть смелыми и хорошими сынами трудового крестьянства. А они мне рассказывают, что им известно, что я набрал гуляйпольских крестьян много денег и убежал в Москву. Купил там роскошный барский дом и живу в роскоши, а о крестьянах даже и не вспоминаю.

Я добиваюсь, где и от кого они все это слышали. Они говорят:

— Нам многие из наших буржуев говорили, да и прокламация немецко-австрийского штаба читали.

И тут же один из них побегал в свой пастушечий курень и принес мне эту прокламацию на украинском и русском языке.

Я, прочитавши эту прокламацию, начал было их разубеждать, доказывая, что это буржуазия умышленно брешет на меня, чтобы крестьяне объединялись вокруг нее и боролись против революции и революционеров. На это мои слушатели заявляют мне, что они этой прокламации и не думали верить. — Але нам болоче було тому, що ви вихали в Гуляй-Поля. А тепер ми бачимо, що ви повернулися і це дуже добре, — сивозь слезы говорили мне пастухи.

После они снабдили меня хлебом, двумя арбузами и обещали молчать, никому ни слова не говорить о том, что они видели меня. Я их поблагодарил, и на этом мы закончили нашу беседу.

Я хотел уже уходить от них, как вдруг между скотом пробрается к нам т. Лютый. Он был очень сердит, что я так долго задержался возле пастухов и, не спрашивая меня, о чем мы говорили, и чем кончился разговор, вынимает из-за пояса револьвер и, обращаясь к пастухам, говорит, указывая на меня:

— Вы видели Нестора Ивановича и меня. Если мы говорим, что вы где-либо сегодня до вечера проболтаетесь об этом, вы будете убиты.

Несчастные пастухи на смерть перепугались. Пришлось поспешиться с Лютым, а их минут десять успокаивать.

В конце концов я склонил т. Лютого к тому, чтобы он

перед ними извинился за то, что, не выяснив того, как они смотрят на предателей, начал угрожать им. Т. Лютый извинился, и мы расстались друзьями.

* * *

Время приближалось к полдню. Мы поели, и теперь я, предложив товарищам свести к ставу напоить лошадей и к трем часам дня оседлать их всех, и упрямых из них приготовить, лег, чтобы эти три часа поспать.

Но и в три часа мы не могли сняться со своей стоянки. Слишком уж много проезжало народу по трактовым дорогам, и мы предпочли не показываться проезжим.

Так мы продержались в скучной Хундаевой балке, кормя лошадей и сами отдыхая, почти весь день.

Но к вечеру как-то неожиданно нависли над нами, одна над другой, дождевые тучи, и пошел дождь. Это было похуже для нас. Перед нами встал вопрос: что же делать? На ночь оставаться в поле нельзя. Каждый из моих славных друзей обращался ко мне, словно я один виноват в том, что мы очутились в балке, что пошел дождь, что предстоит неизвестное будущее, и как-будто только от меня зависит определенное решение о том, что делать.

Я был не в духе. Сердит, сам не зная на кого, скорее на создавшееся положение, и ответил им:

— Если вы, друзья, будете во всем надеяться, что только я один могу придумать, как выйти из создавшегося положения, то мы ни черта не сделаем.

— Брось дурака валять, — закричали Марченко и Каретник, — мы вступаем в полосу решительных военно-революционных действий. Инициатива этого дела — твоя инициатива. Мы и полагаемся на тебя. Мы будем тебе помогать, поправлять тебя, если это нужно будет, но мы всегда считались с твоими предложениями, и мы идем, что ты скажешь о настоящем нашем положении.

Я рассмеялся и сказал им:

— Если это от меня зависит, если вы хотите, чтобы я решил, как нам следует сейчас поступить, чтобы выйти из создавшегося положения, то я стою за то, чтобы переехать на ночь в деревню Степановку и, в крайнем случае, в Марфополь. А дальше видно будет, что мы предпримем. И чтобы не терять понапрасну времени, — добавил я, — я сейчас

же с кем-либо из вас поеду в Степановку, подготовить квартиры для всех нас. Согласны с этим?

Все товарищи выразили свое согласие, и я тотчас же, с двумя из них, сели на лошадей и поскакали в деревню Степановку.

В деревне мы быстро созвали нескольких крестьян. Я рассказал им, что невдалеке, верстах в семи от Степановки, в поле, под открытым небом, находится наш отряд с пулеметами на тачанках и несколькими всадниками. Оставаться в поле под дождем нельзя. Мы к утру промерзнем и потеряем всякую энергию к борьбе, которую, надеюсь, вы, мол, всемерно поддержите. А потому, отряд нужно перевести в деревню и расквартировать.

Наши крестьяне вообще не любят много говорить. Они тут же снарядили и выслали своих гонцов к отряду, в Хундаеву балку.

После захода солнца, отряд был приведен в деревню и расквартирован.

* * *

Почти всю ночь пожилые крестьяне и молодежь провели в беседе со мною о том, как их гетманцы обманывают. Гетманцы им говорят:

— Вот и уважаемый и поддерживаемый вами весь 17-й и весну 18-го года Махно. Он бросил вас и уехал к москалям, к казакам в Москву. Купил себе там роскошный барский дом и живет себе «припеваючи». Такие все революционеры, как Махно; они только наживаются на вашем неблагоразумии.

Все время, — говорили крестьяне, — гетманцы стараются перетянуть нас на свою сторону, чтобы вместе с ними заниматься ловлей революционеров и выдачей их немецким и австрийским властям.

— И что же вы теперь скажете им, когда видите меня в своем кругу? — спросил я их.

— Что-ж тут говорить? Мы и раньше знали, что они, гетманцы, нам врут, но мы не могли говорить им это прямо в глаза, нас за это переарестовали бы и поубивали. Теперь же можно, хоть сейчас, пойти ко всем этим провокаторам, забрать их и проучить.

Конечно, степановские крестьяне, как говорили, так и

сделали бы, если бы я сказал им: «Да, идите», или — «Идите сейчас же и уничтожьте гетманцев». Но братья за этих провокаторов было не в нашей цели, тем более в эти дни.

Перед нами стояла прямая задача: как можно решительнее перейти самим и призвать все, нами организованные и инициативные повстанческие группы к решительным вооруженным действиям против гетманщины и немецко-австрийской вооруженной силы, воздвигшей гетманщину в стране и целиком и во всем защищавшей ее своими штыками.

Чем отважнее и, без всякого политического доктринерства, прямее мы подойдем сейчас же к действиям против контр-революции, — твердил я каждый день своим друзьям и товарищам по группе анархистов-коммунистов, — тем лучше трудовое крестьянство нас поймет, и тем скорее мы его подыдем, в широком смысле этого слова, на борьбу, организуем его и, через его организованную революционную мощь, поставим во всей полноте, и перед самими собою, как инициативной силой авангарда революции, и перед трудящимися вообще, вопрос о задачах украинской революции, которая, хотя и явится продолжением русской революции на Украине, но, по характеру и антигосударственному духу, будет украинской революцией. Размах волюнтерности, размах независимости, духа свободы и революционной самостоятельности примет здесь специфический характер украинской шири, которая стремится вылить себя на просторе, и притом именно так, как того требует реальная действительность, т.-е. учетом как сил самих развертывающихся событий, так и сил, сопротивляющихся этим событиям.

И спасибо моим друзьям: они предоставили мне полное право мыслить именно в этом направлении и обдумывать наши организационные действия только в этом духе.

Последовательное развитие этих моих мыслей и связанные с ними практические действия нашей организации совершенно оторвали меня от городского анархизма того времени, как от какой-то абстракции, искусственно, по моему, толкнувшей лучших моих идейных товарищей в городках на путь нереальности, безжизненности, совсем далеко в сторону от практического дела революции и нашего анархического движения в ней.

В селе Степановке я лишь один раз подчеркнул это своим

товарищам. И хотя я получил от них резкую отповедь, вроде: «Ты слишком зарываешься», и т. п., мне становилось все яснее, что надеяться в настоящий момент на город, в смысле влияния нашего городского движения на ход развертывающихся событий, не приходится. Городская ненормальность расшатала силы нашего движения в городе и повергла их в тяжелое, все более дезорганизованное положение.

За такими мыслями и разговорами со степановскими крестьянами и со своими друзьями и товарищами, теперь уже составлявшими отряд и кое-в-чем мне подчинявшимися, я провел всю целиком ночь и следующий день. И лишь на другую ночь мы, предварительно сговорившись с крестьянами деревни Марфополь, переехали в эту деревню.

Здесь у нас было особо важное совещание, после которого я написал ряд пакетов в Гуляй-Поле и другие волости, к нашим инициативным группам (которые нами понимались, как подотделы моей группы), и разослал эти пакеты через нашего марфопольского курьера.

На запрос нашей группы у гуляйпольцев, готовы ли они к открытому выступлению, мы получили в тот же день ответ: «Присутствие ваше, Нестор Иванович, здесь необходимо. А поэтому мы настаиваем, чтобы вы в эту же ночь перебрались к нам».

Мы посоветовались между собою. Назначили Марченко и Каретника на мое место в отряде. Я приготовился в ночь на 26-ое сентября перебраться из Марфополя в Гуляй-Поле. Однако, не успел. Нас предупредили гуляйпольская варта и немецко-австрийские карательные части. Они, по обыкновению, два-три раза в неделю делали свои дикие налеты на деревушки и учиняли обыски. Искали оружия и неблагонадежного в политическом отношении элемента среди крестьян. И вот, как-раз в этот последний день они совершили налет на деревню Марфополь.

При этом налете, одна из карательных частей наскочила на наше расположение. Хозяева квартиры, где находился я, Марченко и Петя Лютый, с одним пулеметом и прислужгой к нему, растерялись. Им, ведь, грозила верная смерть. Но ввиду того, что и мы, и они об этом наперед знали, растерянность хозяев нас не могла тронуть. Мы решительно и быстро постановили дать должный революционный отпор наглým налетчикам. Поэтому, спешным делом, мало задумываясь

над последствиями нашего решения, я приказал (вопреки «священным принципам» кабинетного анархизма) в оперативном порядке своим друзьям бросить верховых лошадей у их корыт, снятые седла прикрыть половой, соломой и чем попало, а выхватывать со двора лишь тачанку с пулеметом, на которую я сам сел, предупреджая первого номера пулеметчика сохранять максимум хладнокровия и действовать пулеметом только тогда и так, когда и как я прикажу.

Мои беззаветно храбрые и честные друзья бросили все, кроме карабинов и патронов, в своих квартирах и, через дворы и огороды, отступали вслед за мною, ехавшим, стоя на тачанке, с пулеметчиком и кучером, управлявшим лошадьми.

Человек 22-25 немцев, австрийцев и вартовых бросились за нами, крича: «Стойте!» и целясь в нас. Я крикнул кучеру:

— Поворачивай лошадей назад и держи направление параллельно бегущим негодьям!.. Гаврюша, возьми прицел!

Гаврюша (пулеметчик), словно присосался, придел к пулемету. Кучер же, с лихорадочным волнением, но быстро, повернул лошадей в указанном направлении и, как-бы теряясь, нервно натягивал вожжи, будто хотел остановиться. Каратели-налетчики приблизились к нам уже шагов на 20-25, направляя дула своих карабинов прямо на нас.

Я поднял левую руку и крикнул этим негодьям:

— Пан, стой, не стреляй! Мы — милиция.

Со стороны врагов раздался злобный ответный голос: — Яка милиція?

И они как-будто перестали целиться в нашу сторону.

Я крикнул Гаврюше: «Бей!» И сам выстрелил в сторону нападавших. Пулемет «Максима» заговорил, как-бы с задержкой, но так метко, что ни один из нападавших не устоял. Все упали, частью разорванные пулями, частью легко раненные, но притворившиеся убитыми.

Товарищи, отступающие в пешем порядке, быстро окружили нападавших и предложили им подняться. Тех, которые позалезали в кусты и оттуда отстреливались, расстреляли тут же. Нескольких раненых подобрали и увели с собою. Затем бросились — одни выхватывать своих, оставшихся по дворам крестьян, лошадей и седла, другие в погоню за убежавшими немецко-австрийскими солдатами и

гетманскими вартовыми, не успевшими попасть под наш пулемет. Я лично, с тремя товарищами, кинулся к телеграфным и телефонным столбам, ведущим к Гуляй-Полю, и перерезал на них провода.

Товарищи, бросившиеся в погоню за убежавшими солдатами и вартовыми, поймали нескольких из них. Среди пойманных оказался и начальник гуляй-польской варты. Последний был тут же пристрелен. Солдат и рядовых вартовых мы забрали на свои подводы.

— Как же быть с убитыми? — мгновенно мелькнуло у меня в голове. — Ведь за них гетманское правительство и немецко-австрийское командование взыщет с крестьян деревни. (То был период, когда за каждого погибшего немецкого и австрийского солдата или вартового, — погибшего в самой ли деревне или на земле этой деревни, — власти взывали с крестьян этой деревни, в виде расстрела известного количества крестьян и наложения на всех крестьян тяжелой денежной контрибуции, которая должна была быть внесена в указанные часы. Невыполнение контрибуции каралось новыми расстрелами крестьян, конфискацией имущества и т. п.).

И я тут же распорядился, чтобы сбежавшиеся нам на помощь крестьяне взяли лопаты и, подобрав все трупы убитых, вывезли их за деревню, в помещичий лесок, и там прикрыли бы их землей или просто так бросили бы их там...

Трупы были подобраны и вывезены из деревни в помещичий лесок.

Мы же, допрошавшись с крестьянами, выехали в направлении села Турненовки и по дороге, как-бы обходя это село, остановились в одной из балок. Здесь я опросил захваченных в плен. Среди них оказались два человека украинцев галичан, из австрийской армии. Мы с ними сговорились написать под мою диктовку письмо к немецким и австрийским солдатам, в котором наша повстанческая организация предлагала им не слушаться своих офицеров, перестать быть убийцами украинских революционеров, крестьян и рабочих, и палачами их революционного освободительного дела, а убивать своих офицеров, которые привели их на Украину и делают из них убийц лучших сынов трудового народа, и уезжать на свою родину: творить там революцию и освобождать своих угнетенных братьев и сестер. «В про-

тивном случае, — подчеркивалось в этом письме, — украинские революционные труженики, под знаменем восстания против власти ваших офицеров и поставленного ими гетмана Скоропадского, принуждены будут убивать и вырезать всех вас поголовно, вместе с вашими офицерами и агентами гетмана, как убийц и палачей...»

Вручив это письмо пленным и отпустив их, мы сами, на их же глазах, тронулись в одном направлении. А как только наступила ночь, мы свернули влево, а затем назад, и остановились в 17-ти верстах от Гуляй-Поля, в деревне Шанжаровне.

Глава VI.

НЕМЕЦКО - АВСТРИЙСКИЕ ВОЙСКА В ДЕРЕВНЕ МАРФОПОЛЬ ПОСЛЕ УНИЧТОЖЕНИЯ НАМИ ИХ ОТРЯДА. МЫ В ГУЛЯЙ - ПОЛЕ.

Как только мы оставили деревню Марфополь, туда прибыли войска. По вступлении в деревню, они сразу же расстреляли старшего из хозяев той квартиры, где я с т. т. Марченко и Лютым сутки помещались. Затем согнали сельский сход. Перепороли шомполами тех из крестьян, чья физиономия не нравилась озверевшим офицерам. Кое-кого из крестьян арестовали и отправили в Гуляй-Поле в штаб, где их пытали и истязали при опросах. И потом уже наложили на всю деревушку непосильную, в шестьдесят тысяч рублей наличными, контрибуцию, которую крестьяне в течение суток должны были собрать между собою и внести в их штаб, в Гуляй-Поле.

Многие крестьянские семьи не в силах были внести требуемое с них палачами. Начались избиения прикладами, порка шомполами этих крестьян. Стоны избиваемых в этой деревне быстро долетали до нас: вести о событиях распространялись всюду по другим деревням и селам гуляйпольского района. Но в этих столах не чувствовалось отчаяния, и этого-то обстоятельства глупые палачи не понимали и не учитывали.

Само собою понятно, что наглого насилия по отношению к крестьянам деревни Марфополь со стороны немецко-австрийских и гетманских стражов ни мы, ни крестьяне простить этим непрошеным хозяевам и властелинам не могли.

На другой же день мы, посоветовавшись между собою, разделились: товарищи с берегов Днепра и из некоторых других районов выехали сейчас же в свои местности, с целью ни минуты больше не ждать, а повсеместно выступать и решительно действовать, увлекая на этот путь все лучшее и преданнейшее делу революции в крестьянстве. Мы же, гуляйпольцы, марфопольцы и обитатели других сел и деревень перебрались в само Гуляй-Поле, из которого в это время главные немецко-австрийские силы выехали в район — охотиться за революционными крестьянами, оставив в нем лишь одну роту своих солдат и усердно ей прислуживавших человек 80 гетманской варты.

В Гуляй-Поле мы совсем раздробили свои силы и разослали их по району, оставив для Гуляй-Поля всего на все го семь человек во главе со мною. Наша гуляйпольская организация, которая все время оставалась в нем, в следующую же после нашего прибытия ночь постановила созвать в ближайшую ночь все свои вооруженные силы неподалеку от Гуляй-Поля, в открытом поле, чтобы и мог видеть этих бойцов и поговорить с ним.

Выезд крестьян в одном направлении из Гуляй-Поля был подозрителен и для них очень рискован. Тем не менее, съехалось более четырехсот человек. В каждом из нас, совершенно нелегальных, рождались новые силы. Мы были переполнены желанием борьбы за волю и независимость трудящихся, за революцию и ее идеалы, за построение на их началах свободного общества тружеников.

Я лично, да и я ли только, глядя на боевые крестьянские колонны в открытом поле, на стройные их ряды, расчувствовался. Хотелось тут же лишний раз спросить своих близких, иногда подтрунивавших над моими, часто резкими, выпадами по адресу родственников нам по идее городских групп, обращавших мало внимания на деревню, на ее живые и плодотворные силы, — хотелось снова спросить их о том, кто же виноват, что эти силы до сих пор не организо-

ваны в стране вообще. Однако, я тут же сознавал, что на эту праздную болтовню нет времени.

Мы все сели, а кое-кто даже лег на землю, и занялись разрешением вопроса: когда и в каком направлении начнем мы свою революционную атаку из Гуляй-Поля, а затем и по всему району, атаку против немецко-австрийских армий и гетманских банд.

Все высказались в следующую ночь!...

Тогда были сделаны указания: пешанам и гуриянам с вечера занять все пути входа и выхода из Гуляй-Поля со стороны сел Федоровки, Воскресники и Полог, где стояли внушительные по количеству силы немецко-австрийских войск. А бочанни, ярмарковцы, подолянцы и вербовцы (все это — районы Гуляй-Поля) пойдут в центр Гуляй-Поля и, захватив его в свои руки, разгонят гетманскую варту и немецко-австрийскую роту, по возможности захватывая пленных, чтобы уничтожить весь их штаб.

Затем все мы спокойно и тихо разбрелись по своим квартирам.

Эту ночь ни я, ни мои близкие друзья не спали. Я писал две прокламации, с надеждой, при занятии центра Гуляй-Поля, сейчас же их отпечатать и распространить по всем районам, которые наша организация взялась организовать и поднять на борьбу. Товарищи обдумывали детали плана намеченного действия.

На следующий день в Гуляй-Поле возвратилась еще одна рота немецко-австрийских экспедиционных войск. Мы, было, немного обеспокоились, но не отменили задуманного на вечер действия. Вечером все бойцы во всех районах Гуляй-Поля были готовы к бою, и мы повели наступление. Легко и безболезненно (для себя, конечно) разогнали и немецко-австрийских солдат, и гетманских вартовых. К сожалению, лишь штаба их не схватили: последний раньше всех своих подчиненных бежал.

Сейчас же по занятии Гуляй-Поля, мы установили своих контрольных на почте, телефонной станции и на станции железной дороги. Я, с товарищем Каретником и с хозяевами типографии, провел ночь и пол-дня в наблюдении за работой в типографии, и наши листовки были отпечатаны. Одна — в виде призыва к крестьянам поддерживать своими представителями революционно-повстанческий штаб и смело,

не теряя времени, организовывать в своей среде, из добровольцев, боевые отряды и объединять их вокруг штаба с целью выгнать из Украины непрощенных трудовым народом опричников. Другая листовка разъясняла задачи крестьян после изгнания всех этих владык.

Гуляйпольские крестьяне зашевелились. Устроили митинг, на который собрались отцы и матери, со своими детьми. Все высказались сами о моменте и запрашивали моего мнения, мнения гуляйпольской группы анархистов-крестьян о том, за что же взяться прежде всего? Что прежде всего нужно освободить, чему надо прежде всего расчищать путь? Чувствовался голос подлинной революции в устах этих, не один раз избитых прикладами, выпоротых шомполами, раздетых, ограбленных и физически временно побежденных труженников украинской деревни.

Само собою понятно, что, действуя в самом Гуляй-Поле, мы не оставили без внимания и его район. Здесь крестьяне тоже воспрянули духом и взялись за дело своего освобождения. И хотя крестьянам на районе, как имевшим в своем распоряжении мало оружия, местами тут же и попадало, — на них тут же насакивали гетманская варта и карательные немецко-австрийские отряды и разбивали их, — но дух революции уже носился всюду. И, казалось, еще день, еще два, и гуляйпольцы дружно и мужественно пойдут целым фронтом против своих врагов, пойдут на поддержку другим селам и другим районам. К этому мы стремились и в этом направлении проделали известную работу.

Но нужно отметить, что и австрийско-немецкое командование не дремало. Оно, располагая крупными денежными суммами, успело подкупить, помимо своих шпионов, и многих из рабочих, крестьян кулаков, кушпов и лавочников, и через этих людишек держало себя, почти всегда во-время, в курсе наших дел. Не решаясь напасть на Гуляй-Поле с одной какой-либо стороны, оно спешно стягивало свои войска и группировало их вокруг Гуляй-Поля, с расчетом окружить его так, чтобы не выпустить уже больше из него «неуловимого», как они меня прозвали, Махно с его помощниками.

Это обстоятельство заставляло нас все ночи напролет разезжать воукруг Гуляй-Поля, ставить секреты и заградительные заслоны, ожидая наступления врага.

Вдруг, в одно утро, немецкий районный штаб из Полог, австрийский из Покровского и из Рождественки вызывают по телефону Гуляй-Поле, Революционный комитет, просят «господина» Махно к трубке.

Сажусь на лошадь и скачу на телефонную станцию. Говорим. Из Полог предлагают Революционному Комитету или Штабу Повстанчества разрешить ввести в Гуляй-Поле немецко-австрийские войска, численностью с батальон. Я отвечаю, что народ этого не пожелает. А если выдумаете вступать в Гуляй-Поле сами, произвольно, то встретим с оружием в руках.

Покровский австрийский штаб запрашивает:

— Правда ли, что Штаб Повстанчества перерезал всех богачей в Гуляй-Поле?

Отвечаю: — Вадор. Все богачи бежали вместе с вами.

Австрийский Штаб из Рождественки грозит двинуть свои войска на Гуляй-Поле и уничтожить его вместе с жителями, если Штаб Повстанчества не освободит попавших в плен хозяйственников его войск. Отвечаю:

— Двигайтесь. Посмотрим, как вы будете подмазывать свои пятки и удирать... Тем более, что мы только-что вооружили несколько тысяч крестьян, с'ехавшихся сюда, в распоряжение нашего Повстанческого Штаба. Они вас ждут.

Отовсюду телефонные звонки, отовсюду грубая ругань переводчиков немецко-австрийского командования.

Пока все эти «герои» из штабов вели переговоры с революционно-повстанческим штабом (он же и Революционный Комитет), штаб отпечатал еще две прокламации и часть их сейчас же распределил среди крестьянских концов (которые должны были развезти их во все села и деревушки, а также, по возможности, и к рабочим, в города: Александровск, Павлоград, «Юзовские Шахты» (теперешний Донбас), Мариуполь); часть же погрузил на свои подводы, считая, что, не сегодня-завтра, немецко-австрийское командование двинет свои силы со всех концов на Гуляй-Поле, и нам придется временно опять оставить село и продолжать рейд своим, хорошо вооруженным, но количественно небольшим легким отрядом по районам, с целью провести агитацию и распространить самому эту часть прокламаций.

Помню, мои друзья увлеклись успехом и хотели верить, что мы удержимся на сей раз в Гуляй-Поле на весьма

продолжительное время, тем более, что из районов начали поступать на сей раз сведения более утешительные. Некоторые наши повстанческие группы одержали победу над гетманскими и немецко-австрийскими карательными отрядами и намереваются прибыть в Гуляй-Поле. Но я был осторожен и убеждал друзей, что увлечение их может привести к непоправимым ошибкам. Следуя увлечению, мы должны будем призвать всех крестьян и рабочих Гуляй-Поля к тому, чтобы дать решительный бой врагу, какие бы силы ни наступали на Гуляй-Поле. Однако, боя этого мы до конца не выдержим. А поражение наше создаст катастрофические последствия для дальнейшего развития наших повстанческих групп, все взоры и помыслы которых обращены к Гуляй-Полю, в ожидании его инициативных идейно-руководящих положений. И я говорил:

— В случае решительного наступления врагов на Гуляй-Поле, мы и на этот раз сейчас же оставим его. Притом мы должны оставить его так, как-будто население только слушало нас, но не оказывало нам активной поддержки.

Необходимо отметить, что, за все время нашего пребывания в Гуляй-Поле, вооруженное население только по ночам выезжало на заставы вокруг села, на станцию и на другие пункты, в которых могли появиться войска врага. Днем же мы ограничивались силами отряда и некоторыми смельчаками из крестьян.

— Так и должно продолжаться, — настаивал я перед своими помощниками: — мы, в момент натиска на Гуляй-Поле вражеских сил, оставим его, сообщив лишь во-время населению, чтобы оно тщательнейшим образом поспрадало оружие и сохранило мужество и хладнокровие, как ни в чем не бывало: как-будто мы своим отрядом произвольно все здесь продельвали.

Мои друзья были очень недовольны таким моим маневром, но решительно против него ни один из них не протестовал. Наоборот, теперь они делали все то, что в совещании со мною обсуждали и решали.

На этом решении наш Штаб остановился определенно. Согласно этому, товарищ А. Марченко оповестил о нашем решении, через своих военных «атташе», все сотни населения Гуляй-Поля. И лишь теперь наш штаб несколько освободился от кипучей местной работы.

* * *

В один прекрасный день, я снова был вызван немецко-австрийским штабом из Полог к телефону. Начальник этого штаба повел со мною разговор: почему я, в своих воззваниях к украинскому трудовому народу, называю немецко-австрийские регулярные войска бандами, а их командиров убийцами, и т. п. Я «разъяснил», и разговор наш затонул.

Я инстинктивно почувствовал, что начальник затягивает разговор со мною с определенной целью, и поспешил предупредить т. т. Марченко и Каретника быть особенно бдительными и усилить внимание наблюдателей с колокольни и на заставах. — Сегодня, видимо, враги решили действовать, — говорил я им, — и мы должны своевременно знать, откуда, какими и какого рода оружия силами они начнут это свое действие.

Сам я продолжал оставаться у трубки телефона. За это время наш штаб вызывался из Покровского и Рождественки, но с ними мне не пришлось говорить. Действительно, случилось именно так, как я предполагал. Начальник железно-дорожной станции сообщил нашим наблюдателям, что из Полог вышли два воинских эшелона на Гуляй-Поле. Пока кур'ер донес мне это сведение (по телефону сообщить его нельзя было), тот же начальник станции сообщил мне:

— Нестор Иванович, карательные войска, в количестве двух эшелонов, не дойдя до станции, остановились посреди пути, выгружаются и направляются на село.

Я в ту же минуту бросил трубку и изолировал нужные телефонные районные линии. Спешно, с двумя пулеметами, 15-17-ю пехотинцами и несколькими кавалеристами, я выехал за Гуляй-Поле навстречу этим всемогущим «непобедимым» немецко-австрийским боевым частям. Части эти подходили и были уже на пол-дороге к селу своими не развернутыми колоннами. Мы подпустили их еще ближе и обстреляли метким пулеметным огнем. Тем самым мы заставили их сперва лечь, а затем развернуться фронтом и открыть бешеный огонь со своей стороны.

Мы, задорно смеясь и над своими силами, и над силами и маневрами противника, продолжали изредка, но метко стрелять. А когда заметили с фланга группу его кавалерии, то тотчас же снялись и, перескочив Гуляй-Поле на-поперек,

закрепились на другой стороне его и продолжали отвечать наступавшим на их бешеную пальбу, сосредоточенную исключительно на колокольне и центре Гуляй-Поля.

За это время к нам подошло несколько десятков вооруженных крестьян, с намерением целиком разделить участь нашего отряда в пути по району. Остальные, около 1000 человек вооруженных, из которых 300-400 человек все время, до сегодняшнего дня, несли службу на заставах по охране Гуляй-Поля, теперь сидели по своим квартирам, ожидая «неожиданностей», какие в это время вообще создавались.

На этой, Бочанской стороне Гуляй-Поля, мы, стянув все свои подводы, оставались, пока не подошли вражеские отряды и с других сторон. (Делали мы это с целью укоротить для врага дневное время). Но подход неприятельских частей с других сторон заставил нас сняться и, сказав населению Гуляй Поля: — До свидания! Через неделю-две мы возвратимся! — покинуть Гуляй-Поле.

Мы направились в районы Юзово, Мариуполь, чтобы таким образом расширить район своей деятельности и, в то же время, сбить с нашего следа врагов, жаждавших настичь и раздавить нас. По пути мы отобрали у помещиков, кулаков и охранявших эту свору немецко-австрийских солдат несколько тачанок, один пулемет, несколько кавалерийских лошадей с седлами и кой-какое оружие. Кое-кого из помещиков мы уничтожили, заодно с их усадьбами, так как они отстреливались при нашем появлении.

Остановились мы лишь во второй половине ночи в селе Больше-Михайловка (или Дибривки) с его знаменитым Дибривским лесом.

Глава VII.

НАША ОСТАНОВКА В СЕЛЕ БОЛЬШЕ-МИХАЙЛОВКЕ. ВСТРЕЧА С ОТРЯДОМ ЩУСЯ И ПРИСОЕДИНЕНИЕ ЭТОГО ОТРЯДА К НАМ.

Под'ехав к селу Больше-Михайловка, мы решили не въезжать в него по мосту через речку Волчью. Мы пустили в брод через эту речку свою конную разведку, которая,

обследовав улицы и выяснив, что немецко-австрийские войска вот уже около трех дней отсутствуют, перебежала затем и весь отряд. Это помогло нам тихо проехать через центр села и остановиться на подлесной окраине его. До рассвета оставалось еще 3-4 часа. Отряд наш расположился возле двора одного крестьянина с расчетом охранять себя только с трех сторон. Все, кроме часовых, улеглись спать.

На рассвете к нам собралась толпа крестьянских детишек. От них мы узнали о пребывании в лесу отряда товарища Щуся. Об этом отряде я и раньше слышал. Но тогда он был под командой матроса Бровы, которого я не знал. В описаниях отряд этот изображался как отряд типа кавказских разбойников. Поэтому я его деятельностью не интересовался. Теперь же он оказывался под командой товарища Щуся. Последнего я смутно припоминал. Он был славным бойцом весною в отряде нашей гуляйпольской группы, действовавшей против нашествия на Украину немецко-австрийских армий. Т. Каретник помог мне еще яснее вспомнить т. Щуся, так-что, в конце концов, и, действительно, хорошо припомнил его, как участника на нашей таганрогской конференции.

Мы все обрадовались, прежде всего, тому, что он, Щусь, благополучно пробрался через фронт из-под Таганрога. Да и то, что он не сидит сложа руки, а действует, нас радовало.

Я постарался тут же выяснить, в какой части леса этот отряд расположен. Я выслал двух гонцов, чтобы они разыскали этот отряд и привели ко мне одного-двух человек от него. Задача была выполнена. После этого я лично выехал в лес к этому отряду.

Товарищ Щусь получил от гонцов мою записку и согласился встретиться со мною. Однако, он не доверял тому, действительно ли это я, а не кто-либо из агентов гетманщины. Поэтому он весь свой отряд, человек в 50-60, вывел в сторону от устроенного им в лесу неприступного блиндажа, оставив в нем только раненых. Он готовился, если встреча со мною есть ловушка, оказать решительное сопротивление.

Когда я под'ехал к поляне, где должен был выйти мне навстречу товарищ Щусь, я увидел выстроенный в каре отряд, наполовину в немецко-австрийском одеянии. Думая, что я влетел в немецко-гетманскую заставу, я быстро повер-

нул назад лошадь, чтобы как-либо улизнуть. Но в это время послышался голос:

— Товарищ Махно, это я, Щусь.

В то же время, он отпустил ко мне оставленного у него, как заложника, одного из моих гонцов. Последнее обстоятельство меня окончательно убедило. Я направился прямо на полянку, к отряду. Поздоровался с отрядом и с самим Щусем. Теперь только я, глядя на Щуся, одетого в гусарскую немецкую форму, плотно облегавшую его красивую и стройную фигуру, и вооруженного до зубов, узнал в нем того самого красавца матроса Щуся, которого знал раньше. Мы обнялись и поцеловались. Отряд его был также хорошо, хотя и разнообразно, одет в немецкую, австрийскую, украинскую гайдамацкую форму и в крестьянскую одежду; и тоже был вооружен до зубов. Это придавало ему боевой вид. В отряде чувствовался восторг, когда мы со Щусем облобызались.

Затем я поставил т. Щусю вопрос:

— Что ты, товарищ Щусь, делаешь с этим отрядом до сих пор, и что намерен делать в дальнейшем?

Ответ был краткий:

— До сих пор я совершал нападения на возвратившихся помещиков и уничтожал их и всех их охранителей, немецких и австрийских солдат.

— А как ты относишься к гетманской варте? — спросил я его.

— Варту я обычно разгонял.

— И только? — переспросил я его.

— Иной работы я пока не предвижу, ибо уничтожаемых мною «гадов» еще очень много.

В этих кратких фразах товарища Щуся для меня было все ясно и понятно. Он следовал в своей борьбе против угнетателей своеобразно им понятным постановлением наших гуляйпольцев на конференции в городе Таганроге. Поэтому советовать ему что-либо другое в это короткое время я не мог. Однако, видя его теперь лично и припомнив отзывы о нем друзей, я очень не хотел, чтобы он, этот, по натуре своей, по мужеству и отваге, славнейший человек, так безумно сгорел в том способе борьбы, какого он придерживался до сих пор. Подумав, я предложил ему выслушать меня о моих намерениях, о намерениях всей нашей повстан-

ческой организации. члены которой, хотя еще и не все, с'е-хались.

Я рассказал ему о том, какая работа нами проводится. И в заключение, я сказал ему: — Я прошу тебя, брось лес, выйди со своим отрядом на простор, в село и деревни; бросайся с ним сам, и зови крестьян, и особенно крестьянскую молодежь, в революционную бурю, с ясными, определенными и для всех понятными общими целями, дающими нам, революционерам, право поднять свое оружие, свой карающий меч, вместе с трудовым народом, против всех тех, кто, во имя власти и привилегий буржуазии, поднимает свой меч против трудящихся, против их воли и прав, задаваясь целью уничтожить всех нас. Идя в авангарде трудового народа, борющегося против контр-революции за революцию, мы, преданнейшие сыны его, ринемся в открытый бой с нашими палачами...

Товарищ Щусь, низко наклонив голову и глядя в землю, долго ни слова не возражал мне. Он лишь изредка поглядывал на бойцов своего отряда и спрашивал их, слышат ли они что я говорю. И сам слушал меня. А затем, когда я его спросил, что он может возразить на высказанные мною мысли, он быстро выпрямился и, по детски улыбаясь, схватил меня в свои здоровенные объятия, выкрикивая:

— Да, да, я пойду с тобою, товарищ Махно!

В отряде раздались возгласы:

— Слава! Слава!

Мы все, — я, Щусь, мои и его близкие друзья, — тут же устроили маленькое совещание о выводе его отряда из леса в село и о том, чтобы, не теряя попусту времени, заняться организацией дивривских крестьян.

По окончании совещания, Щусь подошел к отряду и спросил у своих бойцов, как они смотрят на то, чтобы выйти из леса в село, раз'яснив им цель этого выхода. Бойцы решение наше одобрили. Я со своими друзьями уехал в своему отряду, а Щусь начал собираться ехать в село.

* * *

У выхода из леса у села Больше-Михайловка встретились теперь два отряда: отряд дивривчан и отряд гуляйпольцев. Они тут же были слиты в одно нераздельное целое. Новый отряд представлял собою сильную духом и волей бое-

вую единицу. Передо мною теперь с еще большей ясностью представлялась будущая наша деятельность. Я тут же подумывал (пока что, про себя) о том, чтобы силами этой единицы проделать большой рейд по-над Юзовым, Мариуполем, Бердянском, по всем селам, деревням и хуторам, с целью агитации и организации бунта, революции и собирания оружия и средств для поддержания этого великого дела.

Одно меня тревожило: в отряде Щуся было несколько человек раненых. Их нигде нельзя было, казалось мне, оставить. Их нужно возить с собою. А это явится, думаю я, большим тормазом для нашего рейда между многочисленными вооруженными силами контр-революции, так-как на первых порах некому будет за ними ухаживать. Но моя тревога скоро рассеялась благодаря тому обстоятельству, что почти у каждого из раненых оказалась в селе невеста. Эти женщины, при выходе из леса отряда, были уже возле раненых своих друзей и мило за ними ухаживали. А те из них, друзья которых были особо тяжело ранены, сейчас же объявили себя повстанками, желающими разделить участь своих друзей и всего отряда в походах и в боях.

Теперь мы были окружены многочисленной толпой крестьян и крестьянок и вытягивались из-под леса в центр села. А когда вступили в центр, мы увидели уже возле себя почти все трудовое население. Одни просили сказать, что нужно готовить на ужин для повстанцев. Другие просили принять их в отряд. Жизнь становилась какой-то напряженной и в то же время радостной.

С первых же дней выступления я был противником того, чтобы об'едать трудовое население, когда можно обойтись без этого. Я попросил собравшееся население сказать открыто, где живут кулаки, имеющие овец, телят, чтобы можно было у них взять две-три овцы на суп бойцам. А к супу крестьяне снесут хлеба, и отряд таким образом будет накормлен.

Население указало кулаков, а некоторые из них сами поспешили откликнуться и предложили нам для отряда по одной овце. Так вопрос о кормежке бойцов отряда был разрешен самим населением, и быстро.

Воспользовавшись громадным сельским сходом, я провел митинг на тему о борьбе с немецко-австрийскими контр-революционными войсками, гетманщиной и организовывав-

шимися как-раз в это время реставрационными силами генерала Деникина. И так-как, на мой взгляд, эта последняя организация была более осмотрительна и более предана делу, чем гетманская, то я и остановился в своем выступлении на ней: на том, как она, с помощью своих отрядиков в 20-30 человек, под прямым покровительством гетманщины и немецко-австрийского командования, разгуливает по стране, наводя страх на трудовое население и, в то же время, ведя подготовительную работу. Я указывал трудовому населению, как эта организация, в лице полковника Дроздова и его отряда, в Бердянском уезде проводит свое гнусное дело на службе у гетманщины; а в Мелитопольском уезде агенты какого-то генерала Тилло тоже не дремлют, используя глупую и преступную гетманщину для дела остатков русского самодержавия.

— Против немцев, австрийцев, гетмана и гетманщины мы наедемся поднять такой бунт, какого еще никто не устраивал, и их мы победим. Но не нужно упускать из вида, что на Украину обращены взоры атаманов Белого Дона и добровольческой армии генерала Деникина. Шайки бандитов под руководством опытных офицеров уже рейсируют по нашим районам. Деникинщина и Белый Дон поглядывают на наши районы, усыпанные тысячами помещичьих и кулацких гнезд, богатые немецкими колониями, население которых вооружено до зубов приведенными к нам Радою немецко-австрийскими армиями. В этих районах организация реставрации, деникинско-красновская организация, чувствует для себя почву. Она связывается с ними и духовно, и организационно, несмотря на то, что главной задачей этой организации является сохранить за собою Кубань и Дон и расчистить себе путь к Москве. Без хорошего тыла она не может обойтись, а таким является юг Украины.

— Вот почему, — подчеркивал я крестьянам, — мы должны, борясь против немецко-австрийской оккупации и гетманщины, за-одно с корнем вырывать и уничтожить и зародыши этой белой деникинской организации. Все, что имеет отношение к вооруженной силе этой организации, должно быть сметено с нашего пути. Ибо в этой, так-сказать, генеральской организации, русско-монархической по духу, мы усматриваем одного из серьезнейших наших врагов, будущность которого несравнима ни с тщедушной гетманщиной,

ни с преступно распоряжающимися нашими правами и жизнями немецко-австрийскими палачами. Ни тем, ни другим от нас не должно быть пощады!

Таким призывом к дивровскому населению закончил я тогда свое собеседование. И в крестьянской массе долго повторялось: ни тем, ни другим не должно быть пощады.

А когда я встретился со своими друзьями, то они на меня набросились, почему да зачем я говорю крестьянам сразу об этом. Это их, дескать, испугает, и они, подобно многим рабочим, займут выжидательную позицию в отношении своих врагов. А это приведет все наши начинания в борьбе за революцию к нулю.

Такое непонимание крестьян моими друзьями, крестьянами же, сознаюсь, меня испугало. Быть-может, я на сей раз целиком разделил бы их мнение. Быть-может, если бы я не находился на руководящем посту, я пошел бы серьезно разобраться в общей украинской действительности того времени и сказал бы друзьям своим: вы правы. Или, если бы не сказал этого, то молчаливо поддерживал бы те лозунги, которые они выбросили бы вместо моего: ни тем, ни другим из наших врагов не должно быть пощады!

Но инициативная и руководящая роль моя в основной нашей организации, а теперь и в отрядах, принудила меня быть несколько осмотрительнее и, в то же время, решительнее. Подумав, я, без колебаний, считаюсь с реальной действительностью, ответил друзьям моим:

— События настолько пониты, что затушевывать их с тех сторон, из-за которых они могут пугать широкие крестьянские массы, не приходится. Мы должны считаться с наличием сочувствия масс к нашим революционным начинаниям и на нем строить. Тем более, что лозунги восстания нами уже брошены. Восстание нами организованных крестьян во многих селах уже началось. Кровь полилась, и полилась она под нашим знаменем и под влиянием нашего лозунга: жить свободно и строить новую общественную жизнь на началах свободы, равенства и вольного труда, или умереть в борьбе против тех, кто мешает нам в достижении этой великой цели. Что же нам, организаторам восстания, остается делать, как не сказать честно и во всеуслышание: пусть же сильнее разразится буря в этом восстании! И, сказавши

это, отдаться целиком борьбе, руководя ею и помогая ей временно находить верные пути.

— Ты прав, — ответили мне, в конце концов, мои друзья, и мы не намерены перешагнуть того, что нами давно решено и согласно чему мы уже действуем. Нас встревожило передавание из уст в уста расходящимися с митинга крестьянами и крестьянками девиза: ни тем, ни другим из наших врагов не должно быть пощады. Нам кажется, — подчеркивали А. Марченко и Щусь (который сам до сего дня действительно никому не давал пощады), что дивровские крестьяне этого испугались и завтра вряд ли соберутся.

Конечно, беспокойство моих друзей оказалось напрасным. На утро вся площадь и улицы, ведущие к ней, были полны крестьянами. Даже из других сел начали съезжаться крестьяне. Одни, чтобы записаться в отряд; другие, чтобы получить оружие и инструкторские указания.

* * *

Так простояли мы в селе Дивровка еще два дня. Отряд наш разросся до полутора тысяч человек. Но из этого количества три четверти было без оружия. Безоружных мы брали только на учет, но не вводили, пока-что, в действующий отряд.

На третий день я опять на митинге. Крестьяне выделили из своей среды совет. Опять затронули вопросы об организации повсеместного восстания крестьян против власти германа и немецко-австрийского командования. До позднего вечера я проводил этот крестьянский митинг. А потом, до поздней ночи писал инструктивный и оперативного характера распоряжения всем нашим отрядам, действовавшим на стороне от нашего штаба и отряда, и рассылал их, через крестьянских гонцов, по всем районам.

И, как никогда прежде, чувствовал я себя почти одиноким. Как никогда, сердился я на всех своих идейных товарищей из городов, которые теперь менее, чем когда-либо, казались мне достойными того, чтобы их эта широкая крестьянская масса уважала; но которые, будь они среди этой массы, могли много полезного — о, как много! — сделать для нашего движения вместе с этой массой.

Теперь мне хотелось говорить: говорить с товарищами Марченко, Каретником, Рябком, Щусем и другими. Но

приставленный ко мне, с первого же дня существования нашей военно-революционной организации, товарищ Петя Лютый (почти за моего охранителя) сообщил мне, что никого из них в волостном совете, где я помещался, нет. И я, в тоске, распластался на столе, чтобы поспать.

Вдруг я спохватился, что еще не осведомился о том, как расставлены на переправах в село наши заставы. Я встал, надел на себя оружие и пошел, куда нужно, чтобы узнать обо всем этом.

Все оказалось в порядке. Я зашел во двор совета, где, среди двора, лежали раненые повстанцы из отряда Щуся. Один из них, товарищ Петренко, был тяжело ранен и стонал. Невеста его сидела возле него и плакала. Обидно было, что мы не могли положить его в больницу. Но ничего сделать было не удалось.

— Нужно теперь же хорошо уложить его на подводу на ночь, — сказал я дежурившим возле раненых, — ибо, если будет тревога, тогда поздно будет.

Меня заверили, что все наготове на случай тревоги. Раненые быстро и хорошо будут усажены на подводы. Тогда я ушел в здание совета, бывшее волостное управление, и опять улегся, за отсутствием кушетки, на столе, чтобы хоть немного уснуть. Здесь я получил сведения от Марченка, что он, Каретник и Щусь находятся среди бойцов отряда. Это меня совсем успокоило, и я уснул.

Однако, спать пришлось недолго. Лютый сильным стуком в дверь меня разбудил. Проснувшись, я услышал пулеметную стрельбу. Всканываю, как ошалелый; хватаю оружие и выскакиваю во двор. Повстанцы все, кроме тех, что стоят на заставах, сбегаются к штабу. Я узнаю, что первыми открыли стрельбу наши заставы со стороны Успеновки и Покровского.

— В чем дело ?

— Австрийцы наступают.

Тревога ужасная. Противник из-за реки Волчей обстреливает из пулемета двор Совета. Убил уже нескольких лошадей от подвод раненых. Щусь и Марченко выстраивают отряд. Тов. Каретник уехал на заставу со стороны села Покровского, где усилился огонь. Сбежалось несколько крестьян, спрашивают:

— Что делать ?

Паника нескольких растерявшихся товарищей рассердила меня. Врываюсь в их гущу и решительно приказываю вскочить во двор, выхватить со двора на руках все тачанки, пустые и с ранеными, и запрягать в них лошадей, какие есть, на улице, под прикрытием домов.

Марченку же и Щусю было дано распоряжение выстроить взвод по направлению стрелявшего неприятельского пулемета и залпами заставить его сняться или перевести огонь со двора, где наши подводы, и куда он метко попадает.

Тем временем товарищ Каретник, со своим подкреплением и заставой на мосту, отбил назойливого противника и выяснил, что между нападавшими есть солдаты в австрийской форме и есть не военные, штатские люди. Но выяснить, кто именно были нападавшие, австрийцы ли или же помещичьи, немецких колонистов или кулацкие карательные отряды, определению не удалось.

Когда подводы были выхвачены из-под обстрела и лошади в них запряжены, мы решили выгодным для наших сил выехать до утра из села в лес. Тихо сняв свои заставы, мы так же тихо снялись и из центра села направились к лесу.

Жуткая картина открылась перед нами по дороге к лесу. Дорога заполнена была крестьянами и крестьянками, со своими маленькими детьми. Полужрича, полуплача, крестьяне говорили нам:

— Не покидайте нас на издевательства нашим угнетателям. Общими силами мы их наступление как-нибудь отобьем.

Становилось больно на сердце слышать этот отчаянный стон порабощенных. Но, не выяснив, как велики силы нападавших, и кто они в действительности, каким оружием располагают, мы оставались в центре села до утра ни в коем случае не могли. Мы должны были скрыть свои силы от противника на случай столкновения с ним. Это отставалось всеми нами. А товарищ Щусь даже и не помышлял о том, чтобы можно было дать бой наступающим в самом селе.

Несмотря на плач крестьянок и их детей, я крикнул по частям: «Дать повод!» И мы все мелкой рысцой направились к воротам, ведущим в лес.

Нападавшие тоже, видимо, чувствовали неуверенность и страх. Вместо того, чтобы подпустить нас к воротам леса тихо и в темноте, они, услышав наше приближение к во-

рõtам, зажгли один из крестьянских дворов и начали палить из пулеметов и ружей в сторону нашего движения.

Это заставило нас броситься в другую часть села, к другим воротам, ведущим из села в лес. Но здесь мы были более осторожны. Здесь, прежде, чем пропустить наш обоз в лес, я спешил из него человек 30-35 бойцов и поставил их угольником так, чтобы одна сторона его обстреливала лес в направлении, куда нам нужно было продвигаться, а другая — хребет, простилавшийся по ту сторону речки Волчьей, по-над дорогой из Успеновки в Больше-Михайловку (Дибривки), откуда было начато первое ночное на нас наступление. Это условие давало нам возможность, в случае не слишком сильного обстрела нас в лоб или с правой стороны (по нашему следованию) безболезненно провести наши обозы и малочисленную кавалерию в лес.

Но, увы! Едва я расставил этим углом бойцов, знавших местность (бойцов из отряда товарища Шуся), и успел крикнуть: «Шуся, давай вперед обоз!» как из лесу раздался залп приблизительно из 15-20 винтовок и ручного пулемета. Затем другой и третий залп, которые быстро превратились, хотя и в беспорядочный, но частый огонь в сторону, где я находился с этими 30-35-ю товарищами повстанцами.

Я крикнул своим: «Ложись!» и затем: «Огонь в сторону неприятеля!» и тут же дал два-три выстрела сам, из своего карабина. Но, к сожалению, я услышал с нашей стороны только эти свои два-три выстрела. Весь мой взвод убежал в сторону, под прикрытие, где стояли все наши остальные части.

Неприятель не переставал обстреливать намеченный нами проход в лес.

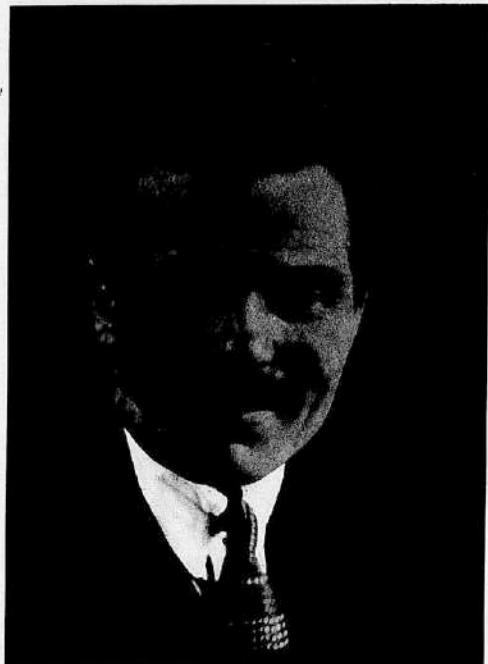
Видя себя одиноким на полянке, да еще осыпавшим пулями, я тоже схватился и перебежал к частям, под прикрытие.

Бойцы начали волноваться. Приближался рассвет. Рассвет всех нас тревожил. Мы сознавали, что если неприятель окажется регулярными немецко-австрийскими частями, и в достаточном количестве, то он на рассвете поведет наступление и на лес. В особенности он должен будет это сделать, если увидит, хоть приблизительно, количество наших сил. Поэтому все мы, одни сознательно, другие инстинктивно, сознавали необходимость войти в лес до рассвета.

ТАРАНОВСКИЙ

Стал участником в одной из гулий-польских лавок. Во время войны 1914 г. окончил школу прапорщиков. Весной 1918 г. командовал в Гулий-Поле еврейской ротой. Впоследствии играл активную и видную роль в повстанческой армии. Занимал ряд ответственных должностей. В самое последнее время был начальником штаба и на этом посту убит в стычке с красными 19-го августа 1921 г.

Н. МАХНО

в Париже, в 1930-31 гг.

Видя, что бойцы заводились, я несколько прикрикнул на них, и на их командиров, и тут же отобрал из них опять не больше 30-40 человек. Затем, я установил в одном из крестьянских дворов пулемет «Максим» и указал, как открыть из него бешеный огонь, в известное время, в сторону, откуда стреляет неприятель. А сам, с этими 30-40 бойцами, спустился со двора, через глубокий овраг, в лес и, с фланга, в свою очередь наступая, открыл частый огонь в сторону стрелявшего неприятеля. Сочетание огня с двух сторон и, видимо, меткое, дало себя почувствовать неприятелю. Мы, вступившие в лес, как-то быстро достигли места расположения неприятеля и принуждены были дать сигнал своему пулемету прекратить огонь, так-как он поражал уже нас.

Но неприятеля на месте не оказалось. Он бросил нам два или три ящика патронов, 8 подседланных и привязанных к деревьям лошадей, а сам куда-то скрылся.

В скором времени мы овладели полностью проходом в лес и начали переправлять через него оставшиеся в селе наши части.

По лошадям, оставленным неприятелем, мы узнали, что с этой стороны на нас наступали помещичьи и кулацкие гетманские карательные отряды. Теперь нам оставалось лишь выяснить, сами ли только эти отряды наступают на нас или же они поддерживаются регулярными немецко-австрийскими войсками. На выяснении этого все мои друзья настаивали, за исключением товарища Щуся. Последний предлагал нам сейчас-же перебраться в его неприступный блиндаж и сидеть в нем, никому не показываясь, пока войска будут находиться в селе Дибривках.

Я товарища Щуся вполне понимал. Сам он был бесстрашен, но он жалел раненых, жалел село, которое (мы все сознавали) должно будет жестоко поплатиться. Из-за этого он и стоял на том, чтобы поспрятаться в вырытые им действительно неприступные норы и сидеть в них до благоприятного часа, как это он всегда делал до нашего приезда в это село.

Но т. т. Каретник, Марченко, Рябко, Троян, Лютый, я, весь наш отряд и добрая половина бойцов из отряда т. Щуся стояли за то, чтобы выяснить силы нападавших и, если они равные, или не в пять и в десять раз больше наших сил, дать им решительный бой. Сделать это позволяло

нам еще и то обстоятельство, что все трудовое население села целиком стояло на нашей стороне.

Товарищ Щусь в это время еще не думал о том, что штаб нашей организации может притянуть его к делу в порядке организационных обязанностей. Он нашего совещания до конца не дослушал. Он выстроил часть своих людей и тачанки с ранеными и уехал вглубь леса, по направлению к своему блиндажу. Мы же: я, Каретник и П. Петренко (брат раненого), с незначительной частью бойцов, решили снова направиться к тем воротам, куда мы направлялись из села в первый раз, но откуда, вследствие обстрела, свернули в эти, через которые с трудом пробрались в лес.

Тов. А. Марченко шел с оставшимися бойцами глубиной леса, держа связь с нами, и со Щусем.

У ворот неприятеля уже не было. Хозяин сгоревшего возле этих ворот дома сообщил нам, что на воротах было около полуроты австрийцев и с десятком помещичьих и кулацких сынков, которые вообще, за спиной немецко-австрийских войск, изощрились в уничтожении революционеров крестьян по селам и в порке иномполами тех, которые, хотя активной революционности и не проявляли, но не могли скрыть своей ненависти к помещикам и властям.

Сюда же, к воротам леса, начали сбегаться из села крестьяне и крестьянки. Один доносил нам о том, какие силы угнетателей вступили в село; другие просто не хотели видеть этих угнетателей за обысками и расправой над крестьянами: они покидали свои дворы и уходили в лес, с надеждой, что скоро возвратятся обратно в село.

Мы теперь уже знали, что войск в селе всего около батальона австрийцев, затем отряд человек в 80-100 из помещиков, немцев колонистов и кулаков, да гетманской официальной варты около ста человек. Сила далеко не равная нашим силам, и это нас угнетало. Я лично внешне не хотел с этим соглашаться и послал в село двух разведчиков, опытных, старой службы солдат пограничников: Василия Шкабарню и еще одного, фамилии которого не помню. Посланы они были с наказом точно выяснить количество неприятеля по роду оружия и место его расположения. Одновременно я послал записку товарищу Щусю, чтобы он с людьми прибыл к воротам. Через два с лишним часа разведчики возврати-

лись с донесением, приблизительно совпадавшим с показанными крестьян.

Товарищ Щусь отказался прибыть к воротам и приглашал меня со всеми бойцами придти к его блиндажу, где до вечера просидим вместе, а с наступлением ночи раз'едемся куда-нибудь.

Этот ответ т. Щуся меня чуть с ума не свел. Тем не менее я нашел в себе волю сдерживать гнев и послал вторично и разведку в село, и записку Щусю. Содержание записки было таково: «Т. Щусь, не будьте малодушным мальчиком. Человеку, приобщившемуся к идее революционного восстания, занявшему серьезное и ответственное место в его передовых рядах, это не подобает. Это может вызвать во многих, не только из нас, но и в рядах Вашего отряда, недоверие к Вам, как к отважному борцу и руководителю. Поэтому я, Вам не лгуя, говорю прямо и требовательно: сейчас же прибыть со всеми, оставшимися при Вас бойцами, к воротам. Здесь будет виднее, что нужно предпринять для выхода из создавшегося положения.

Ваш Нестор».

На сей раз товарищ Щусь прибыл к воротам. В скорости вернулась и вторая наша разведка, которая принесла сведения о численности неприятеля — те же, что и крестьяне, и первая разведка. Но о месте его расположения сведения теперь были более точные. Противник расположился на церковной площади, а его штаб — во дворе Совета.

— Носятся слухи, — донесли мне разведчики, — что неприятель ожидает подкрепления из села Покровского (14 верст от Дибривок).

— Ага, — говорил я тогда своим друзьям, — противник думает окружить лес и уничтожить нас в нем.

Когда мы говорили между собою на эту тему, возле нас находилось много крестьян, некоторые со своими семьями. Чувствуя, что большинство из них заражается моим настроением, притом настолько сильно, что вмешиваются в разговор вооруженных повстанцев, излагают свои соображения и т. д., я предложил всем своим близким и т. т. Щусю и Петренко сделать партизанский налет на противника сейчас же, не дожидаясь, пока он начнет свое наступление на лес.

Командиры раздвоились в своих мнениях об этом моем

предложении. Товарищ же Щусь решительно высказался против, считая мое предложение чуть ли не безумием.

Я, помню, ответил ему, что и я лично считаю свое предложение безумием, но безумием нужным и выполнимым для революционеров. И, не ожидая на это ответа товарища Щуся, я тут же обратился ко всем вооруженным бойцам и присутствующим возле нас крестьянам с речью, в которой, без всяких ораторских красот, просто, как всегда мне приходилось выступать перед крестьянской массой, я подчеркнул, что некоторые из товарищей колеблются совершить налет на наших убийц. Я же лично считаю, что они не поняли всю ту глубину моего предложения, которая лишь со стороны, и лишь позже, может быть понята. Я считаю, что для меня, — полного сил и энергии для борьбы с палачами революции, — для меня, при сложившихся условиях, лучше умереть в неравной, но решительной схватке с этими палачами на глазах терзаемого ими трудового народа и этой своей смертью показать народу, как крестьянские революционные сыны умирают за свою и его, трудового народа, свободу, чем сидеть в лесу и ожидать, пока придут буржуазные сынки и наемные убийцы и уничтожат нас.

С главными положениями речи согласились и многие крестьяне, убежавшие из села в лес и группировавшиеся возле нас. Вооруженным одиночкам повстанцам и товарищу Щусю ничего не оставалось больше делать, как только или сейчас же подкрепить чем-либо новым свое несогласие и уйти от нас, или же целиком принять мое предложение, принятое почти всеми, и активно принять участие в обезвреживании технических сторон дела.

Щусь был искренним и прямым борцом за народ. Он не мог отойти от нас. И он, в конце концов, согласился на налет.

Тогда все присутствующие вооруженные и невооруженные крестьяне заявили мне: — Мы с вами, товарищ Махно! И вот здесь-то, на полянке Дибровского леса, я впервые от всех присутствующих крестьян услышал:

— Отныне ты наш украинский Батько, и мы умрем вместе с тобою. Веди нас в село против врага!

Нужно было быть революционером анархической ориентации, чтобы не увлечься и не пасть перед тем, чем тебя, по наивности, но с открытой душою, честно и с глубокой верой,

массой труженников награждала. Кажется, я таковым был. Кажется, все мои действия подтверждают это...

Мы, инициаторы и организаторы, быстро обменялись мыслями о том, кто из нас, с какими силами, и с какой стороны села, пойдет на этот «безумный» по своей отваге налет. И я тут же дал товарищу Щусю, с несколькими бойцами при одном пулемете «Максима», распоряжение, согласно которому он должен был выполнить задачу обходного характера и быть в указанном месте как-раз в то время, когда я, Каретник, Марченко и Лютый, со всеми остальными бойцами, атакуем наших врагов.

Глава VIII.

ДИБРОВСКИЙ БОЙ. РОЛЬ ДИБРОВСКИХ КРЕСТЬЯН В НЕМ. ПОСЛЕДСТВИЯ ЭТОГО БОЯ.

Итак, налет на вступившие в село контр-революционные войска мы сделаем теми силами, которые были выбраны Каретником, Марченко и Лютым из всего нашего объединенного отряда. А т. Щусь, частью отряда, окажет нам помощь с совершенно не подозреваемой неприятелем стороны, и налет закончится с полным успехом. Так представлял я себе его результаты, не скрывая этого перед всеми бойцами в последнюю минуту раздела их на две группы и прощания друг с другом.

Товарищ С. Каретник был угрюм, но определенно соглашался с этим тоже. И, наконец, товарищ Щусь, уходя от нас, сказал мне:

— А дело наше все-таки будет выиграно! Я вижу это по настроению товарищей повстанцев.

— Ваше мнение, товарищ Щусь, меня очень радует, — ответил я ему, и мы разошлись, т. Щусь в одном направлении, а я с главными силами в другом. В группе, шедшей со мною, было два пулемета «Люйса». Это для уличного боя тоже было хорошо.

— Пулеметы, бомбы, винтовки с хорошим запасом пуль,

все это хорошо, а вот людей-то маловато, — сказал мне теперь только Семен Каретник.

На это я ему ничего не ответил. Мы рассыпались цепью и шли вместе с бойцами через дворы, перелезая, часто с затруднением, через заборы и загалы (соломенные загороди), теперь уже молча, в направлении расположения неприятеля. На пути, чуть не в каждом квартале, на улице или во дворах, нас встречали крестьяне и крестьянки, сами или подсылали своих взрослых детей, и говорили нам сквозь слезы:

— Куди ви идете, їх, ворогів ваших, багато. Ви загинете...

Но никто из нас не смущался. Мы были уже все в роли непреклонных мстителей и только просили крестьян:

— Если вы боитесь за нашу судьбу, то оставьте нас в покое, не внушайте нам тревоги!

А сами, скрепя сердце и загляывая в себе все тревожные мысли, шли все вперед и вперед.

Таким образом мы достигли предпоследней улицы от площади, где стояли сознательные и бессознательные наши враги. В это время, со стороны, одна из крестьянок подскочила к нам и крикнула, указывая на бегущую сзади нас женщину, которая, крадучись от нас, старалась проскочить вперед на ту же площадь:

— Задержите, задержите эту женщину скорее! Это — любовница одного из вартовых. Она бежит сообщить ему, что вы наступаете!..

Не видя, что делается впереди, и я, и Каретник, и ряд шедших за нами других товарищей бросились в погоню за этой женщиной. С трудом нагнали ее. Но она уже начала кричать:

— Банды Щуся наступают! Банды вот недалеко наступают!...

Товарищ Марченко не сдержал себя и ударил ее по голове револьвером. Я крикнул друзьям:

— Завяжите ей рот и тащите к отряду! — А сам схватил товарища Марченко за руку и быстро побежал обратно к отряду, еле дыша. И когда подскокил к крайним товарищам, я почти сквозь зубы им крикнул:

— Передавайте по цепи, чтобы быстро продвигались во дворы последней улицы от базара! Иначе опоздаем...

Через пять минут мы все выглядывали из дворов на дер-

жавшую площадь и осторожно, по одному, проскакивали на базар, под лавочки. Здесь и в последний раз сказал своими друзьями повстанцам:

— Ну, мы в руках смерти. Кто из нас окажется наиболее отважным, того она не возьмет, тот с нею в силах еще сразиться. Будем же, друзья, безумно отважными, этого требует наше дело! — Я тут же расставил смельчаков, очутившихся со мною под лавочками, цепью. Сам, с товарищем Лютым, подполз по-под лавченкой на сторону, откуда видны были почти все силы нававших на нас австрийцев, помещиков и кулаков. Из австрийских солдат кое-кто сидел, а большая часть лежала. Пулеметы стояли прикрытые брезентиками. А помещики и кулаки, с винтовками и централками за плечами, сустилась чего-то, расхаживая, по три и пять человек вместе, взад и вперед.

Я сейчас-же вылез из-под лавочки обратно к бойцам. Здесь меня поджидал человек с донесением от Щуся. От него я узнал, что товарищ Щусь с группой повстанцев уже на своем месте. Возле него группируются крестьяне.

Ни слова не отвечая Щусю (план действия не изменен), я махнул рукой в сторону наших людей, оставленных по дворам вокруг площади, чтобы они перебежали ко мне; а к занимавшим позиции при мне, по-над базарными лавченками, обратился с вопросом, готовы ли к атаке, и тут же подал команду:

— Огонь!

Вследствие того, что австрийцы и помещичьи отряды находились от нас всего в 80-100 шагах, наш огонь был настолько меток, что эти непрошенные пришельцы не успевали сразу стрелять в нашу сторону. Увидев это, я крикнул, обращаясь к бойцам:

— В атаку! Ура!

И мы все бросились в атаку на врагов. В это же время, отряд с товарищем Щусем во главе открыл сильный пулеметный и оружейный огонь по врагам справа. И наши враги бросились панически бежать в сторону Села Покровского, кто по улицам, кто через дворы села, оставив нам пулеметы, массу винтовок с большим запасом патронов и больше 20-ти хороших подседланных кавалерийских лошадей.

Убегая, враги наши кой-где зажигали крестьянские дома и все, что быстро могло воспламениться в дворах.

Часть кулаков и вартовых бросилась в сторону речки Волчьей. Здесь наши лшйсисты ее загнали в речку. Зрелище неописуемое! Эти господа бросают свои винтовки и центральки и, захлебываясь водой, стараются спастись через речку вплавь.

Трудовое население села зашевелилось, точно муравейник. Крестьяне и отважные крестьянки выскакивали из своих дворов с вилами, лопатами, топорами, ружьями, и беспощадно убивали панически убежавших мимо них солдат австрийской армии, гетманских вартовых, кулаков. Нашлись среди крестьян и такие, которые выскочили на своих лошадах с вилами или железными лопатами в руках и окружали врагов в поле, стараясь загородить им путь бегства, чтобы наши пулеметчики скорее могли их настичать на удобных для огня равнинах и беспощадно косить.

В этот грозный час для наших убийц, пришедших в село, чтобы раздавить нас, чтобы покать революционных тружеников села, а после ограбить их, забрать у них, посредством контрибуции, жалкие их копейки, набрать скота, накруться до отвала, побить все в домах и затем, с раскрасневшимися от звериного напряжения инстинктов лицами, с песней победителей идти далее, в другие села и деревушки, издеваться над правом и жизнью тружеников, — в этот грозный для этих сознательных и бессознательных палачей революции час, впереди не видно было пути отступления. Они бежали в направлении села Покровское, а попадали совершенно в другие села. Так, например, многих австрийцев и грозных «мад'яръ» из их отряда крестьяне встречали под Успенковкой, под Гуляй-Подем, и даже под Времьевкой, район которой был очень не подходящим, чтобы в него отступать. Встречали их крестьяне всех, почти, босыми, без винтовок, без мундиров и... без шапок. И когда их спрашивали: «Пан, где твоя одежда и оружие?», то получали ответ: — Там, на Махна. (Это значило: «Махно отобрал»).

Так, неожиданным для врагов, внезапным и смелым налетом мы выбили из села этих пришельцев-убийц и преследовали их жестоко. Мы хотели показать не только им одним, но и тем, кто их прислал, что преданнейшие сыны революционного крестьянства — крестьяне-революционеры — бывают sentimentalны и могут нянчиться со слепыми испол-

нителями палаческого дела над революцией лишь тогда, когда они, по ошибке, думают, что сознательные, а главное, и бессознательные палачи могут опомниться и остановиться перед своим черным делом. Но когда находятся среди крестьян лица, которые быстро освобождаются сами от этих наивных иллюзий и жертвуют собой во имя того, чтобы помочь освободиться от этих иллюзий и другим своим братьям, тогда к sentimentalности подходят более серьезно и в зависимости от реальных обстоятельств. Тогда всенародное революционное дело, судьба и воля трудящихся в практической борьбе за него ставятся несравненно выше жизни палачей, даже бессознательных. Тогда они должны умереть на-ряду с сознательными палачами. Это — закон борьбы, к которой я долгие годы готовил сам себя и к которой подготовлял более слабых волею, чем я.

Вот почему мы так жестоко атаковали и преследовали в этом дибривском бою австрийских солдат, гетманских вартовых и разнородную по своему социальному положению буржуазию, с'ехавшуюся на помощь австрийским солдатам и вартовым.

* * *

Итак, бой кончен с большим успехом для нас. Теперь только, возвращаясь с поля, я обратил внимание на село, в котором девять крестьянских дворов, зажженных рабскими врагами при отступлении, совсем уже догорали. Их, оказалось, никто не спасал, не тушил. Крестьяне почти все были за селом. Они стягивали дома пленных австрийцев и вартовых и, избивая их, приговаривали:

— Коли ми вже здихаємся вас, паршиві ві свині...

И хорошо, что я наткнулся на них как-раз в тот момент, когда они поймали человек 20-25 из убежавших австрийских солдат и вартовых и, уже раздев и кое-кого из них избив, готовились линчевать их всех.

С трудом отстоял я этих, теперь несчастных и сделавшихся жалкими, жертв от линчевания и, не отходя от них, провел их в центр села. Здесь пришлось им сготовить ужин, накормить, раненых перевязать и всех, под охраной повстанцев кавалеристов, ночью вывести за село, наказав, чтобы больше не шли против революции, или, по крайней мере, чтобы больше не попадались нам. Затем их пустили по до-

роге на село Малую-Михайловку, недалеко от которой находится станция Просняная, где, по данным крестьян, находились австрийские штабы.

Вартовых же гетманской службы, — в особенности, если они были из среды крестьян или рабочих, неоднократно уже призывавшихся нами к тому, чтобы бросить эту полицейскую службу и бороться против гетманщины, — решено было уничтожить, как подлых и неисправимых изменников. Все захваченные вартовые были самими же повстанцами дибривчанами расстреляны. Вместе с ними была расстреляна и любовница начальника варты, которая, во время нашего наступления, бежала сообщить варте, что наступают «банды Щуся».

После боя был устроен огромный митинг для населения и для вооруженных повстанцев нашего отряда. Я провел его с особым воодушевлением, зовя крестьян, в особенности с'ехавшихся из района, ни часу не оставлять без дела в селе Дибривки, а, раз'ехавшись по своим деревням, собирать везде лучшие, революции преданные крестьянские трудовые силы и вместе с ними, не боясь того, что их могут постигнуть на первых порах неудачи, восставать против своих врагов и насильников.

После митинга, казалось, последнее дело, входившее в задачу дня, было сделано. Я, со своими близкими: Исидором Лютым, Марченко, Каретником, Щусем и другими, а также с рядом крестьян, представителей от села, вместе поужинали. Товарищ Щусь и Петр Петренко были в полном восторге от успешного налета. Они готовы были держать меня в своих объятиях до утра и расспрашивать, что предполагаю я сказать им завтра, когда наступит день и перед нами встанут новые задачи.

Не помню точно, что я им отвечал. Но помню, я просил их, как самых близких и дорогих людей, к тому же хорошо знавших все подступы к селу, по которым враги революции могли подвести свои силы и атаковать нас врасплох, чтобы они позаботились понаблюдать за этими подступами серьезнейшим образом сами, не надеясь на других, именно в эту ночь. Потом, в сопровождении товарища Лютого, я ушел в помещение Совета и опять улегся на стол, на сей раз не раздеваясь и не снимая с себя оружие. Как только улегся, сразу же заснул мертвецким сном.

* * *

В день нашего партизанского налета в Дибривках было не так уж много крестьян из района. Но на утро следующего дня крестьяне стали с'езжаться со всех концов. Ряды наших вооруженных сил начали пополняться с неимоверной быстротой. Притом, пополнялись они крестьянами, которые готовы были каждую минуту оставить, если нужно, свой район и уехать с нами, куда угодно, целиком подчиняясь нашим организационным и боевым условиям.

И теперь уже, приложенное к моей фамилии слово «Батько» не сходило с уст старых и молодых крестьян, обывателей и революционных отрядов. Мне лично казалось и странным, и неудобным слышать обращение ко мне крестьян и повстанцев, вместо «товарищ Махно», *Батько Махно*, а иногда — «товарищ Батько Махно». Но эпитет «Батько» поимой моей воли, прилип к моей фамилии, начиная с дня событий в селе Больше-Михайловка (Дибривки). Он стал передаваться крестьянами, крестьянками и даже детьми из уст в уста: в домах, в семьях, на улицах и собраниях. Слово *Батько-Махно* сделалось единым нерадельным словом в устах крестьянской массы. С каким-то особенным уважением и мало понятными для меня любовью и гордостью оно передавалось крестьянами из деревни в деревню, по всей почти левобережной Украине. Подхватывалось оно и всеми решительно революционными повстанцами и их отрядами, о многих из которых я, до присылки ими в штаб движения своих постановлений именоваться «отрядами имени Батька-Махно» и всецело подчиняться его штабу, ничего не слышал, и не знал вообще, что они существуют.

Я часто спрашивал себя: честно ли допускать до того, чтобы меня так возвышали, чтобы, передо мною же, мои братья-труженники мною так благодарственно восторгались, подчеркивая этим, что они видят во мне человека, неизменно преданного им, и сами искренно во всем доверяют мне?

Часто, как еще часто, в эти же дни и в последующие за ними месяцы, я говорил об этом со своими лучшими друзьями в движении. И они мне говорили: «За вами идут массы! Они дали вам это имя, и вы его не отбрасывайте. Задачи организуемого нами повстанческого движения слишком серьезные. Через ваше имя и наши общие революционные

действия нужно завоевать у масс доверие полностью, и так же полностью его оправдать. Крестьяне верят вам. Они вам доверяют, потому что вы не стесняетесь властвовать над ними. Нужно только стараться, чтобы через это их доверие найти пути подлинного практического выражения для нашего движения». Эти соображения меня успокаивали.

* * *

Две ночи и день прошли спокойно. Многие из нас, чувствуя себя победителями в дибривском бою, жили это время с приподнятым настроением. А то, что «всемогущий» враг не наступал это время, давало право некоторым из нас подумывать даже о наступлении на него.

На следующее утро решено было выехать из Дибривок. Но, ввиду того, что к нам со всех концов начали съезжаться крестьяне, чтобы записаться в отряд и бороться против власти немецко-австрийского юнкерства и гетмана, мы отложили свой отъезд еще на сутки. Это заставило меня, тревожившегося за становившееся уже опасным наше пребывание в Дибривках (я знал, что враги стягивают в районе большие силы), теперь уже самому об'ехать все заставы вокруг села, кое-какие из них усилить, а кое-где поставить новые. А затем я пригласил с собою прапорщика войны, крестьянина Петренко, в качестве «военного эксперта», и выехал к лесу, чтобы осмотреть его окружение и наметить, на всякий случай, более или менее удобную для отряда позицию.

Отъезд мой занял у меня около трех часов времени. За это время наши наблюдатели и конные разведчики открыли наступление наших врагов в двух направлениях, что заставило меня поспешить возвратиться в село.

Но на обратном пути в село меня встретил почти весь наш отряд, который, сняв все свои заставы и оставив центр села, мчался на своих легких тачанках и бешеных конях к воротам леса.

Здесь я подробно узнал о наступлении на село врагов. Наша кавалерия, в 35-40 человек, под руководством Марченко и Каретника, и с подержкой пулеметной команды, выскочила было навстречу неприятелю, но, отдав себе отчет в его силах, возвращалась к воротам леса.

Теперь я видел перед собою почти всех друзей несколько расстроенными. Я хотел, было, подтрусить кое-над кем

из них, желавших не так давно наступать на врагов, но выстрелы и разрывы снарядов со стороны врага помешали. Я, глубоко вздохнувши, сказал:

— Направляйтесь все в такую-то часть леса, — и сказал кучеру повернуть своих лошадей и ехать вслед за ними.

Тем временем, что мы пробирались по селу к лесу, австрийское командование установило другую батарею и открыло бешеный огонь по селу, бросив одновременно, на обхват села и леса, с одной стороны — с батальон пехоты при эскадроне кавалерии, а с другой — с батальон пехоты и дватри эскадрона кавалерии.

В то же время показались тянувшиеся к ним на помощь со всех концов Дибривского района многочисленные мелкие помещичьи и кулацкие отрядики и отряды гетманской варты. Тянулись эти отряды и отрядики уверенно и торопливо, не задерживаясь в селе, прямо к лесу, напевая:

Возьмем Шуся и Махно

И порядок наведем!

Мы — отважные гетманцы,

Все разрушим, все сожжем!...

Мы все сознавали теперь, что бессильны этим силам дать отпор. Тем не менее, не теряя ни одной минуты на излишние в такие моменты разговоры, совещания и пересовещания, мы заняли с двух сторон леса позиции, с которых нас можно было выбить врагам лишь в том случае, если бы мы совсем не имели патронов и не хотели бы защищаться. Другие же стороны леса защищались двумя глубокими в этом месте речками: Каменной и Волчьей. Следовательно, эти стороны нашего расположения требовали от нас не устройства позиции на них, а лишь наблюдения за ними при помощи значительных вооруженных сил.

Регулярные австрийские части несколько раз, наступая на лес, пытались сбить нас с наших позиций. Но мы каждый раз легко заставляли их своим огнем или убежать в улицы села, или же ложиться и, прижимаясь к земле, не подыматься, когда им этого хотелось бы.

Отряды же гетманской варты и помещичьи, видя, что регулярные части не могут овладеть входами в лес, даже не пытались атаковать наши позиции. Они лишь издали беспорядочно обстреливали их.

День приближался к вечеру.

Крестьяне целыми семьями непрерывно бегут из села: одни — в лес, другие, на подводах, стараются убежать в какое-либо из соседних сел. Австрийские войска и гетманцы одних из убегающих крестьян заворачивают назад, в село, у других лишь забирают лошадей, а их пускают, третьих избивают прикладами, иных кладут на землю и порят шомполами и плетью, а кое-кого и пристреливают на месте. Нам, с нашей позиции, хорошо видны все эти надругательства над крестьянами. Хочется броситься на убийц, но нет нужных сил.

Мы ничем не могли помочь в этот час своим друзьям и братьям.

В то время, как одни убийцы творили свое черное дело за селом, над жизнями убегающих крестьян, крестьянок и их детей, другие силы наступающих убийц орудовали в селе. Они ходили группами, из двора во двор, с факелами в руках, и зажигали крестьянские дворы подряд. Село превратилось в сплошное огнище, в величайший костер.

Солнце было на заходе. Огромное село горело. Теперь враги перевели огонь одной из батарей с села на лес и нащупывали наше расположение снарядами, беспорядочно, учащенным огнем, раскидывая их по всему почти лесу.

А когда солнце совсем зашло и наступили сумерки, они перевели на лес огонь и другой своей батареей, пустив теперь и все пехотные свои части на окружение леса со стороны, нами защищаемой.

Однако, врагам нашим не везло — главным образом потому, что они поспешили зажечь село. Им следовало дождаться ночи и в темную ночь атаковать наши позиции. В сущности, они этой ночи и дожидались, убедившись, в дневных своих атаках, что им нас с наших позиций ни за что днем не сбить. Теперь же, когда наступили сумерки, они озадачились в том же положении, ибо сумерки были где-то далеко-далеко от села Дибривки; в селе же, около него, как и в самом лесу, от пылавшего, зловеще подпрыгивая до неба, пламени, охватившего село, был тот же день. Мы попрежнему, при каждой попытке австрийских солдат или помещичьих и кулацких отрядов приблизиться к нашим позициям, давали им должный отпор.

Но вот, вдруг, один, а в скорости другой и третий батарейный залп попадает в нашу цепь и кое-кого из нас раз-

рывает или зацепляет не очень-то приятными гранатными осколками. Задевает Щуся, меня и Исидора Лютото. К счастью, меня зацепили эти осколки совсем легко; т. т. Каретника и Лютото — серьезней. Мы, с помощью т. т. Каретника и Петренко, и по их настоянию, затушевали перед остальными бойцами наше ранение, объяснив, что нас лишь воздухом опрокинуло, и не настолько сильно, чтобы мы не могли остаться на позиции. Однако, ввиду нашего ранения, я, узнав от товарища Щуся, в каких местах наиболее надежно можно перебраться через речку Каменку, не отдаляясь далеко от леса, тут же распорядился сняться всему отряду с позиции и тихо, не разговарывая и не подымая паники, выезжать из леса, чтобы переправиться как можно скорее через речку Каменку и вдоль ее держать путь на село Гавриловку.

Крестьяне и крестьянки, убежавшие днем из села и все время находившиеся возле нас, увидев наш выход из леса, несколько засуетились. Они хотели, чтобы мы оставались в лесу. Мы их просили не падать духом, клялись перед ними, что весь тот кровавый ужас, который наши враги учинили над селом Дибривки и над его населением, не сегодня-завтра обернется против них. Не сегодня-завтра мы все вооружимся против них средствами, соответствующими их действиям против нас и всего трудового населения. Мы просили крестьян терпеть и готовиться к полной поддержке нашей организации в этом направлении.

Тяжело было нам расставаться с ними, этими тружениками села Дибривки. Они группами окружали меня, Щуся, Каретника и Петренко и, простирая к нам руки, просили нас:

— Дайте нам оружие, мы сейчас же пойдем с вами. Мы сейчас всею душою в вами и готовы так же, как и вы, драться и умереть вместе с вами за свободу...

Оружия у нас не было. Теперь только встал передо мною вполне ясно вопрос о сборании оружия. И мы, чуть не со слезами на глазах, принуждены были оставить всех этих крестьян в лесу и только с боевыми силами выезжать из леса.

В ПУТИ ПО ДИБРИВСКОМУ И ДРУГИМ РАЙОНАМ.

Мы выехали из леса и перебрались через речку, не замеченные нашими врагами. Быстро привели мы в порядок отряд, подчитали раненых и убитых. Затем, медленно двинулись вслед за нашей конной и пешей разведкой, которая осматривала каждый кустик, каждую горку, каждую балочку, и этим предохраняла весь отряд от засад и внезапных нападений со стороны врагов. Огнище пожара, охватившего село Дибровки, делая ночь днем, помогало разведке своевременно останавливать отряд, иногда свертывать с дороги и двигаться между кустами, вне дороги, но в направлении, отводившем нас от леса и от горевшего села, окруженного со всех сторон врагами.

Так мы добрались до села Гавриловки, расположенного в 12-15 верстах от Дибровки.

Село Гавриловка также освещалось огнем дибровского пожара, и это не давало покоя гавриловскому населению. Оно все вышло на своих дворов на улицы села, и, направив взоры в сторону Дибровки, обменивалось мнениями об ужасе, постигшем Дибровки. А когда наш отряд, узнав, что в селе нет гетманской варты, въехал в улицы села и остановился, все население бросилось к нам с расспросами о том, кто мы такие, кем и против кого ведется артиллерийская стрельба в Дибровках?

Отряду было сделано распоряжение, перед въездом в село, говорить населению, что мы «Губернияльна Державна Варта», и спрашивать у крестьян, не бежали ли через село «банды» Махна и Щуся.

Такое наше заявление о себе и такие расспросы сразу же отпугнули от нас сознательное трудовое население села. На всех улицах нам отвечали одно и то же:

— Мы таких банд не знаем и о них ничего не слыхали.

Но, отвечая на наши расспросы, крестьяне тут же ставили нам свои вопросы:

— А что это горит в направлении дибровского леса? Кто устроил это страшное пожарище? Что за стрельба, с чьей стороны и против кого слышится оттуда?

И когда повстанцы отвечали им на вопросы, «что де ми, Губернияльна Державна Варта, та наші добрі спільники, німці та австрійці, запалили село Дібрівки й що то наші гармати бухкають по лісі куди втікли банди Махна та Щуся з підтримуваними їх злиденними селянами та селянками, котрі лютують проти батька всієї України Ясеновельможного Пана Гетьмана та проти його законів», и т. д., и т. д., некоторые из крестьян злобно повествовали нам:

— Ага, отак їм і треба! Там деє і наші сини поїхали помогати владі побороти дібрівчан, котрі об'єдналися міцно до купи і звесь час нас лають за те, що влада німців та батька Гетьмана повернула нам відібранну від нас революцією землю та інвентарь...

Большая же часть, а именно — трудовая часть крестьянства, волнуясь и тяжело вздыхая, почти сквозь слезы спрашивала нас своими многочисленными голосами:

Братіки, та скажіть же правду, та невже-ж ото так таки й запалили все село? А де ж ділися селянки зі своїми дітками? Та це ж не можливо, це ж прямо вбивство... И некоторые из них, чувствовалось, от злости и ненависти плакали, пытаясь прямо сказать нам, что мы им врем, что это злодеяние совершили не мы над Дибровками...

После долгих объяснений с ними, они прямо сказали мне:

— Та ви ж, дороженьки, не с голова Державної Варти, ви с Батько-Махню, а от біля вас — товариш Щусь.

Далее скрывать от них ими отряда и свое я не стал. Я тут же распорядился похватать всех кулаков, «диты» которых поехали под Дибровский лес помогать власти немцев и гетмана издеваться над революционным крестьянством, и потребовать от них оружие, которым, — я знал, — гетманские и в особенности немецко-австрийские карательные отряды их щедро вооружали, надеясь найти себе в них лучшую опору по борьбе с революцией.

Кулаки были схвачены, и от них было потребовано оружие. Те, кто выдавали оружие и патроны к нему сразу, не принуждая нас к обыску, тут же освобождались. Но кто упирался, уверяя, что у него оружия нет, или что оно было, но сын забрал и уехал с ним под Дибровский лес, а при обыске оружие и патроны к нему находились, тех сами бойцы, которым они лгали, и удержать которых от мести в эти часы

никто не мог, расстреливали. Если же таковых приводили в штаб отряда, перед которым наиболее ярко вырисовывалась роль кулаков в сожжении села Дибровка (а оно все еще пылало и напоминало нам о себе, о своих перебитых, убитых и изнасилованных жителях), то штаб, — ни над чем другим в эти часы не задумываясь, как только над тем, чтобы дать озверевшим врагам почувствовать, что час расплаты настал, что с ними сентиментальничать никто из революционных борцов-крестьян не намерен, что их злодеяния над революцией не пройдут им безнаказанно, — штаб распоряжался расстреливать их тут же, на улицах села.

Смерть! Смерть! Смерть за смерть каждого революционера, смерть за каждую изнасилованную крестьянку должна постигать каждого немецкого и австрийского солдата и офицера, гетманского вартового или кулацкого сына, действующего вооруженно или нанимающего других драться против революции.

Таким был наш первый лозунг в тяжелой и неравной борьбе против непрощенных крестьянами ховяев-убийц, казнивших революцию и попиравших права трудящихся на землю, на хлеб и волю.

Этот лозунг продиктован был нам не кабинетными размышлениями людей, стоявших в стороне от практики, разавшей все схемы и планы, построенные этими размышлениями: он был продиктован реальностью фактов, согласно которым помещики и все кулачье, под организационным предводительством немецко-австрийского юнкерства, группировали свои контр-революционные силы против великой Русской Революции и подымавшейся Украинской Революции.

Минутами казалось, что такое отношение наше к помещикам и кулакам, к их главной опоре — контр-революционным немецко-австрийским армиям, нужно серьезнейшим образом пересмотреть. Но в эту ночь нашего отступления из-под Дибровка горело село Дибровка, зажженное австрийскими солдатами, помещиками и кулаками. И в селе Гавриловке нами закипали и разгорались двory всех кулаков, которые сами уехали или послали своих сыновей «варать» дибровских тружеников крестьян, сжигать их дома, выдавливать и уничтожать крестьянские революционные отряды и т. д.

Момент для пересмотра вопроса о том, как наши революционные отряды должны относиться к помещикам и кула-

кам, ведущим вооруженную борьбу против Революции, был неподходящим.

Мы снялись из села Гавриловки и направились в село Ивановку. И в этом селе, узнав, кто из кулаков выехал на помощь властям разбить дибровчан, сжечь их дома, понадеваться над ними и над их стремлением освободиться от непрощенных хозяев и властелинов, мы также зажгли их дома и постройки во дворах, забрали нужные нам подводы и лошадей.

Отсюда мы направились в одну из помещичьих усадеб, расположенную в 4-х верстах от села Ивановки, чтобы накормить лошадей и урвать время посоветоваться о дальнейшем нашем пути. Кроме того, все мы были очень уставшими, и нам необходим был хоть маленький отдых.

Глава X.

НАША ОСТАНОВКА В ПОМЕЩИЧЬЕМ ИМЕНИИ И ДАЛЬНЕЙШИЙ ПУТЬ ПО РАЙОНАМ. НАШИ ДЕЙСТВИЯ ПРОТИВ ПОМЕЩИКОВ И КУЛАКОВ — УЧАСТНИКОВ НАПАДЕНИЯ НА ДИБРОВКИ.

Под'ехав к имению «барина», наша кавалерия оцепила его и расспросила батраков сторожей, дома ли «барин» и вся его семья, как он вооружен, бежал ли из имения в дни революции, когда возвратился и т. д.

Оказалось, хозяин имения не убежал. При отобрании земли и урезывании его в живом и мертвом инвентаре, он оставался в имении и приучался сам работать. Но, с приходом немецко-австрийской армии, с восстановлением на Украине царства гетманщины, возвратившей помещикам отобранные у крестьян силою оружия землю и инвентарь, он все это принял и живет опять по-барски, за счет батраков.

Пока разведчики выясняли через сторожей, что нам нужно было знать, в имении поднялся шум. Кое-кто из преданных «барину» людей бросился бежать, но не удачно: заставы их частью задержали, частью же перестреляли уже в

догонку, как проскочивших заставы и не остановившихся и не отозвавшихся на оклик секреток.

По выполнении всего того, что входило в задачу разведчиков, и после случившейся неожиданности, с ненужными, но по положению неизбежными жертвами, отряд вступил в имение и разместился в нем.

Вступление в имение, естественно, вызвало много шума в его дворах.

Хозяин-барин в тревоге. Он выскочил с ружьем на крыльцо и начал было злобно звать к себе сторожей. Но, вместо сторожей, он увидел перед собой товарища Исидора Лютого, Щуя и меня. Я ему сказал:

— Не волнуйтесь и напрасно не кричите. Сторожа ваши указывают нашим солдатам сарай, в которых можно было бы разместить лошадей.

Барин отверг свое ружье в сторону и, не спросив, кто мы, произнес:

— А, милости просим, господин начальник, милости просим в дом!

Исидор Лютый и Щуя расступились и дали мне дорогу вперед. Мы пошли за бариним в дом. Не успели войти в залу, как он, «барин-то наш», кричит жене, детям и горничным:

— Ложитесь и спите спокойно. Это — свои люди.

И, повернувшись к нам, спрашивает: — Правда, я не ошибаюсь, вы — военные, свои люди, вероятно из Александровска или из Мариуполя?

— Нет, нет! Мы из Екатеринослава, Державина Варта, — поспешил ответить ему товарищ Щуя.

— Тем лучше. Мы имеем честь видеть в своем доме высшее начальство охраны государства, — полушутя сказал Щую барин и в то же время побежал из залы в другую комнату.

Во время отсутствия барина из залы, я попросил товарища Лютого снять с меня погоню и спрятать их. Когда барин вскочил к нам вторично в залу, я был уже без шинели и без погон. Это его несколько смутило. Но я дальше не стал уже ждать, пока он придет в себя и начнет нас расспрашивать снова. Я попросил его созвать всех обитателей этого дома в залу, чтобы я мог их предупредить кое-о-чем.

Барин побелел, как стенка. Ноги его задрожали, и он, расставив руки и полукрича, вот-вот разрыдается, произнес:

— Так в чем же дело, господа? Вам деньги нужны? Я вам дам их сейчас, только, ради Бога, я вас умоляю, не убивайте меня! — И, всхлипывая, пагнув лицо в пол, стал перед нами на колени. Я и товарищ Щуя подскочили к нему и, схватив его за руки, подвели его. Он весь дрожал и твердил:

— Я не шел против народа. Поверьте, что если бы не сама власть отобрала у народа землю и инвентарь, я сам никогда не пошел бы против народа...

И теперь он плакал, словно маленький мальчик.

Товарищ Лютый, зло усмехаясь над бариним, над его жалкой трусостью, ни с того ни с сего выпалил:

— Батько, бросьте вы возиться с ним! Поверьте, что он с вами никогда не возился бы, а поспешил бы, если не убить, то дать вам сапогом в лицо или прикладом по голове...

Я несколько укоризненно взглянул на товарища Лютого, и он замолчал.

С большим трудом я и товарищ Щуя уговорили «барина» перестать плакать и свести всю свою семью, со всеми слугами и служанками дома, в залу, чтобы я мог их предупредить, чтобы они не пытались убежать из имения и т. д.

Пока мы возились с «бариним», «барыня» давно оделась и приказала своим слугам одеться. Это ускорило дело, и вышедший за ними хозяин сразу же привел их в залу. Всем им я сказал:

— Господа, не бойтесь и не волнуйтесь. Ничто плохое вас не ожидает. Я только прощу вас всех, за время нашей стоянки здесь, не делать никаких попыток к бегству из имения. В противном случае имение будет сожжено, скот угоним с собою, а убегающих уничтожим, независимо от того, будут ли они сами хозяева, т. е. бары, или их рабыни — прислуги.

Прислуги, по обыкновенной рабско-лакейской своей глупости, выслушав все, что я говорил, посмеивались. А одна даже заспорилась с нами о том, что ей через час нужно будет готовиться для «барыни», и она везде пойдет из дому, и т. д.

Хозяйка долго всматривалась в нас и, после того, как я сказал:

— Теперь вы все свободны, освободите нам залу, — спросила:

— Кто же вы такие, господа?

Это дало мне повод рассказать ей вкратце, что мы — вра-

ги помещиков и кулаков, враги их царя-гетмана, враги посадивших его на трон немецко-австрийских офицеров и исполняющих их распоряжения подчиненных им солдат.

— Мы, — в заключение добавил я «барыне», — боремся за волю всех униженных и оскорбленных властью людей вашего, мадам, и вам подобного барского положения, силою которого воздвигаются троны дураков, вроде преступного по отношению к трудовому народу Украины гетмана Павла Скоропадского, строятся тюрьмы для того, чтобы гноить в них тех, кого ложь вашего и вам подобного барского положения делает преступниками и ворами, строятся эшафоты, чтобы казнить на них лучших по своей отваге борцов за свободу угнетенных, и вообще строятся много, — несравненно больше того, что можно вам, мадам, еще сказать, преступного по отношению к тем, трудом которых вы живете, за счет пота и крови которых вы и вам подобные бездельничаете, и которым, при малейшем вашем капризе, вы находите себя в праве шлевать в лицо, выгонять со службы, ничего не уплачивая, или, по крайней мере, стараться не платить за затраченный ими на вас до этого дня труд...

Барин сидел и плакал. Прислуг и барчат уже не было. Барыня хотела нас еще слушать и когда услышала от меня, что нам нужно отдохнуть («будьте любезны оставить нас одних в зале»), лишь тогда она, кряхтя и краснея, начала подыматься с кресла и, став уже одной ногой за дверь, все-таки не утерпела переспросить нас:

— Так вы, господа, своей честью заверяете нас, что жизнь наша останется неприкосновенной?

— Пока вы не возьмете в руки оружие, — ответил ей товарищ Лютый.

— Ах, кстати, на-счет оружия! — воскликнул товарищ Щусь и тут же, подскокив к хозяину, попросил его сию же минуту снести все огнестрельное и холодное оружие, какое имеется в доме, к нам в залу.

Барин совершенно раскис и просил Щуся сказать об этом барыне.

Товарищ Щусь нагнал за дверью барыню, прислушавшуюся, о чем мы говорим с ее баринком, и повторил то же самое ей.

Через 20 минут все оружие: шашки, кинжалы, револьверы были снесены к нам в залу. И теперь только мы могли

покинуть дом «барина» и выйти во двор, чтобы повидаться с т.т. Марченко, Каретником и Петренко и посоветоваться с ними о дальнейшем нашем движении.

На дворе близилось к рассвету. Часть бойцов, раскинувшись посреди двора, мертвецки спала; другая часть охраняла место нашего расположения; третья же часть, зарезав двух барских бычков, занималась приготовлением завтрака для всего отряда.

Товарищ Петренко указал мне в сторону села Дибривок и сказал:

— А Дибривки горят, Батько.

Действительно, огромное зарево виднелось в той стороне. Я только взглянул туда, но ничего не сказал ему в ответ. Надо сказать правду, товарищ Петренко хотел услышать от меня утешительный ответ. Он был немного растерян в это время. Вместо ответа на его ко мне обращение, я предложил всем встретившимся со мною, кроме дежурившего товарища Каретника, идти со мною в дом «барина», в отведенную нам залу, и ложиться спать. Мы пошли в дом.

До этого, когда я, со Щусем и Лютым, вышел из дома «барина», мы оставили у дверей залы, куда было снесено барыней оружие, часового. Барыня не утерпела и попыталась подкупить его, прося сказать ей правду: кто мы, и что мы думаем сделать с ее семьей?

Все это было, конечно, пустяками. Но повстанец часовой толкнул «барыню» прикладом в грудь. Она разъярилась и, выхватив револьвер, хотела всадить в него пулю, которую повстанец умело отбил, ударив «барыню» по руке винтовкой. Теперь она находилась в истерическом состоянии.

Вся эта история нас сильно раздосадовала. «Барыня» не приходила в чувство нормальной женщины. Я сразу бросился к ней с извинениями за часового, но напрасно: барыня настроилась непримиримо и кричала:

— Вон из моего дома! Вон из моего имени!

Махнув на нее рукой и поставив вокруг дома часовых, мы ушли во двор и там легли, чтобы немного поспать.

* * *

Солнце взошло. Я приподнялся и невольно бросил свой взор в сторону Дибривок (25 верст расстояния). Теперь уже никакого огнища оттуда не было видно. Подымались лишь

черные клубы дыма, закрывал собою синеву неба и своей страшной чернотой напоминала нам вчерашний день, который не изгладится из моей памяти всю мою жизнь.

Я долго лежал и думал об этом вчерашнем дне, долго и с болью на сердце думал о том, как реагировать по отношению к нашим врагам, прямым участникам во вчерашних событиях... Однако, усталость брала свое. Я повернулся на другой бок и снова уснул.

Пока я и бойцы спали, наши дежурные разведочные части, находясь в раз'езде, поймали тачанку с тремя вооруженными немцами, кулаками из немецкой колонии Мариенталя. Товарищ Каретник сам не решился их опросить и расстрелять. Он разбудил меня и остальных товарищей.

Я уже знал, что задержаны они нашими разведчиками под именем губернской варты и поэтому, как только подошел к ним, я их спросил:

— Вы, бандиты, почему с оружием раз'езжаете? Где были?..

— Мы не бандиты, мы ездили бить бандитов, — услышал я в ответ. Далее я узнал от них, что они ездили в село Дибривки помогать немецко-австрийским войскам поймать Махна и Щуса и проучить дибривских крестьян, не признававших власти гетмана и немецко-австрийского командования.

— И что же, поймали вы Махна и Щуса? — спросил я их.

— Нет, не поймали мы их из-за трусости регулярных австрийских войск, — ответили мне эти «герои». — Но за то все село сожгли! — воскликнул один из них.

Я начал нервничать и постепенно становился зол. К тому же, по нашим следам прибежало еще несколько человек крестьян из села Дибривок, и товарищ Щусь завел их ко мне. Они рассказали мне, что видели всех этих кулаков в селе, как они иггли их дворы, и что село почти все сожжено и догорает.

Далее я прекратил спрашивать этих немецких кулаков. Перестал и держать себя перед ними, как начальник гетманской варты. Я сам сорвал с себя офицерские погоны и тут же заявил им:

— Больше говорить мне с вами, господа, не о чем. Я есть тот самый Махно, которого вы ездили в Дибривки ловить. А это, — указав я на стоявшего сбоку меня Щуса,

— мой друг, Федор Щусь. Мы оба — те самые Махно и Щусь, которых вы ездили ловить, чтобы посягнуть над нами, а затем убить нас и с нами всех тех, кого вы считаете крестьянами-бунтовщиками, не признающими власти гетмана и немецко-австрийского командования над революционной страной...

Слушая меня, кулаки-колонисты судорожно согнули свои колени и упали на землю, крича:

— Товарищ Махно, мы... мы пойдем с вами и будем верно служить вашему делу и вам!..

И что-то еще выкрикивали они, но я не мог уже дальше выслушивать их. Услышав их первые слова, я схватился за голову и заплакал, убегаю из помещения от них и от своих друзей. Больше меня уже не интересовали ни их смерть, ни жизнь. Я видел в них денежных и подлых негодяев и старался не видеть их.

Я выскочил из помещения, без фуражки, на просторный двор барской усадьбы и, точно помешанный, ходил по этому двору пет-пет да и глядя в сторону Дибривок, откуда по-прежнему виднелись подымавшиеся черные клубы дыма, застилая собою небо... Потом я попытался остановиться, так-как почувствовал в себе какие-то новые вопросы. И уже остановился, но, вместо сосредоточения на этих вопросах, я выхватил из кармана браунинг и совершенно безотчетно, то нажимая на курок, то целясь браунинг, приставил его к виску. Но вдруг я отчетливо почувствовал его холодное прикосновение. Во мне подымалось что-то непонятное, страшное. Я испугался сам себя и постарался увидеться с кем-либо из близких мне людей. Направляюсь к навесу, под которым отдыхал. Под навесом много бойцов уже подымалось. По пути я встретился с Каретником. Он шел сообщить мне о том, что наши раз'езды поймали еще несколько тачанок с вооруженными собственниками «хуторянами» (кулаками), возвращавшимися по домам из села Дибривки.

— А куда вы дели первых трех негодяев? — спросил я Каретника.

— Расстреляли.

— Убейте и этих собак! Никому и никакой пощады из вооруженных врагов революции с сего дня мы не дадим!..

— Такого же мнения и я, — ответил т. Каретник: Но, — добавил он, — т. Марченко против.

— С т. Марченко мы поговорим сообща. А пока скажи ему от меня: пусть он положит свою sentimentalность в карман! Он занял, кажется, сегодня дежурство по отряду. Пусть готовится отряд к выезду по дороге на Комарь (греческое местечко).

И т. Семен Каретник ушел от меня. Я остался опять один, но теперь я уже не водновался. Я обдумывал цель нашего выезда. Она заключалась в том, чтобы как можно скорее облететь районы и информировать крестьянство о том, что совершила буржуазия, вместе с немецко-австрийскими войсками, над населением села Дибровки. За это время отряд выстраивался и поджидал последних своих раз'ездов.

Я подошел к отряду, поздоровался с бойцами и начал с ними беседу о нашем пути и действиях. Пока окружившие меня друзья-повстанцы выслушивали меня, к нам наши раз'езды подвели еще одну тачанку с тремя вооруженными кулаками-колонистами и четвертым, связанным по рукам и ногам и избитым крестьянином из-под Дибровки. Его эти кулаки заподозрили в революционности и при своем возвращении из Дибровки взяли с собою в свою колонию для пыток.

Я закричал на своих разведчиков:

— Почему вы не разоружили их?

А кулаки отвечают мне:

— Мы свои. Нас не нужно разоруживать. Мы оружие получили от властей...

Но мы их все-таки разоружили.

Избитый крестьянин меня узнал и разрыдался. Его развязали. Он рассказал нам о том, что вообще творилось палачами в Дибровках. От него мы узнали, что в селе наиболее свирепствовали немцы-колонисты из колонии «Красный Кут».

Записав эту колонию и определив ее месторасположение, я предложил этому крестьянину сказать откровенно, что хочет он сделать с этими кулаками, которые его взяли на дороге под селом, избили до неузнаваемости, затем связали и везли к себе в колонию для дальнейших пыток. Крестьянин просто и ясно ответил мне:

— Они дураки. Я им ничего худого не хочу делать.

Но другие крестьяне, ранее прибывавшие к нам, его односельчане, да и вооруженные повстанцы кричали на него,

обзывая его глупым и требуя кулаков в свое распоряжение. Они взяли этих кулаков и тут же отрубили им всем головы.

Тяжелая это была картина: уничтожение иппаней разнуздавшихся в борьбе с революцией кулаков. Но уничтожение это было необходимо, хотя бы уже потому, что не только мы, передовые застрельщики бунта и революции, перестали видеть у врагов революции какое бы то ни было идейное побуждение в борьбе с нею и начали их тем сильнее ненавидеть, но перестала видеть в них идейных врагов и широкая масса украинских тружеников. Их и масса начала ненавидеть так же, как ненавидел их каждый из нас, за их гнусные преступления против народа и против всего лучшего, к чему трудовая масса стремилась.

Скоро собрался весь наш отряд, и мы тронулись в путь на Комарь. В последнем разогнали гетманскую варту и создали все население на митинг. Я и товарищ Марченко выступили на этом митинге. Осветили населению нападение буржуазии и немецко-австрийских войск на село Дибровки и все то, что нападавшие учинили над населением этого села и самим селом. Потом обратились к трудовой части населения села Комарь с призывом передавать по всему Комарскому району об учиненных над дибровскими крестьянами злодеяниях и восставать, с оружием в руках, повсеместно, против буржуазии и ее защитников — немецко-австрийских экспедиционных армий.

В селе Комарь к отряду сразу же присоединилось несколько человек греческой крестьянской молодежи, на своих лошадях.

Отсюда мы направились на татарское село Богатырь и провели в нем большой митинг. Потом повернули на Большой Янисель (тоже греческое село) и Времьевку. И всюду неся смерть гетманской варты и разрушение ее учреждений, а также разгоняя немецко-австрийские карательные воинские части и уничтожая их штабы, мы проводили митинги, призывая крестьян, рабочих и трудовую интеллигенцию не сидеть молча и сложа руки под гнетом гетманщины, а решительно выступать самим и призывать других к выступлению против нее, беспощадно вырывать и уничтожая на этом пути все, что от нее исходит против революции и что немецко-австрийские штыки влоачивают в нашу трудовую жизнь.

Времьевские крестьяне готовы были в тот же день к

открытому выступлению вместе с нами. Но не было достаточно оружия. Тогда они, не считаясь с завтрашним днем, — с тем, что будет им завтра, когда мы оставим их село и выедем далее, — предложили нам вмешаться в их дела с кулаками, отобравшими у них, при помощи немецко-австрийских войск, завоеванные революцией и превращенные в общественное достояние мельницы и маслобойни, где теперь сымаласное крестьян большая плата за помолы и выдывание масла.

Мы тогда отдельно созвали богатеев и кулаков и предложили им отказаться от мельниц и маслобоен в пользу всего общества, став равными и свободными членами его.

В результате серьезных и спокойных наших бесед выяснилось, что положение с этими предприятиями таково, что если хозяева и откажутся от них в пользу общества, то все равно общество ими пользоваться не будет. Гетманско-немецко-австрийские власти скорее их закроют, чем допустят, чтобы в конкретной общественной жизни крестьянства на местах торжествовали принципы Революции.

Повстанческая масса, даже ряд командиров, в особенности, беднота села Времьевки настаивали на том, чтобы взорвать и сжечь эти общественные предприятия.

— Раз, — говорили крестьяне, — власть немцев и гетмана отобрала эти предприятия от всего общества, которое завладело ими по праву завоеваний революции, и передала их опять богатым с угрозой, что, если они откажутся от них в пользу общества, то она их опечатает и закроет, то пусть же их не будет совсем в нашем селе. Прогоним власть, тогда построим новые.

Такое намерение крестьян и повстанцев меня несколько встревожило. Я пошел снова на собрание, на общий сход крестьян. И, на сей раз, мы сообща решили установить временно, до изгнания буржуазии и ее власти, минимальную плату за помолы и выдывание масла, оставив эти предприятия в ведении их «хозяев». Одновременно мы поставили богатым, хозяевам их, на вид, что если они с этим постановлением тружеников не примирятся и, чтобы нарушить его, обратятся за силой немецко-австрийских штыков, то они в любой день пошатнутся за это своими жизнями, за которыми повстанческие отряды войск имени Батько-Махно всегда смогут сюда прибыть...

Хозяева предприятий поклялись, что они останутся верны народному решению и будут подчиняться ему.

Тут же, в селе Времьевке, повстанцы узнали подробности о колонии «Красный Кут».

— Это — немецкая колония, — говорили крестьяне: — она вооружена с головы до ног. Она является руководящим центром борьбы кулаков и гетманцев с революционными крестьянами бедняками. Всего несколько дней назад, из этой колонии здесь раз'езжали гонцы. Они собрали всю варгу и многих из кулаков по всему району, куда-то увели их с собою и еще не возвращались обратно. Носятся слухи, что они выехали в какие-то другие районы воевать с повстанцами...

Для меня ясно было, куда все эти гетманские отряды выехали. Это они нас атаковывали регулярными немецко-австрийскими частями в селе Дибривках. Теперь они остались в Дибривках и грабят село, или же где-либо плетутся по нашим следам, но не успевают настичь нас, отстают.

Я сказал крестьянам, что мы думаем эту колонию разоружить и спрашивал у них, большая ли она.

— О, — зашумели крестьяне: — Вы ее не разоружите. Она хотя и небольшая, всего 60-70 дворов, но она хорошо вооружена. Люди ее — отчаянные стрелки и имеют большие запасы оружия. Они часто обучаются стрельбе из пулеметов...

— Ага, с такими хорошо и сразиться! — раздавались голоса в рядах нашего отряда: — Веди нас на эту колонию, Батько!

И мы из Времьевки взяли направление на эту колонию. В дороге я созвал командиров отряда. Мы заранее распределили роли в предстоящем деле окружения и занятия этой колонии по возможности без жертв. В два часа дня мы ее окружили и повели наступление на нее.

Колонисты только-что начали с'езжаться из села Дибривок по домам. Они встретили нас сильным ружейным и пулеметным огнем. Мы ответили им тем же. И скоро наша кавалерия, в 35-40 человек, ворвалась в колонию. Но, ввиду того, что жители ее засели в бойницах, специально подеванных для защиты от возможных наступлений, наша кавалерия была сразу же частью перебита, а частью выброшена метким огнем из колонии.

Ко мне подбежали командиры и просили посоветовать-ся, стоит ли нам эту колонию занимать. Она-де хорошо защищается и, вероятно, будет защищаться до конца. Мы напрасно потеряем много бойцов.

Я, спокойно стоя, окруженный своими друзьями-помощниками, выслушал их и опять настаивал на том, что мы должны эту колонию взять. Она богата оружием. Мы должны его у нее забрать.

Командиры раз'ехались по своим местам. Я с Каретником, Лютым, Щусем и другими рядовыми бойцами вскочили с огорода в один двор. Овладев двором, ваяли человек пять в поле и вышли с ними на улицу. Огонь, и с той, и с другой стороны, начал затихать. И наша кавалерия снова ворвалась в колонию. А с другой стороны ворвалась и пехота.

Таким образом, колонию заняли. Но сдалось нам только четыре человека колонистов. Всего мы насчитали перед собою 10 человек. Остальные — часть еще не возвратилась из своего похода на село Дибривки, а часть, возвратившаяся и теперь боровшаяся с нами, попряталась. Однако, мы их не искали. Колония была подвергнута обыску с целью найти оружие. На счет же попрятавшихся колонистов я лишь предупредил командиров и повстанцев быть особенно бдительными и смотреть в оба, чтобы не быть перебитыми из-за углов.

Тем временем, пока отряд возился с обыском и забирал хороших, нужных отряду лошадей, наши заставы вокруг колонии задержали массу колонистов, с'езжавшихся из-под с. Дибривок, из которого они, с помощью регулярных немецко-австрийских войск, нас выбили, и которое сожгли почти все, перестреляв предварительно многих крестьян и перекаланилов многих крестьянок.

Всех их свели в одну группу и привели ко мне, вместе с подводами патронов, винтовок, седел, шашек и разного калибра немецких и австрийских бомб. Это немецко-австрийское командование наградило их за оказываемое ими его войскам содействие по борьбе с революцией.

Все подведенные ко мне «герои» борьбы с безоружным населением села Дибривок, и вообще с революционным украинским населением, были запьяненные и до смерти перепуганные негодяи.

Хотелось посмеяться над этими сознательными и бессо-

знательными исполнителями роли палачей. Однако, мое положение, да и время, мне не позволили заниматься шутками. Я спросил их лишь об одном.

— Для чего вы, господа, свозите такую массу разного оружия?

— Защищаться от всевозможных банд, — ответили они мне.

— А разве население села Дибривки — бандиты? — переспросил я их. Ответа не последовало. Все они молчали.

— Так вот, господа, — сказал я им: — ваше злодейство в отношении населения села Дибривок, в отношении революции и революционеров, поставило нас, революционных повстанцев, на путь отомщения вам, и вашему классу вообще, с оружием в руках действующему против революции.

Они что-то хотели мне сказать, но я ушел от них, чтобы сделать распоряжение по отряду, производившему обыск в колонии: объявить всему населению колонии выйти из нее в поле, а колонию зажечь.

Через пол-часа все жители колонии и скот были выведены в поле, а колония от края до края охватывалась огнем. Легкий ветерок посодесывал задачу. Колония быстро превратилась в сплошной костер.

И только теперь попрятавшиеся ее защитники вскакивали из своих подземных нор. Но они тут же погибали. Во всех дворах, в скурдах соломы и сена, в клунах и сараях, везде, в этой колонии, было попрято множество патронов, всякого оружия, бомб. В одном дворе находились трехдюймовые снаряды. Все это теперь было охвачено сплошным огнем и с силой, почти в каждом дворе, взрывалось. Это не давало никакой возможности ни повстанцам вскакивать в колонию, в ее дворы, чтобы переловить защитников ее, ни этим последним высочить в те стороны, где не было повстанцев. Защитники ее начали стреляться и, кажется, все пострелялись; или же были убиты тем, что они приготовляли для убийства других.

Находившееся в поле население колонии «Красный Кут» спрашивало у повстанцев:

— Куда вы нас увезете?

Повстанцы им отвечали:

— Мы вас никуда не повезем. Все вы свободны. От вас, вероятно, часовые сейчас отзовутся и вы, — советовали

им повстанцы, — идите себе туда, куда пошли дибривские крестьяне и крестьянки со своими детьми. И делайте вы то же, что будут делать они, дибривские крестьяне и крестьянки, над которыми ваши отцы, мужья и сыновья грубо посмеялись, которых ваши отцы, мужья и сыновья частью избili, частью переизнасиловали, а хаты сожгли...

Услышав этот грубоватый, но по существу справедливый ответ повстанцев, я подошел поближе к этой группе жителей, среди которых большинство были женщины, и, извинившись перед ними за то, что мы не нашли данных, чтобы можно было их колонию оставить в неприкосновенности, добавил к совету повстанцев:

— Да, да, повстанцы правильно вам сказали, куда вам идти. Указанный ими путь сроднит вас всех с трудовым крестьянством. Идите странствовать и временно, до торжества революции, быть-может страдать. Но своим, близким вам из буржуазного класса, говорите откровенно, за что мы сожгли ваши богатые дворы, за что уничтожаются жизни ваших отцов, мужей и сыновей. Рассказывайте им правду и внушайте всем вашим близким, поддерживающим гетмана и немецко-австрийское юнкерство в их преступлениях против трудящихся, что на эти их преступления лучшие сыны трудового крестьянства обратили должное внимание. Эти их преступления вызовут небывающую в мире месть украинских тружеников всей буржуазии, под нашим организационным руководством. Никто и ничто ее от этого не спасет, если она своевременно не опомнится и добровольно не откажется от своего господского положения в стране.

Жители колонии пошли в направлении других колоний и кулацких хуторов. Больно было смотреть на их, растянувшиеся веренищем, шествие. Но иначе поступить в отношении колонии «Красный Кут» мы не могли. Мы не могли оставить ее в неприкосновенности. Мы должны были уничтожить эту колонию вместе с той частью ее хозяев, которая, не будучи никем принужденно мобилизованной, а ради одного только удовольствия поиздеваться над революционным крестьянством, бросила своих жен и детей, бросила свои домашние работы и, ввяз в руки оружие, поехал под село Дибривки помогать экспедиционным войскам убивать его трудовое население.

Уничтожением этой колонии и, последовательно, ряда других кулацких хуторов, по возможности вместе с их хо-

зяевами, прямыми участниками в сожжении села Дибривки, в издевательствах над его жителями, в убийстве лучших из молодежи, мы должны были сделать последнее наше предупреждение буржуазии. Мы должны были дать ей знать, что мы, революционные крестьяне, взяли за оружие с целью решительной и полной победы над нею, над ее строем и политическими режимами; что на этом пути мы ни перед чем не остановимся; что чем больше буржуазия допустит кровавых ужасов и уничтожающих села пожаров, в целях удержания за собою власти произвола и подлости в отношении трудовой части украинского народа, тем с большей ожесточенностью мы будем ее атаковать со всех сторон, на всех путях, уничтожая и ее самое, и ее усадьбы...

* * *

Итак, жители колонии «Красный Кут», в большинстве своем, ушли. Ушли в другие колонии, в другие хутора района. Вслед за ними была опрошена и отпущена часть схваченных во время боя и на заставах. Часть же, в особенности из тех «героев», которые были схвачены на заставах с запасами вооружения и снаряжения, полученными ими от австро-немецких штабов после выхода на село Дибривки, была тут же расстреляна...

Теперь наш отряд был пополнен лучшими свежими лошадами, тачанками и боевым снаряжением. Двинувшись в обход вокруг колонии с целью удалиться от пылавшего костра, он вытиснулся на прямую дорогу, в сторону Фесуновских хуторов. Это были хутора крупных собственников-землевладельцев, которые почти все, вместе с колонистами, напали на нас в селе Дибривках. Так же, как и краснокутцы, при занятии этого села, они жестоко расправлялись с трудовой частью его населения; так же, как и краснокутцы, ходили с фанелами из двора во двор и поджигали.

По показаниям краснокутцев, задержанных нами под колонией, хуторяне эти оставались еще где-то под селом Дибривки. Но это было утром. Теперь же время подходило к вечеру. Они должно-быть, только-только с'ежались и готовятся к хорошему ужину, в виде тризны победителей. Ни я, ни штаб, ни отряд не могли исключить их из списка лиц, подлежащих беспощадному уничтожению, как немедленно, по свежим следам, возмездно за их кровавые действия против крестьян.

Я сказал С. Каретнику и Щусю:

— Поспешим на эти хутора, чтобы заскочить в них, к их хозяевам, в хороший вечерний час, словно гости, без которых, по крестьянскому обычаю, добрый хозяин сам не сядет за стол. Поспешим, чтобы хозяева этих хуторов не успели сделать этот первый вечер своего возвращения из похода на с. Дибривки вечером ликования для себя и для прилегающих хуторов. Уничтожим эти подлые гнезда, вырастающие в себе силы позора и преступления на свободной земле!...

— Отряд уже вытянулся, — ответил мне Каретник и позвал коноводов с лошадьми.

Мы все, словно сговорившись, разом сели на коней и тронулись в путь по следам ушедшего под гору отряда.

Вдруг слышим позади нас крик: — Стойте! Стойте! Оглянулись мы и увидели крестьянскую бричку. С нее соскочило три человека крестьян. Оставив лошадей на затянутых вожжах, они бежали к нам, крича:

— Мы к Батьке Махно. Батько Махно нам нужен!

Товарищ Щусь их узнал и сказавши мне: «это дибривские дядьки», бросился к ним, спросить их, в чем дело.

— Мы к нему, к Батьке Махно, с хлебом-солью и с миром приехали, — ответили они товарищу Щусю. Щусь подвел их ближе ко мне. Снявши шапки, они поздоровались со мною. Затем один из них подошел вплотную к моему коню и подал мне большую крестьянскую паланицю (хлеб), фунтов в семь весом, с воткнутым в нее сверху большим куском соли.

Товарищ Щусь тихо говорит мне:

— Это — дибривские кулаки.

Я дал понять товарищу Щусю, что услышал его, и тут же поставил дядькам вопрос:

— В чем дело? Что вы хотите выразить этим хлебом-солью нам, повстанцам?

И я получил ответ:

— Мы приехали к вам, Батько Махно, чтобы сообщить вам, что мы, селяне дибривчанцы, помирились с немцами, австрийцами и всеми в округности хуторянами (читай — собственниками). Мы хотим миру и с вами...

Я задумался. Товарищ Щусь и Каретник не сдержались и наругали. Я попросил их извиниться перед дядьками,

что они сейчас же и сделали. (Впрочем, дядьки приняли их грубость за шутку). Затем я взял переданный было товарищу Лютому хлеб с солью обратно, в свои руки, и вернул дядькам, заявивши:

— Вашего хлеба с солью я от вас не могу принять. Возвращаю его вам обратно и прошу вас, скажите мне правду, кто вас с ним послал к нам?

— Посланы мы к вам, Батько Махно, попом о. Иваном, вместе со с'ехавшимися уже в село селянами.

— Всеми селянами?

— Нет, теми, которые с'ехались.

— Так вот, — сказал я дядькам, — уезжайте вы обратно в село Дибривки и передайте вашему священнику от меня, чтобы он дурака не валял и глупостями не занимался. В противном случае, если мы заедем в Дибривки, то мы ему так отстегаем задницу за то, что он берется за дело примирения крестьян с их прямыми врагами и убийцами, что он кажется и своим правнукам.

— Та, Батько, мы ж так открыто не можем попу сказать. Вы передайте ему что-либо другое, — просили крестьяне.

— Да вы можете священнику ничего не говорить, — ответил я теперь более спокойно, — но крестьянам всем передайте от меня, чтобы они не слушались глупого попа и, вместо мира, готовились бы к самой беспощадной борьбе со своими палачами... Итак, возвращайтесь обратно в село, и все, все передайте крестьянам. До свидания!..

Я протянул им руку. Они все подошли и, приподымая шапки, прощались. Потом ушли к своей подводе.

Щусь сел на лошадь, и мы тронулись с места. А дядьки, став на колени и скрестив руки на груди, крикнули нам вслед:

— Так помагай же вам боже побороти всіх ваших і наших злодїїв!

Мы все тоже сняли шапки и помахали ими в их сторону, а затем прищипорили коней и быстро скрылись от них за бугорком, где т. т. Марченко и Петренко, остановив движение отряда, поджидали нас.

Подскачив к отряду, я вкратце рассказал бойцам о том, для чего приезжали эти три кулака из Дибривок, что я им ответил и что передал дибривским крестьянам. Я высказал

им также мое предположение, что враги революции дрогнули, узнав о наших действиях в ответ на их злодейства. И я подчеркнул, что мы менее всего можем с этим считаться именно теперь, когда мы должны полностью использовать момент в целях поднятия восстания против них трудящихся: восстания повсеместного и решительного, в котором бы их строй и силы, защищающие его, нашли себе, действительно, разрушение и смерть...

Отряд с особым вниманием выслушал меня и, в искренних словах, выразил свое удовлетворение.

Теперь мы окончательно дали повод и нигде не задерживались, до самых фесуновских хуторов.

Солнце уже совсем зашло, когда мы окружили эти хутора. Но жителей в них почти не было, в особенности участников нападения и сожжения села Дибривок. Все они, за два часа до нашего прибытия на эти хутора, бежали, кто куда мог.

Здесь, в этих хуторах, отряд сделал маленький привал, чтобы накормить и напоить лошадей.

А через три часа отряд выстроился, выделил из себя команду, которая быстро и все в этих хуторах зажгла, и вытанула в поле, в направлении села Дибривок.

Всем в отряде хотелось воспользоваться случаем, что вооруженные силы врагов, шедшие по нашим следам, где-то сбились с дороги и потеряли нас из виду. Хотелось воспользоваться этим случаем, чтобы залететь в Дибривки и воочию убедиться в том, что случилось с селом, как оно разрушено и т. д.

Поэтому, когда Фесуновские хутора были зажжены и охвачены сплошным пламенем, отряд был направлен по дороге на Дибривки, со стороны этих хуторов.

По дороге, в эту темную ночь, мы наткнулись на имение помещика Гизо. Наши юнцы разведчики схватили самого Гизо, который, по словам его арендаторов, подтвержденным им самим и другим помещиком, его соседом, задержанным вместе с ним, когда они, в эту ночную пору, прогуливались по аллеям, только-что приехал. У обоих помещиков были револьверы. У Гизо оказалась еще фотографическая карточка товарища Щуся. На поставленный Гизо самим Щусем вопрос, где он, Гизо, взял эту фотографию, Гизо стал

врать, будто ему подарили ее близкие знакомые отца Щуся и т. д.

Но когда товарищ Щусь доказал ему, что он лжет, так как это была единственная фотография у Щуся, которую он подарил своей матери и жене, тогда Гизо сознался, что он, присутствуя со всеми помещиками и хуторянами при обысках и сожжении в селе Дибривках дома матери Щуся и интересуюсь Щусем, как бесстрашным партизаном, сам снял эту фотографию со стены в доме Щусевых родных.

Показание Гизо свело с ума и самого Щуся, и многих из присутствовавших при его опросе. Каретник и я, в особенности товарищ Марченко, хотели подробнейшим образом опросить Гизо и его соседа. Но опросить Гизо нам не удалось. Товарищ Щусь, словно лев, набросился на него и и бесарсудно, с дикой ненавистью, хотел разорвать его. Гизо вырвался и побежал по двору. Повстанцы занялись погоней за ним, бросив второго помещика, соседа Гизо, который, к месту отметить, крепко пристал ко мне и ни на шаг не отходил. Раза два ловили повстанцы Гизо, но он, благодаря его хорошим собакам, которых он во-время спустил с цепи, оба раза вырывался от них, Это озлило всех. Никто не думал уже о том, чтобы бросить его, пусть -де убегает. Нет, все хотели его поймать. Его арендаторы этому содействовали. Видимо, надоел он им, или же они были так подлы, что думали на его смерти поживиться, не понимая, что революция им этого не позволит, что она выдворит их из этой усадьбы, как выдворила бы и самого Гизо, поскольку он не захотел бы сам трудиться наравне с труженниками. Эти арендаторы, куда бы Гизо ни спрятался, его находили и указывали повстанцам. Ловля его была тяжелой морально и изнурительной физически. Как-то его, в который уже раз, указали арендаторы, и два повстанца бросились в тот угол, где он прилип к стенке сарая. Он бросился от них прямо на меня, стоявшего с товарищем Лютым и соседом Гизо. Я выхватил шашку и кричу: «Стой!». Он свернул мимо меня, и я его зацепил по затылку. Удар мой был совсем слаб, но Гизо, все-таки, упал. Это решило его судьбу.

Товарищ Щусь схватил его и приподнял. Повстанцы, в особенности дибривчане, кричали:

— Никакой пощады ему! Смерть ему!..

Товарищ Щусь спрашивал моего мнения. Я, при тех

обстоятельствах, при каких был схвачен Гизо с фотографией Щуся, не мог высказаться в его пользу. Каретник и Марченко тоже. И, тогда как другого помещика, соседа Гизо, мы сейчас же освободили, дав ему всадника, чтобы вывести его за наши заставы вокруг имения, Гизо был товарищем Щусем и повстанцами зарублен.

Имения Гизо мы не тронули, а лишь взяли несколько подвод оса для лошадей.

Отсюда мы направились в село Дибривки. В дороге, ввиду ночи, свернули и заехали в имение Серикова, в семи верстах от Дибривок. Здесь мы остановились до утра.

В имении Серикова нас нагнали наши разведчики и гонцы от других отрядов, с радостными донесениями в основной наш штаб, гласившими об успехах борьбы отрядов в ряде районов и уездов. Это еще более подбодрило и без того бодрствовавший наш основной штаб и отряд.

Наступало обеденное время. Я всем гонцам от других отрядов дал письма к их командирам и выпроваживал тех из них, кому нужно было скорее возвращаться в свои районы.

Товарищ Щусь с дежурным по отряду, тем временем, приготовили около тридцати всадников и два пулемета на тачанках. Я со Щусем и тридцатью всадниками, при двух пулеметах, сели на лошадей и, вне дорог, полем, поскакали через горку в село Дибривки.

Когда мы перескочили горку, нам открылось село. В нем оказались, то здесь, то там, уцелевшие домики. Церковь и лес говорили за то, что это именно село Дибривки.

Чем ближе мы под'езжали к селу, тем яснее нам становились полуразрушенные стены домов, с их обгоревшими, черными верхушками. Но людей не видно было. На сердце становилось тяжело при виде всего этого. Товарищ Щусь и некоторые из повстанцев дибривчан долго и молча всматривались в село. Затем Щусь, всхлиывая и вытирая слезы, натившиеся из глаз, как у ребенка, спросил меня:

— Батько, ты видишь, что сделано с селом?

И тут же прилег на переднюю ключицу седла и замолк...

Я повернулся к повстанцам и крикнул: «Повод!» Это заставило товарища Щуся снова выпрямиться в седле и, прищипнув лошадей, поравняться со мною.

Я повернулся к нему и стал тихо упрекать его за несдер-

жанность перед повстанцами. В то же время я спросил его о том, как он думает насчет нашего в'езда в село: не вскочим ли мы в лапы врагов?

Он был категорически против того, чтобы в'езжать в село.

— Подскачем к мосту. Если кого-либо увидим, то спросим, есть ли неприятель в селе; если же никого не увидим, то посмотрим со стороны на село и возвратимся к отряду, — сказал мне товарищ Щусь.

Однако, другие повстанцы хотели побывать на своих улицах, посмотреть на стены своих домов. Это заставило нас, меня и Щуся, повернуть в сторону от моста и галопом подскочить к селу с противоположной стороны, в случае чего наиболее удобной для бегства.

На этой стороне села мы встретили нескольких крестьян. Бедняги, страдавшие, бросились сразу же к нам. Но ни один из них не жаловался на свое положение. Лишь указывали нам на свои сожженные и разрушенные дворы, к то, когда мы их спрашивали: «Как ваш двор?» или: «Сожгли ли вас?» В этом лишь случае они указывали нам, каждый, в сторону своего двора и, пожмая плечами, приговаривали:

— Ничего, перебудем, а все-таки не станем на сторону гетманцев и их союзников, немцев и австрийцев. Будем страдать, а будем против них, вместе в вами...

Слыша от крестьян эти простые искренние слова, я радовался и, отбросив все расспросы о селе, начал спрашивать их о том, какие силы врагов были в действительности в селе, когда они зажигали его?

— Трудно сказать вам, Батько, нам нельзя было приглядываться, нас забывали, — ответили мне крестьяне: — Во всяком случае, мы должны вам сказать, что немецкие и австрийские солдаты мало палили наши дворы. Их палили наши украинские буржуа из хуторов да из немецких колоний.

— Не знаете, много ли сгорело всех дворов в селе?

— Шестьсот восемь дворов, — получил я ответ.

— А под лесом или в центре села, на площади, нет ли теперь немецких солдат?

— Ни одной души ни солдат, ни варты нету. Все уеха-

ли по вашим следам, как говорили, в погоню за вами, — ответили мне крестьяне.

Мы, повстанцы, переглянулись между собою. Я предложил:

— Проскочим, сынки, через село, что-ли, чтобы лучше его развалины разглядеть?

— Проскочим, Батько!

Затем я обратился к крестьянам и пожелал им держаться тех намерений неподчинения произволу, которые они мне только-что высказывали, и ожидать от нас оружия и общего призыва в поход на врагов.

Эта группа крестьян бодрилась и радостно приветствовала наше обещание явиться к ним с оружием для них. Мы, попрощавшись с ними, прищипорили своих коней и веночили группками, по пять-шесть человек в каждой, в речку. Переплыли последнюю, вскочили в улицы села и поехали по ним галопом. Но, по мере того, как мы приближались к подлесью, мы (как после выяснилось из наших объяснений друг другу) осаждали бег лошадей, стараясь присмотреться вперед и по сторонам, нет ли врагов.

В селе крестьян почти не было. А если кто-нибудь и был, то сидел в своем дворе, под разваленными стенами хаты. Многие еще не возвратились из соседних сел и деревушек. Проезжая улицы одну за другою, мы изредка встречали перебежавших через них собак, нехоти, с грустью лавивших на нас, проскакивавших мимо них; или натянулись на бегавших, видимо ничего не евших, хрюкавших свиней и ревелих телят.

Так мы, мало кого замечая в селе, проскочили большую половину его и выскочили на одну из площадей, ведущую прямо в лес. Здесь нас встретил поп с группой, человек в 20, крестьян. Товарищ Щусь с тремя бойцами подскокил к этой группе и расспросил ее, откуда они идут.

Оказывается, поп и его прислужники узнали, что мы приехали в село, еще тогда, когда мы были по ту сторону речки, и, схватив свой крест и два церковных знамени, собрал вокруг себя несколько крестьян старичков и пошел к лесу, чтобы встретить нас.

Когда т. Щусь подскокил ко мне и доложил об этом, я еще более озабочен из этого попа за его дурачество и, вол-

нуясь, задумался, что ему, попу, уже раз предупрежденному не заниматься глупостями, сделать.

Щусь, видя меня в состоянии раздумья, предложил мне распорядиться, чтобы повстанцы выпороли попу.

От этого я отказался, заявив, что в такой момент неудобно так поступать с ним.

А поп желал подойти ко мне с намерением что-то сказать мне. Я отказался от этого и передал ему через Щуся последнее свое распоряжение: никогда не выводить навстречу мне крестьян и самому не подходить ко мне с крестом в руке.

Как товарищ Щусь передавал мне, поп обещал больше мне не делать, но теперь просил меня принять хотя-бы хлеб-соль от него и от окружающих его крестьян.

Я категорически и от хлеба отказался.

И поп повел своих подишек обратно к церкви. А мы собрались и шагом спустились по направлению к речке, где был брод, который легко было перейти всадникам, не замочившись.

Теперь, по дороге к речке, мы видели уже больше крестьян. Они сидели, каждый под стенами своего сгоревшего дома, кто один, а кто окруженный детками и что-то рассказывая им. Когда замечали нас, подымались и, снимая шапку, помахивали ею в знак приветствия. А детки подбегали к улице и махали своими рученками. Некоторые сидели, погнув голову, задумчиво и печально глядя в землю, и откинулись лишь на зов знавших их повстанцев.

Здесь картина была более жуткая. Она задела мое сердце. Я почувствовал ужасную боль и не мог несколько минут ни с кем ни словом обмолвиться...

Это мое состояние, — состояние расчувствованности, от которого я, став во главе отрядов, все время старался быть свободным, — на столько сдавило меня, что я чуть было не заплакал, по примеру товарища Щуся и других повстанцев.

Скоро показалась речка Волчья и спуск ее к берегу. Я подал команду: «Повод!» Мы быстро вскочили в ее холодную осеннюю воду и остановились лишь на другом берегу.

Затем мы поднялись в гору и на дороге, ведущей к имению Серикова, где стоял и ждал нас наш отряд, мы еще раз остановились, чтобы посмотреть на развалины села Дивинки.

У троих из нас были бинокли. Они ходили из рук в руки. Каждый из нас хотел увидеть, кроме развалин, во дворах этого села еще что-то необычайное, но определенно вызвавшее в каждом из бойцов бурю гнева и мести к своим врагам.

Стояли мы на этой дороге долго. Бойцам хотелось стоять и стоять, и смотреть на село, хотя все мы были мокрые и мерзали. К счастью, лошади никак не хотели стоять. Они тоже перемерзли и проголодались. Они рванулись в путь, словно зная, что место стоянки недалеко, что они там поедят и согреются.

Мы тронулись с места и теперь уже неслись бешено, ни о чем не говоря между собою, глядя лишь вперед и по сторонам, чтобы не влететь в засаду, к врагам.

Когда мы подскакивали к имению Серикова, оставшийся в нем наш отряд был весь усажен на подводы и на лошадей и начинал вытягиваться в сторону села Дибривки.

— Почему? В чем дело? — спрашивал я разведчиков, ехавших впереди.

— Распоряжение товарища Каретника, — был ответ.

Оказывается, Каретник, Марченко и Петренко потеряли терпение в ожидании нас. Они пришли к мысли, что нас враги или окружили, или схватили сразу всех, или же погнали в другую сторону. Поэтому они решили ехать по нашему пути всем отрядом. Теперь вопрос выяснили, и весь отряд снова расстановивался по своим местам.

Мы, побывавшие в селе Дибривке и изрядно вымокшие в реке, переоделись и уже согревались по квартирам, осаждаемые расспросами со стороны оставшихся в имени бойцов.

Я сделал доклад бойцам о том, что буржуазия сделала с селом Дибривки.

Бойцы и до этого доклада были взволнованы нашими рассказами о том, что мы видели в Дибривках. Теперь же, когда все это было связано одной нитью и наложено перед бойцами, рассказ мой их не столько встревожил, сколько взбудоражил. Теперь они все кричали мне:

— Нужно мстить, мстить, мстить! Веди нас, Батько, на врагов, мы им отомстим!...

Нало отметить, что все, содеянное нашими врагами в селе Дибривках, могло послужить лучшей пропагандой

бунта и возмущения масс против них. Это я сознавал и раньше, когда наблюдал за их гнусными действиями. Но я знал также и то, что психологически бунт трудовых масс нужно уметь направлять в сторону революции и за революцию. Я, наблюдая за бойцами и слушая их в эти минуты, глубоко почувствовал в себе веру в них и в то, что, встретясь мы сейчас с любым немецким или австрийским полком, мы его разобьем так, как его командиры никогда себе и представить не смогут. Не говоря уже о том, что в эти дни пусть не попадается нам ни один гетманский отряд, ибо он будет на месте раздавлен. Но я хорошо знал, что цель наша не есть специально беспощадная месть врагам. Наша цель была отчетливо формулирована нашей Гуляй-Польской группой анархистов-коммунистов: физически сломить силу врагов и духовно преодолеть — или, по крайней мере, наметить общие черты для преодоления той идеи, на которой базируются и сила этих врагов, и вся ложь, охраняемая ею.

Придерживаясь в основном этой главной мысли группы, я, согласно ей, поспешил своевременно внести в ряды повстанцев положения о нашем общем отношении к врагам, которых мы еще только вчера беспощадно уничтожали, вместе с их именами.

Положения эти приводили к отрицанию мести врагам. Цели организованного восстания требовали теперь крутого поворота от вчерашних наших действий в другую сторону: в сторону серьезного разоружения буржуазии и вооружения революционных тружеников деревни. И я, на этом же докладе, формулировал этот крутой наш поворот так:

— В задачу Революционно-Повстанческих Отрядов Имени Батько Махно (как они себя тогда называли) отныне должно входить: отобрать от наших врагов как можно больше оружия и денежных средств и как можно скорее поднять крестьянские массы известных нам районов; объединить их, до зубов вооружить и повести широким фронтом против существующего строя и его защитников.

— Мы — я, Каретник, Лютый, Марченко, Щусь и Петренко, — говорил я повстанческой массе, — этот вопрос уже обсудили. Эти товарищи целиком разделяют мое мнение. Теперь остановка за тем, что вы, бойцы, скажете?..

Многие повстанцы, помню, недоумевали и упорно спрашивали меня о том, как же, мы так и не будем мстить

врагам за уничтожение ими села Дибривок, за переизнасилование и расстрелы в нем его жителей и т. д.?

Требовалось осторожное и серьезное раз'яснение этого вопроса повстанцами. А это требовало времени.

Между тем, немецко-австрийские войска не спали. Они, узнав, где мы стоим, спешно окружали нас в этом районе. Об этом нам доносили крестьяне со всех сторон, и мы не могли не считаться с этим. В спешном порядке мы приняли по этому вопросу следующую резолюцию:

В целях быстрого вооружения революционного крестьянства, основной штаб повстанческого революционного движения и находящаяся при нем основная повстанческая вооруженная сила постановили, от октября месяца 1918 года, ввести в порядок действий всех наших отрядов правило, согласно которому каждый наш отряд, занимая тот или другой хутор собственников-землеладельцев, немецкую лопуно или помещичье имение, должен в первую очередь созвать всех хозяев этих владений, и, выяснив состояние их богатств, наложить на них денежную контрибуцию и объявить сбор оружия и патронов к нему. Все это должно производиться под непосредственным руководством командиров отрядов и под самой строжайшей революционной ответственностью их, командиров.

При этом, за каждую сданную собственниками-богатеями винтовку с пятьюдесятью патронами к ней, отряды должны возвращать им три тысячи рублей из общей контрибуционной суммы.

Если хозяев, желающих сдать оружие, не находится, отряды должны производить у них самые тщательные обыски (опять-таки, под руководством и за ответственностью, в смысле революционной чести, их командиров).

Если при обысках оружие не будет обнаружено, оставлять хозяев этих в покое, неприкосновенными. В противном же случае, каждого, у кого будет обнаружено оружие, расстреливать.

Лошади, необходимые для подвод и всадников организуемой нами революционной повстанческой силы, берутся у упомянутых хозяев по принципу: у кого их свыше 4-5, — одна-две лошади берутся безвозмездно. У кого от двух до четырех, — одна-две берутся взамен другой, худшей лошади.

Тачанки (тип немецких рессорных четырех-местных дрожек. У нас они называются еще каретами) берутся безвозмездно.

Брички, у кого одна или две, берутся с заменой. У кого свыше двух, две берутся безвозмездно.

Все активные вооруженные враги нашего движения и революции, которую движение наше подготавливает, расстреливаются на местах их действия и сейчас же после сбора о них сведений через население.

В виде лучшего способа революционного суда над ними, должен практиковаться всегда и всеми отрядами имени Батько Махно предварительный опрос крестьянских сельских сходов тех местностей (сел и деревень), где они действовали и попались нашим отрядам.

Неподчинение этому совету-распоряжению повлечет за собою революционные меры, вплоть до объявления всенародно этих отрядов ничем не связанными с общим штабом революционно-повстанческого украинского движения во главе с Батько Махно.

Подписали эти постановления: я, Щусь, Каретник, Марченко и ряд других повстанцев, уполномоченных бойцами.

В рядах рядовых бойцов сначала видно было разочарование. Некоторые из них сознавались, что терять надежду отомстить врагам за уничтожение села Дибривки. Но они быстро поняли, что наше вышеотмеченное постановление, при строго последовательном проведении его всеми нашими отрядами в жизнь, окажется более сильным средством для побед нашего движения над палачами революции, чем один-два-пять успешных поражений врагов, непосредственно участвовавших в сожжении села Дибривок.

Как только постановление наше о сборе оружия было принято, подписано и отпечатано на машинке в многочисленных экземплярах, мы сразу же разослали его повсюду при посредстве крестьян и прибывавших от наших отрядов гонцов. Сами же решили перестоять еще одну ночь в том же Сериковском имении и рано, на рассвете следующего дня, направиться по кулацким хуторам и колониям Мариупольского уезда за оружием.

Солнце уже «село на землю», как выражались крестьяне, когда «аэзды» наши донесли, что враг нигде не обнаружен.

Хотелось как-следует поесть и лечь отдохнуть. Все к этому стремились. Поэтому и ужин, и смена застав и раз'ездов приготавливались дружно и быстро.

Вдруг, неожиданно, со стороны села Дибривни раздался свист и взрыв гранатного снаряда. Сперва одного, а затем другого и третьего. И тут же, с другой стороны — со стороны Темировки — затрещал вражеский пулемет, а в ответ ему заговорил наш пулемет на заставе.

Тревога перемешалась с совершенно неожиданной для меня паникой. Бойцы старались схватить лошадей — тактика, которую я в корне осуждал в такие моменты. (Я всегда требовал, чтобы часть бойцов, независимо какого рода оружия, сейчас же старались выйти на-встречу врагу и занять удобное для себя позицию. Другая же часть, не теряясь, мужественно должна приготовить ей подводы и лошадей и, доложив кому следует об этом, должна ожидать распоряжения, когда нужно или подать их части, занявшей позицию, или же выйти под указанное прикрытие и поджидать, когда снимется с позиции эта часть и сама подойдет к ним).

К нашему счастью, нападавшие на нас оказались помещичьими отрядами. Наши пулеметчики их быстро рассеяли. Австрийские же части оставались под Дибривками (6-7 верст от нас), при батарее, и оттуда без толку, частью с недолетом, частью с перелетом, стреляли снарядами в направлении нашего расположения.

Эту глупость австрийцев быстро заметили сами наши бойцы и скоро восстановили в своих рядах порядок.

Товарищ Каретник в эти сутки был дежурным по отряду и был ужасно зол за тревогу. Долго и деловито упрекал он бойцов за их маленькую растерянность, а они наивно обещали ему, что больше этого не получится.

Наступила ночь, и мы, оградив себя усиленными боковыми раз'ездами, снялись со своей стоянки, как-раз в тот момент, когда австрийская батарея стала в другое место и теперь уже попадала прямо по имению. Ночью, когда шрапнель разрывается над головами, люди, даже привычные к ее разрывам, чувствуют себя очень скверно. Тем более неприятно отражалось падение снарядов на нашем, еще молодом отряде. К тому же, снаряда два гранатных упали среди нас, снаряда три пиранильных взорвалось над нами и отняли

несколько жизней у нас. Отряд принужден был раз'ехать три то расскакиваться, то снова собираться в свои колонны, поспешно уносясь из-под обстрела.

Глава XI.

ЗА СБОРОМ ОРУЖИЯ И В НОВЫХ БОЯХ.

Собрание или, вернее, выколачивание оружия у буржуазии, у сторонников гетмана Скоропадского и у агентов немецко-австрийского командования (последние расматривали Украину не более и не менее как прочный тыл Германии и Австро-Венгрии) было совсем не легким делом. Однако, оно было крайне важно, необходимо для ведения борьбы. Обезуржить буржуазию или вообще врагов революции значит создать возможность трудящимся, даже в условиях политической реакции, находить пути и средства к решительному определению того, что нужно делать, чтобы выйти из этой реакции. Так мыслил я и убеждал в этом других своих близких. И поэтому мы целиком отделились теперь этому делу. Теперь мы мало где останавливались по селам и деревням. Мало где проводили крестьянские митинги. Теперь мы заскакивали в один только хутора или колонии кулаков и имения помещиков и, каждый раз, собрав этих носителей идеи новоспеченной украинской гетманской государственности, тут же, вместе с ними, определяли, через особых их и своих уполномоченных, состояние богатства каждого богатея. Затем мы накладывали на них денежную контрибуцию и предъявляли им требование на предоставление нам установленной суммы денег, а также холодного и огнестрельного оружия в течении двух часов времени. Мы быстро все это получали и переезжали в другие хутора. Так переезжали мы из одного района в другой, наводя своим внезапным появлением и своим, иногда чрезмерным, чуждым сентиментальности, решительным требованием страх и ужас не только на самое буржуазию, но и на ее защитников: слепых, но, по своим действиям против революции, подлых, немецко-австрийских и гетманских солдат.

В течение полутора-двух недель, мы собрали большие денежные суммы и громадное количество огнестрельного оружия: главным образом, винтовок и массу патронов к ним. За нами шли уже большие обозы с этим боевым снаряжением, отнятым у буржуазии, а местами и у попадавшихся нам карательных гетманских, немецких и австрийских отрядов.

Эти обозы, а равно и энтузиазм сопровождавших их повстанцев и крестьян-подводчиков, служили ярким показательным примером для трудового и не трудового населения сел, что повстанчество, под руководством Махно, взялось не на шутку за врагов революции.

Осевшая, было, снова, в своих усадьбах, под защитой немецко-австрийского юнкерства, украинская и русская буржуазия, приступившая к отобранию силой от крестьян завоеваний революции, не только водрогнула перед действиями повстанчества, но начала в спешном порядке опять покидать насиженные контр-революционные гнезда, убегая в районы большого скопления немецко-австрийских войск. Все это облегчало нашу митинговую пропаганду идей повстанчества и содействовало быстрому созданию новых инициативных повстанческих групп, действия которых в идейном и оперативном смысле целиком направлялись нами (т.-е. Гуляй-Польским Штабом).

Таким образом мы, своим легким конно-тачаночным боевым отрядом, изъездили часть Бердянского, весь Мариупольский и часть Павлоградского уездов. И теперь, будучи убеждены в том, что симпатии трудового крестьянства, в этих уездах, на нашей стороне, мы возвращались прямо под Гуляй-Поле, чтобы овладеть этим действительно революционным, инициативным центром вольных батальонов и их подсобных отрядов революции и установить в нем главный оперативный штаб движения повстанчества махновцев.

По дороге на Гуляй-Поле, в 40-ка верстах от него, под местечком Старый Кременчик, мы встретились с батальоном австрийцев и отрядом уже денкинских формирований, под командой офицера Шаповала. Мы приняли их атаку против нас. И нужно сказать правду, как ли стоек был этот, денкинской формации, контр-революционный отряд, а воле него австрийские части, мы их так поколотили, что они, помимо того, что бросили нам три пулемета, массу винтовок и ране-

ных своих бойцов, не задержали своего бегства даже в Старом Кременчине, куда мы и не думали вступать.

Победа над этими частями еще больше подымала революционный дух и была очень показательна для трудового населения данного района, которое активно еще не выступало вместе с нами против контр-революционных сил в стране, но серьезно следило за нашими действиями и готовилось в каждую минуту перейти от пассивной к активной поддержке нас. Теперь уже эта часть населения следила более внимательно и за неприятельскими передвижениями, и быстро сообщала о них нам. Это еще более воодушевляло и нас, уже выступивших и действовавших на пути решительной вооруженной борьбы, и широкое население.

Нужно было только не терять голову, т.-е. не увлекаться и, шаг за шагом, идти твердо и неуклонно к намеченной цели.

Из-под Старого Кременчика отряд наш направился, через хутора и немецкие колонии, на деревню Темировку, где предполагалось заночевать и дать лошадям и людям дневной отдых, а затем сделать внезапный налет на Гуляй-Поле, в котором стоял один лишь полк немецко-австрийских войск. Овладев Гуляй-Подем, мы предполагали, как я уже отмечал, остановиться в нем на более или менее продолжительное время.

Глава XII.

НАША СТОЯНКА В ДЕРЕВНЕ ТЕМИРОВКЕ. НАЛЕТ НА НАС ОДНОГО ИЗ КАРАТЕЛЬНЫХ ОТРЯДОВ МАД'ЯРСКИХ ЧАСТЕЙ АВСТРИЙСКОЙ АРМИИ И ЕГО ПОБЕДА НАД НАМИ.

Деревня Темировка — небольшая деревня. Отряд разместился в ней тесновато, но зато очень хорошо обставил себя заставами со всех сторон деревни. Это позволило даже мне, все эти недели не спавшему раздетым, наконец-то раздеться и хорошо уснуть на крестьянском «поликне»,

в крестьянских подушках, под теплым, из овечьей шерсти сотканым «лижником», заменяющим собою городское одеяло. Лишь в 4 часа утра я был разбужен дежурным по гарнизону товарищем Марченко, который представил мне помещика Цапко, жившего по соседству с этой деревней и захваченного нашими разведчиками недалеко от деревни.

Шататься в ночное время возле деревни, это что-то подозрительно, — подумали наши разведки, задержали его и привели в деревню.

Товарищ Марченко знал всех Цапко по району. Знал он и об их гнусных действиях вместе с гетманской вартой и немецко-австрийскими войсками во время отобрания у крестьян земли, живого и мертвого инвентаря, отнятых у буржуазии революцией и переданных крестьянским обществам. И Марченко хотел было, по его собственному заявлению, вывести этого Цапка за деревню и пустить ему пулю в лоб. Но потом решил завести его ко мне, имея в виду, что со мной находятся товарищ Лютый и С. Каретник, и мы сообщим разведкам вопрос, как поступить с ним.

Сам Цапко оказался неглупым человеком. Он быстро сообразил, как выпутаться из создавшегося положения и заявил, что он шел к Батьке Махно — получить разрешение на переезд через деревню Темировку жениха и невесты, которые должны были ехать рано утром в село Санжаровку, в церковь венчаться.

Это заявление показалось мне уже совсем подозрительным. Я быстро оделся и распорядился по отряду: приготовиться к выезду. Потом заявил гражданину Цапко, что свадьба их может себе ехать горой по дороге, ведущей по-над деревней, если она думает ехать до рассвета к церкви. Если же она выедет на рассвете, то тогда нас в деревне уже не будет, и она может ехать через деревню. Тут же я распорядился, чтобы разведчики вывели Цапка за деревню и пустили его на все четыре стороны. Разведчики исполнили мое распоряжение.

Однако сам я, да и товарищи, обидевшиеся на меня за то, что я отпустил Цапка, когда его нужно было убить по их мнению, были в тревоге. Хотя и сделали распоряжение по отряду расстановиться снова по своим квартирам до особого распоряжения о выезде, тем не менее не раздевались и не ложились больше. Даже более этого, я сделал предложение

товарищу Марченко, как дежурному, распорядиться, чтобы наши раненные бойцы оставались на тачанках, раз уж они погружены, до утра...

Вдруг, всего через 30-40 минут после того, как Цапко был отпущен, со стороны имения Серикова на нашей заставе затрещал пулемет. А вслед за ним затрещали с двух сторон деревни неприятельские пулеметы. Мы все, кто был в моей квартире, выскочили во двор. Пули со стороны неприятеля со свистом перелетали через деревню.

Быстро и решительно делаем распоряжение всем командирам и близко расположенным от стрельбы частям выступить навстречу врагам, а остальному отряду выстроиться и вытягиваться через горку к Малой Темировке, занять поудобней под горкой позицию и закрепиться на ней. Сам же, с С. Каретником и Исидором Лютым, бегу к заставе, которая первой открыла огонь. Увы, было уже поздно: наш пулеметчик был ранен и застава отступала. Я оглянулся и увидел, что на улицу выскакивают наши бойцы и спешно вытягиваются за горку, а с другой стороны чуть виднеются в рассветном тумане стройно идущие на деревню боевые мад'ярские стрелки, то стреляя изредка из карабинов, то бросая вперед бомбы по пути своего шествия.

— Хорошие это бойцы, видимо, — сказал я товарищу Каретнику и тут же, обернувшись к Лютому, схватил у него ручной пулемет системы «Люиса». Лютый быстро стал на колени, я с его плеча прицелился по этим колоннам и начал по ним стрелять. Мне казалось, что я стреляю не удачно; но я быстро заметил, как колонны разорвались, и я начал пускать по ним одну ленту за другой.

В это время Марченко выскочил из деревни с нашими бойцами, человек 60-70, и бросился в атаку на неприятеля. Но напрасно. Стрелки в его рядах были меткие и отважные: они как-то быстро отбили нашу атаку и захватили наш пулемет. Мы, группками в 10-15 человек каждая, начали отступать через дворы на противоположную сторону деревни, еле-еле успевая выхватывать своих раненных.

Мад'ярские стрелки уже в деревне. Они хотя и терпят товарищей из своих рядов (мы в них тоже хорошо попадали), но они не останавливаются. Их бомбометчики идут впереди и бомбами очищают им путь вперед по деревне.

— Учитесь, учитесь, сынки, у этих отважных стрел-

нов, как нужно брать села у неприятелей, — кричал я своим друзьям повстанцам. И, в то же время, я старался воодушевить их и, с риском для себя, высказывал со Щусем, Каретником, Лютым, Петренко и другими рядовыми повстанцами, на улицы деревни и отстреливался от неприятеля, вслестки стараясь отбить и приостановить его удачное наступление. Так мы подошли к последним дворам деревни. Дальше поле. Часть бойцов, с Марченко во главе, выскочив на вспаханное поле, залегла в его бороздах. В это же время один, другой, третий повстанцы из связи от частей воле меня падают убитыми. А сестра, она же невеста тяжело раненого еще в Дибривках младшего Петренко, подбегает ко мне и сообщает:

— Ваша, Батько, жена с подводой осталась в деревне.

— Ничего, теперь уже поздно спасать ее, — ответил я и тут же спросил ее:

— А где раненый Петренко?

— Тотже остался в деревне, — услышал я в ответ.

И только-что я подскокил к Щусю, который тянул одного из наших раненых повстанцев с улицы в последний двор, в котором мы, находившиеся последними под ударами мад'ярских стрелков из деревни, группировались, как вдруг товарищ Щусь падает. Пуля попала ему ниже бедра и прошла обе ноги на вылет.

— Петя! — кричу я старшему Петренко: — Бери Щуся на плечи и тащи через гору к обозу!

Сам, с несколькими повстанцами, еще раз высказываю на главную улицу деревни и из ручных пулеметов и винтовок осаживаю стрелков неприятеля. Тем временем остальным нашим бойцам было сделано распоряжение отступать с перебежками за гору.

Когда наши бойцы выскочили в поле, им можно было без поражения перебежать через гору. Но они залегли на вспаханной земле, желая теперь дать возможность, своим обстрелом противника, легко отступить со двора мне и оставшимся возле меня повстанцам. Этим самым они навредили себе. Мад'ярские стрелки, потеряв надежду выйти из главной улицы в поле, как-то быстро оказались с другой стороны деревни и теперь уже решительно и никому из нас не давали возможности перебежать полев своим метким ру-

жейным и пулеметным огнем. Все те из наших бойцов, которые только схватывались с земли, были сейчас же сражены пулями.

Ужасно тяжело становилось на душе. Всюду, на улице, во дворе, в поле, падали наши бойцы, пока товарищ Подгорный не собрал человек 15-ть кучеров из обоза и с одним пулеметом не зашел сбоку этим стрелкам и не начал их поливать градом пуль. Это спасло наше положение. Большая часть бойцов наших перебежала через гору на зацепленные пулями.

Вышли в поле и все повстанцы со двора, под командой Лютого. Лишь я и С. Каретник остались еще во дворе, пытаюсь взять с собою трех тяжело раненых повстанцев. И мы их взяли, но — не донесли до обоза, и сами не дошли до него.

За то время, что мы дрались с этим отрядом мад'ярских стрелков, к ним подошли со всех сторон подкрепления, и теперь уже они нас совсем почти окружали. Поэтому наш выход со двора был кошмарно тяжелым, тем более, что мы, 10 человек, несли троих раненых. Мишень оказалась лучше не надо для врагов. Товарища Каретника сразу ранили. Сестра, которая возилась с ранеными, все время под огнем, была убита наповал. Прошли мы еще немного далее, и было убито еще четыре бойца, из них двое тех, которых мы несли. А еще далее нас осталось живыми всего три человека, вместе с раненым Каретником. Человек пять наших повстанцев из-за горы бросились было к нам, чтобы взять тех из нас, кто послабее, на руки и вынести из-под огня, но трое из них тут же были сражены и упали мертвыми. Теперь мы, оставшиеся три человека, в поле, на версту расстояния от своих и на двести саженой от наступающих врагов, расскочились друг от друга на несколько саженой и, то и дело, то бежали, то падали, когда пули совсем близко ложились возле нас. Наконец, у одного из нас, у товарища Лазаренко из-под Днепра, нервы не выдержали. Он прикладывает к виску свой наган и пускает себе пулю.

Не хотелось оставить врагам его револьвера. Я подскокил к застрелившемуся и забрал его наган. В это время Каретник был уже далеко от меня. Я остался один и бежать дальше не мог. Я начал уже пробовать этот же револьвер, чтобы приложить его к своему виску, ибо увидел и сбоку,

и спереди меня людей, как будто врагов. И в это время слышу чистый, искренний голос:

— Батько, Батько, сюда!

То кричал Исидор Лютый. Он был с двумя друзьями, Марченко и Петренко. Я к ним подбежал. Они усадили меня на винтовки и бегом унесли, через горку к обозам.

Только здесь моя подруга, о которой сестра говорила, что она осталась в деревне с подводой, и вообще командиры и повстанцы, осматривая меня, лежавшего на тачанке, нашли, что я ранен в руку. Верхняя моя одежда и шапка были прострелены в нескольких местах. Я же этого не чувствовал и не замечал...

Но я скоро пришел в себя и видел всех командиров, оставшихся в живых, вокруг меня. Семена же Каретника и среди них не видел, и это меня очень встревожило. Каретник — один из друзей, в котором я, с первых дней восстания, заметил твердость революционного борца, и это меня с ним особенно сроднило. Я наделал шуму: «Где Каретник?..» Оказывается, он, не перевязавши свою рану, как только добежал до остатков отряда, схватил пулеметчиков с пулеметами и помчался под горку, навстречу победоносным врагам.

Я распорядился, чтобы он снялся с позиции. Когда он прибыл, отряд наш, оставив врага под Старой Темировкой, вытянулся через Малую Темировку на село Санжаровку, не меняя маршрута на Гуляй-Поле.

Я несколько раз отъезжал в сторону от отряда и со стороны смотрел на него, на то, как поределели его ряды. И больно было на сердце, и тяжело отзывалось это на моей усталости. Но я не терял веры в то, что силы наши оправятся и пополнятся новыми, и что конечная победа над палачами все-таки будет на стороне нас, трудящихся, в самые ближайшие недели, и убеждал в этом своих друзей повстанцев, и чувствовал, что они бодрствовали и старались сделать все для того, чтобы все это сбылось.

В Санжаровке мы встретились со свадьбой, о пропуске которой через Старую Темировку помещик Цапко ночью приходил хлопотать. От ряда лиц из этой веселой свадьбы мы узнали, что отряд мад'ярских стрелков подночевывал в имени Цапко. Вопрос стал ясным. Цапко приходил в Старую Темировку, под предлогом просить пропуск для

просьба жениха и невесты со всем свадебным поездом, в разводку.

Было сделано распоряжение повстанцам конфисковать все тачанки с лошадьми этой кулацко-помещичьей свадьбы. Повстанцы выполнили распоряжение и любезно предложили этой веселой кулацко-помещичьей толпе проводить жениха и невесту домой пешком, так-как их тачанки и хорошие лошади нужны были повстанческой армии для посадки на них пулеметов и пулеметчиков.

Отсюда отряд направился в объезд вокруг Гуляй-Поля, с целью очистить округность его от снова с'ехавшихся в свои богатые и роскошные усадьбы помещиков и крупных кулаков. Чтобы охранять их, немецко-австрийское командование снова насадило в этих усадьбах свои, теперь уже сводные, конно-пехотные отряды, преступно и глупо надеясь, при их помощи, приучить крестьянство уважать право помещицко-кулацкой собственности на землю и на паразитические привилегии.

До появления нашего повстанческого отряда под Гуляй-Подем, немецко-австрийские отряды в этих усадьбах и простлавшихся воле них деревушках, и даже в самом Гуляй-Поле, с помощью гетманской варты, торжествовали, ибо ни один из наших многочисленных мелких отрядов не в силах был справиться с ними. Они всегда, при столкновении, брали верх над отрядами и этим несколько запугивали население района.

Это-то и заставило Штаб Повстанчества распорядиться, чтобы район Гуляй-Поля, в первую очередь, был раз и навсегда очищен от помещиков и их охраны — с расчетом, чтобы они никогда уже не могли возвращаться в эти свои гнезда.

Делая этот объезд вокруг Гуляй-Поля, наш отряд принужден был под каждым именем задерживаться по несколько часов, выдерживая контр-атаки помещиков и кулаков, с помощью немецко-австрийских солдат. При этом нам, конечно, пришлось нести большие жертвы. Тем не менее, мы не могли отступать. И мы, в конце концов, всюду врагов окружали и уничтожали.

Эти наши бои вокруг Гуляй-Поля, — повторные и упорные бои повстанцев с врагами революции, с врагами права трудящихся на землю и вольный труд, на свободу и незави-

симость, с помещиками, кулаками и грубой силой немецко-австрийских штыков, — на сей раз привлекли к себе внимание очень широкой трудовой крестьянской массы.

Массы стали быстро группироваться вокруг созданных нами инициативных повстанческих групп и начали под их руководством решительно восставать в ряде районов почти одновременно.

Это ошеломило тупое немецко-австрийское и гетманское командование на Екатеринославщине так, что оно в первые дни даже не знало, что, какими силами и в каких местах прежде всего предпринять, чтобы подавить начавшееся подлинное народное восстание.

Так, Штаб Повстанцев-Махновцев в третий раз осуществил чистку окрестностей Гуляй-Поля от контр-революционных сил и заставил широкие трудовые массы реально выявить свое отношение к этому решительному действию. И когда окрестность Гуляй-Поля была очищена от контр-революционных сил, массы не только морально, но и реально поддержали наше дело. На время, по крайней мере, центральные рычаги контр-революционных вооруженных сил были парализованы. И тогда Штаб и главное ядро вооруженных повстанческих сил вступили в Гуляй-Поле с определенными задачами.

Глава XIII.

ТРЕБОВАНИЕ-МАНЕВР К НЕМЕЦКО-АВСТРИЙСКИМ И ГЕТМАНСКИМ ВЛАСТЯМ. ПЕРВЫЕ КОМАНДИРЫ ВОЕУЧАСТКОВ. ПРОВОКАТОРЫ И ШПИОНЫ. НАШИ ПЛАНЫ О ДАЛЬНЕЙШЕЙ БОРЬБЕ С ВОЗВРАТИВШИМИСЯ ПОМЕЩИКАМИ И КУЛАКАМИ. МОЙ ОБЪЕЗД РАЙОНОВ.

Октябрь месяц 1918 года. Отряд вступил в Гуляй-Поле. Созвали большой митинг для повстанцев и населения. Я и товарищ Марченко осветили перед всеми труженниками задачи Повстанчества Махновцев в данный момент. Был за-

тронут вопрос об организации отнятия у буржуазии оружия; о том, что проделал наш отряд на этом пути, и что должны повсеместно по всей Украине проделать все наши отряды, все трудовое население, желающее быть свободным от государства вообще и от гетманской государственности в частности.

Население Гуляй-Поля и повстанцы целиком одобрили задачи нашего Повстанческого-Махновского движения. Население, еще не взявшее в руки оружие, постановило поддерживать движение Повстанчества всеми материальными и техническими средствами, заверив при этом, что вся молодежь считает себя от сего дня в распоряжении Штаба Батюка Махно.

С этого времени наши подпольные инициативные участковые группы стали открытыми органами формирования революционно-боевых единиц повстанчества. Симпатия, бдительность и активная помощь трудового населения явились охрой в работе над этим делом. Таким образом, Гуляй-Поле, изменчески преданное немецко-австрийскому и Украинской Центральной Раде командованию в апреле месяце, теперь восстановило свое революционное положение в районе. И снова из него начала исходить проповедь крестьян-анархистов о подлинной революции трудящихся, как о средстве разрушения старого царско-помещичьего строя и создания на его месте строя нового, красивого и свободного от власти собственников и политических авантюристов: подлинного свободного общества труженников.

В день занятия Гуляй-Поля Повстанческий Штаб обсудил вопрос о судьбе схваченных австрийскими властями наших товарищей: А. Калашникова, секретаря Гуляй-Польской группы анархистов-коммунистов, и о членах этой группы: Савелии Махно, Филиппе Крате, Прохоре Коростолеве и других, заточенных в Александровскую тюрьму.

Теперь мы решили действовать не только на фронте, но и на телеграфе против врагов революции. Мы выработали телеграмму немецко-австрийским и гетманским властям в городе Александровке, которая пред'являла требование об освобождении наших товарищей из тюрьмы. В ней мы говорили им:

«Разбив и разогнав немецко-австрийские и гетманские силы под Гуляй-Подем, Штаб Повстанчества временно за-

держался в Гуляй-Поле, откуда нашел наиболее удобным потребовать от немецко-австрийской и гетманской власти города Александровска немедленного освобождения из тюрьмы всех крестьян Гуляйпольского Района. И, в первую очередь, представить из них в Гуляй Поле: Савву Махно, А. Калашикова, Прохора Коростелева, М. Шрамко, Филиппа Крата. При невыполнении требования Штаба Повстанчества, Штаб принужден будет двинуть все свои силы на Александровск, и тогда немецко-австрийское командование и гетманские власти пусть гневаются сами на себя. Восставший народ не даст им пощады.

Телеграмма эта пошла за подписью Батька Махно и его ад'ютанта, Щуся.

На это наше требование комендатура города Александровска нам ответила, что она считает требование Штаба Повстанческих Революционных Войск имени Батько Махно вполне резонным при создавшемся положении, но выполнить его не может, так-как освобождение требуемых лиц из тюрьмы, — в особенности лиц, поименованных в списке, — не подлежит ее санкции. Комендант города Александровска от себя может сделать лишь то, что ни с одного из поименованных в списке лиц ни один волос с головы не упадет до суда над ними. За это господин Комендант ручается и велел сообщить об этом в Гуляй-Поле, в Штаб Повстанческих Войск.

Ответ из Александровска был для нас показателем того, насколько враги с нами считаются. С этой стороны он нас удовлетворил, и мы полностью использовали его в своих агитационных целях. Здесь же, в Гуляй-Поле, Штаб Движения и представители от повстанцев и всех инициативных групп заслушали мой доклад о необходимости в спешном порядке стянуть все уже сорганизованные и вступившие в открытый бой с врагами революции отряды в районы Чаплино-Гришино и Цареконстантиновка - Пологи - Орехово и создать определенные повстанческие фронты: 1) против немецко-австро-гетманской вооруженной контр-революции; 2) против казачьих отрядов Белого Дона; 3) против Дроздовского отряда со стороны города Бердянска; и 4) против помещицко-кулацких отрядов, под предводительством агентов генерала Тилло, со стороны Крыма.

— Настало время, — говорил я в этом своем деловом

докладе, — перейти от отрядов мелкого состава к крупным отрядам, вплоть до вольных батальонов большой численности и хорошего боевого качества, которые могли бы выполнять задачи революции в борьбе с контр-революцией в фронтовом порядке. Неуязвимо же легкие боевые, конно-пехотного состава, с пулеметами на тачанках, партизанского характера отряды займутся делом партизанским по всей левобережной Украине против врага и явятся лучшими подсобными боевыми единицами для батальонов защиты революции на фронте. Враги сильны и человеческим мясом, и техническими средствами. Они строят фронт, и мы не должны упустить момента во-время создать против него свой революционный, трудовой фронт. Иначе наше восстание будет увлечено на путь излишней мести врагам и обессилит себя физически и морально в выполнении своей роли, идя к прямой гибели на этом ложном пути. Фронт против красновщины; фронт против дроздовщины и тилловщины, представляющих собою, как вам известно, денкинщину; фронт против немецко-австрийско-гетманских сил; следовательно — фронт, охраняющий Гуляй-Поле, как идейный вдохновляющий центр нашего восстания и как центр организации и общего руководства восстанием, — вот что должно быть отныне нашим лозунгом дня!

— Это невозможно, мы бессильны выполнить это дело! — раздавались голоса некоторых товарищей.

— Он с ума сошел, — подавал свой голос товарищ Марченко против меня и выдвинутых мною положений о фронте.

А я, создавая, что все эти реплики ни на чем не основаны, радовался, ибо видел, что положения эти будут приняты нашим чрезвычайно важным заседанием, и что тот же товарищ Марченко будет ревностно, как подобает истому революционеру, работать над тем, чтобы привить идею этих положений широким трудовым массам и вместе с ними проводить ее в жизнь. Поэтому друзья мои услышали от меня, в ответ на их возражения, следующее:

— Непосильного мы ничего не будем делать. Но то, что нужно, что можно, что должны мы делать, мы все будем делать для того, чтобы широкие трудовые массы деревни, а по возможности и города, проявили, так же, как и мы, и в том же направлении, что и мы, свой пафос революционного бунта против контр-революции. Воодушевленные этим

цафосом широкие массы могут выйти на широкий простор революционных действий и смогут побеждать своих врагов. Пример этому вокруг нас — всюду, где наши отряды проявили максимум своей воли, энергии, отваги и чести в борьбе. Я не буду возражать против того, что выдвинутые мною положения о стягивании отрядов в одно целое и о создании фронтов не требует от нас больших жертв. Я предвижу все, что от нас, в первую очередь, потребуются на этом пути. От нас потребуются акты самопожертвования и жертвы. И я, и вы все до сих пор это сознавали и всегда были к этому готовы. Ведь только благодаря вашему, товарищи, самопожертвованию мы до сих пор так стойко держимся в этом серьезном окружении нас нашими врагами. И как еще держимся! Заставляем врагов трепетать перед одним лишь донесением, что мы против них идем, вот-вот недалеко от них. А создание фронта и решительная борьба и в фронтовом порядке, и партизански, лишь даст нашим врагам сильнее почувствовать нашу решимость бороться против них не во имя примирения с ними, а во имя полного уничтожения их, как силы преступной и гибельной для дела освобождения рабов от господ... Правда, товарищ Марченко прав, когда он опасается того, что мы, не имея подготовленных к руководству фронтовыми операциями людей, можем сами нанести нашей организации непоправимый удар на пути фронтовой борьбы с врагами. Но он совершенно не прав, когда, из-за боязни этого, находит меня сошедшим с ума. Я не только верю, но убежден и знаю, что с этим делом, на первых порах его организации и действия наших организованных сил, мы справимся имеющимися в наличии здесь нашими силами. В самом деле: разве товарищи Петренко, С. Каретник, тот же Марченко, Мощенко или младший Тыхенко, — разве все эти товарищи не справятся с начальным делом формирования из мелких отрядов более крупных боевых единиц, чтобы заняться с ними фронтовым делом борьбы? Да и я в вашей среде, друзья, кое-чего тоже ведь стою, именно в делах нашей организации. Неужели же мы, которые полны революционной страсти и желания бороться и побеждать, не сможем отдалиться этому крайне необходимому, серьезному, прямому делу трудящихся с той же верой в правоту нашего идеала — революции, с теми же смелостью и самопожертвованием, с которыми мы взяли за организацию пар-

тизанских отрядов и с которыми уже ведем дело нашей организации по пути воспитания в массах бунта и революции?! На первое время мы с ним справимся. Я в это глубоко верю. А далее, восставшее революционное крестьянство выдвинет из своей среды новые кадры борцов, которые или заменят нас, или же будут искренне помогать нам на этом пути. И намеченное нами создание революционных фронтов, — для борьбы, которую мы согласуем с партизанскими действиями наших отрядов специального характера, — поможет нам осуществить наши задачи: изгнать из Украины дикие немецко-австрийские и гетманские орды и не допустить вторгнуться и восторжествовать по их следам таким же, если еще не худшим, ордам Красново-Деникинских контр-революционных формирований. Эту задачу я обдумывал долгие месяцы. Осуществить ее является прямым долгом нашей организации именно теперь. Откладывать это дело наша организация не имеет права. Всякое промедление может явиться величайшим, непоправимым преступлением в отношении революции и на Украине, и в России. Поэтому я лично стою за то, чтобы мы, или вернее ряд наших товарищей, и товарищ Марченко в первую очередь, изгнали из себя дух боязни за то, что у нас нет офицерского кадра для формирования из мелких единиц крупных, чтобы занимать ими фронты, и занялись бы вместе с нами, верящими в самих себя, этим делом. Тогда мы общими усилиями приступим к делу и создадим все то, что условиями момента от нас требуется. Итак, друзья, возьмемся за это великое и неотложное дело с верой, что мы его с успехом выполним в начальных его формах. А там придут широкие массы труженников, они его закончат.

После меня выступали многие товарищи и высказывались в положительном смысле по этому вопросу.

Товарищи Марченко и Щусь воздержались от выступления, заявив, что они будут делать все, что чрезвычайное наше совещание в большинстве своем решит и возложит на них.

Воздержание товарища Марченко от активного выступления против положения о создании фронтов и фронтовой борьбы против врагов революции лишь укрепило решение этого важного вопроса. Совещание назначило кандидатов командиров для организации главных, по тому времени, фронтовых боеучастков: Чаплино-Гришино-Очеретевского,

с одной стороны, и Цареконстантиновского-Пологово-Ореховского, с другой.

В результате совещания по вопросу о командирах были утверждены: П. Петренко, младший Тыхенко и матрос Красковский. Этим товарищам совещание дало наказ, который в общих чертах гласил:

Боеучастковые командиры в своей инициативе по стягиванию повстанческих отрядов в известной местности в одну боевую группу и по введению в ней революционной дисциплины — самостоятельны. Они вводят и закрепляют в жизни группы эти организационные начала, с согласия повстанческой массы данной группы. В оперативном отношении они целиком подчиняются главному Штабу Повстанческих войск имени Батько Махно и самому Батьке непосредственно.

Уполномоченные чрезвычайным совещанием и утвержденные Штабом командиры были: товарищ Петр Петренко — на Чаплино-Гришинское направление, а младший Тыхенко и Красковский — на Полово-Цареконстантиновское.

Ореховское направление Штаб решил временно оставить открытым, без всякого заслона, имея в виду поручить его в ближайшее время формирующейся как-раз в этом участке группе Правды.

Таким образом, командиры Петренко, Тыхенко и Красковский выехали в местности указанных выше направлений к нашим инициативным повстанческим группам с самыми незначительными силами и занялись, при прямом и полном содействии этих групп, стягиванием мелких отрядов и организацией из них более заметных и в количественном, и в качественном отношении боевых групп, согласно предположению основного Штаба: создать серьезную фронтную линию борьбы на известной территории восставшего крестьянства против власти немецко-австрийского командования и гетмана «всей Украины» Скоропадского и, как я уже подчеркивал выше, против только-только подымавшихся контр-революционных сил на Украине красно-деникинской формации.

После всего этого, наше чрезвычайное совещание заслушало мой доклад о необходимости реорганизовать и переименовать все наши инициативные повстанческие группы в подотделы основного Штаба повстанческих войск. В этой

реорганизации и, конечно, в более тесном сплетении их между собою и с основным Штабом я лично усматривал подлинную гарантию, с одной стороны, торжества федеративного принципа в жизни и борьбе повстанчества, а, с другой, того, что все это действия примут гождественный характер с задачами и целями повстанческой анархо-махновской организации, как таковой.

Эта реорганизация групп в подотделы, на мой взгляд, необходима была еще и для того, чтобы основной Штаб повстанчества мог легче справиться со своими оперативными заданиями однородного ударного характера, не только на определенных своих боевых участках, но и повсеместно, на местах действия бунтующего, восстающего трудового крестьянства против врагов революции и свободы.

Совещание целиком одобрило мой доклад о реорганизации всех наших инициативных повстанческих групп в подотделы основного штаба повстанческих войск и высказало свое пожелание, чтобы я лично занялся этим делом, как липо, пользующеся у этих групп абсолютным доверием, и как человек, много рисковавший на революционном пути во имя общего дела трудящихся. Я обещал совещанию все это выполнить в ближайшее время.

* * *

Помимо вышеизложенных общих задач, наше чрезвычайное совещание вменило в обязанность штабу сделать все от него зависящее, чтобы агроном Дмитренко, командир взвода еврейской роты вольного батальона весеннего периода 1918 года Леймонский, Прокофий Хундай-Коростелев и Тихон Бык были уничтожены теперь же, не дожидаясь окончательного установления Штаба в Гуляй-Поле.

За что?

1) Агронома Дмитренко, именовавшегося эсером, за то, что весной, в ночь перед тем, как Штабу Вольных Батальонов Защиты Революции нужно было иметь непрерывную связь с командованием красногвардейского фронта, собрал молодых «швиннистов», выехал с ними за Гуляй-Поле и перерезал все телеграфные и телефонные провода. Поступок Дмитренко, предательски контр-революционный, принес большой вред. Он крестьянами революционерами не может быть прощен, тем более, что этот самый Дмитренко

отлично жил в Гуляй-Поле при немцах и гетманщине, тогда как все другие революционеры частью были расстреляны этими палачами, частью же принуждены скрываться. И по чьей вине? По вине все того же Дмитренко, раз'езжавшего, во главе конного отряда, по району и вылавливавшего всех их, чтобы выдать на казнь немецко-австрийскому командованию, как союзнику Украинской Центральной Рады, спасавшему, по выражению Дмитренко, «Украину от революции и упадка».

2) Леймонского — за то же, за что и Дмитренко. Леймонский, пользуясь доверием еврейской молодежи, занимался со своим взводом, в угоду буржуазии и контр-революционных заговорщиков, нападениями на квартиры членов Гуляйпольского Районного Революционного Комитета и членов Совета Раб. и Крестьянских депутатов, обыскивал их, затем арестовывал и сводил в штаб заговорщиков для выдачи немецко-австрийским и Центральной Рады палачам. Теперь он служит шпионом в немецко-австрийском районном штабе. Это вызывает сильное возмущение широкого населения уже не только против него, Леймонского, но вообще против евреев, среди которых отдельные негодяи, вроде «анархиста» Льва Шнейдера (который, как известно, первый вскочил с гайдамаками в бюро анархистов, рвал знамена, бил и топтал портреты Бакунина, Кропоткина, Александра Семенюты и, вообще, помогал громить богатейшую библиотеку группы), оказались предателями. Леймонскому, как и Шнейдеру, не может быть пощады, — единогласно решило чрезвычайное совещание.

3) Прокофия Коростелева — за то, что он гетманский шпион.

4) Тихона Быка — за то, что он весной, при заговоре украинских офицеров шовинистов в пользу немецко-австрийской и Центральной Рады контр-революции, был первым организатором и председателем тайной «от трудового населения Гуляй-Поля и его Района» делегации к командованию контр-революции и, как таковой, вел переговоры с этим командованием по вопросам о сдаче Гуляй-Поля без боя, об отозвании с фронта и разоружении анархического отряда и, вообще, о разоружении вольных батальонов защиты Революции.

Помимо, совещание особенно резко высказывалось имен-

но против этого Быка. Оно готово было в ту же минуту послать двух своих членов на квартиру Быка, чтобы убить его.

Я поклялся перед совещанием, что все изменники в нашей весенней борьбе с нашествием немецко-австрийских и Центральной Рады банд на революционную Украину будут уничтожены. Но я просил совещание не настаивать на том, чтобы Штаб Повстанчества занялся этим делом теперь, когда он, пока-что, состоит всего из трех человек: А. Марченко, Семена Каретника и меня, с двумя моими личными адъютантами, т. т. Шусем и Исидором Лютым (остальные товарищи: Петренко, Красковский, Тыхенко и другие уже имели определенное занятие на командных постах и не могли приниматься в расчет), и завален вопросами первостепенной важности. Я просил совещание верить моим обещаниям, что в будущем Штаб все предпримет для того, чтобы изменники были уничтожены, и в этом случае предоставить вопрос на разрешение самому Штабу Повстанчества. Я предлагал ни в коем случае не уничтожать Тихона Быка сейчас же, ибо, если его сейчас уничтожить, то мы должны одновременно уничтожить целый ряд подобных Быку негодяев. А это может непоправимо подорвать симпатии к нам и к делу восстания со стороны населения, которому доказывать целесообразность и, главным образом, правоту наших актов в отношении всей этой нечисти у нас нет ни времени, ни технической возможности.

Товарищи долго спорили между собою и, в конце концов, передали этот вопрос на разрешение штаба.

В это самое время наши заставы на станции поймали в одном из проходящих поездов Прокофия Коростелева и представили его на совещание. При опросе, он дал полное сознание в том, что он, под видом охотника на дичь, занимался шпионскими делами в пользу немецко-гетманских властей, вербовал в шпионскую сеть новых агентов и получал за это приличное вознаграждение.

На вопрос Фомы Рябка: — А молодой Леймонский, взводный командир еврейской роты весеннего периода, тоже агент твоей шпионской сети? — Коростелев заявил, что молодой Леймонский именно и ввел его в эту организацию. Затем, Коростелев раскрыл нам целую группу лиц, занимавшихся шпионским делом по выслеживанию скрывающихся

крестьян революционеров и провокациями разного рода. Руководители этой группы были, большей частью, приезжие в Гуляй-Поле люди. Группа имела своих членов, главным образом, в центре села; по раз'ездным делам ею вербовались евреи из спекулянтски-торгашеского мира; по окрестностям Гуляй-Поля и по заводам вербовались члены из рабочих и крестьян кулацкого происхождения.

Несмотря на чистосердечное признание Прокофия Костелева и на раскрытие шпионской организации, революционеры крестьяне не пощадил его. Он был тут же вывезен к месту свалки падали — дохлых лошадей, свиней и т. д. — и расстрелян. А совещание решительно вынесло в обязанность Штабу Повстанчества уделить максимум внимания проверке, вылавливанию и беспощадному уничтожению всех членов шпионской группы врагов революции.

Штаб принял наставивания совещания во внимание, но считал более важным дело немедленного объезда ряда районов, проверки в них деятельности инициативных групп и, затем, последовательной неуклонной реорганизации этих групп в подотделы основного штаба разрознившегося повстанческого движения.

Поэтому, как только чрезвычайное совещание кончило свои занятия, а санитарный отдел распределил раненых повстанцев — в том числе т. Щуса — по крестьянским избам на излечение, штаб снял главные силы своего отряда с Гуляй-Поля и с хуторов и направился в известные районы, по этому специальному делу. С точки зрения штаба, важно было убедиться непосредственно в плодотворной деятельности инициативных групп и подготовить почву для реорганизации их в его подотделы, чтобы скорее и легче справиться с делом организации повстанческих сил в широком масштабе, для занятия определенных, фронтального характера, боевых участков против вооруженной контр-революции. Только при таком порядке ведения борьбы можно было надеяться, в это трудное для революции время, что восстание наше оформится в определенную, организованную революционную силу, создаст себе определенный тыл и сможет наметить общие положительные основания для тех общественных единиц, которые нужны трудовому народу, как средство социального действия на пути определения и создания новых форм нового свободного общества грузиников.

Как ни чувствовали все мы, — и я, ближайшие мои помощники, — что эти задачи повстанчества слишком ответственны и непосильны для нас, мы считали своим долгом использовать все то время, в течение которого революция носит социальный характер, надеясь, что нас услышат те из революционеров, с которыми я, во время поездки по России в апреле, мае и июне, встречался, и от которых слышал, что они ищут благодарной почвы для применения своих знаний и сил. Они, эти революционеры, — думалось нам (я тогда не мог еще допускать мысли, что они в большинстве своем — обыкновенные болтуны), — придут к нам и применят на пользу повстанческого движения, его живых и здоровых идей, эти свои знания и силы.

* * *

При объезде интересовавших нас районов Александровского и Павлоградского уездов, нам пришлось вести большие бои с многочисленными немецко-австрийскими и гетманскими вооруженными силами, а также с разного рода отрядами немецких колонистов и кулацких хуторов, вооруженных командованием оккупационных войск и бывшей Центральной Рады. Теперь эти отряды являлись уже скрытыми основными ячейками денкивских военных формирований. Они были уже теперь многочисленны. На каждом шагу они открывали нас и тормозили наше продвижение вперед.

Немецко-австрийские и гетманские войска, пользуясь этими отрядами, местами успешно достигали нас, атаковывали и били.

Около трех недель мы рейсировали по районам. Кое-где успешно проводили в жизнь наших групп новые организационные начала. Кое-где успевали только услышаться с одиночками, членами этих групп, по важным для дела организации вопросам. Затем мы направлись к Днепру, за пулеметами и вообще за оружием, которое бывшими гайдаками было там попрято. Некоторые из них обещали передать его нам.

В районе Синельниково нам пришлось выдержать серьезный бой с немецко-австрийскими войсками. Мы потеряли здесь много сил убитыми и ранеными.

Бой завязался совершенно неожиданно и с незначительными силами противника. Первое время схватки наш

отряд заметно взял перевес. Несколько увлекшись успехом, он скоро попал в опасное окружение и очутился в безвыходном положении. Если бы не подоспели другие наши отряды, со стороны, и не предприняли бы решительных мер с тыла против сил противника, весь наш отряд, вместе с основным Штабом движения, был бы перебит метким ураганым огнем хороших стрелков немецко-австрийских армий. Но многочисленные, хотя, сравнительно, и мелкие наши партизанские отряды, узнав от населения пройденных нами сел, что это именно мы окружены немецко-австрийскими войсками, бросились, не щадя своих сил, на противника со всех сторон и принудили его бежать.

Здесь отличился своей боевой стойкостью и умелостью маневрировать под градом вражеских снарядов Ульяновский отряд, в 240-270 человек, поголовно из крестьян, бывших солдат.

Радости нашей не было границ, когда мы выбрались из этого окружения и, прогнав противника верст за 10, встретились с этим Ульяновским отрядом. Но то было время, когда, не только Штаб с командирами, но и каждый рядовой революционный боец сознавал особенность и ответственность положения. Поэтому отряды не могли долго оставаться вместе. Ульяновский отряд получил задание от Штаба уйти в район Чаплино-Гришино и объединиться с группой, восстановившей, под руководством старшего Петренко, фронт против немецко-австрийско-гетманских сил, с одной стороны, и казацких (со стороны Белого Дона), с другой.

Отряд же, которым начато было дело восстания, то-есть основной отряд со Штабом, направился к берегам Днепра, в пути постоянно натыкаясь то на врагов (и тогда сражаясь с ними), то на своих (и тогда давая им советы о перегруппировании мелких отрядов в более крупные и о подтягивании их к районам, где намечено было создать определенные плацдармы для организации фронтов и их боеучастков).

Как-то раз, переезжая через линию железной дороги Синельниково-Александровск, мы наткнулись на военные эшелоны немецких войск и приняли с ними бой, при следующих обстоятельствах.

Теперь мы лучше знали и немецкое командование, и немецких солдат. Поэтому, наткнувшись на эти эшелоны, мы, прежде всего, повели с ними переговоры о том, чтобы они,

оставив себе для самоохранны на каждый эшелон по 10 вагонов и по ящику-два патронов, остальное оружие немедленно сложили перед нами. Однако, несмотря на эти переговоры, мы быстро заготовили все имевшиеся на станции Новогупаловка паровозы, чтобы пустить их навстречу эшелонам, если придется применять силу для их разоружения. В то же время, подрывщики были на своем месте. И, вообще, все было подготовлено, что в таких случаях полагается, как с нашей своеобразной крестьянской точки зрения, так и с точки зрения чуждой, местами нам, крестьянам, мало понятной академической стратегии.

В переговорах немецкое командование как-будто согласилось с нашими требованиями. Но когда оно отпустило нашу делегацию, то начало высаживать из эшелонов войска и развертывать их во фронт. Это вызвало решительный протест с нашей стороны. Скоро между нами завязался бой — не на жизнь, а на смерть. Наши паровозы, пущенные по обоим путям, сделали все, что надо было. Немецкое командование и его войска жестоко поплатились за свои лицемерные переговоры с нами, за лицемерное соглашение сложить оружие без боя. Поплатились настолько, что, оставив нам много вооружения (на поле и в разбитом нашим первым паровозом самом крупном эшелоне), бежали в сторону Александровска.

В эшелоне оказалось, кроме оружия и патронов, тысячи банок разного варенья, настоек, фруктов, которыми русская буржуазия в Крыму одаривала этих палачей Украинской революции. Не говорю уже о том, сколько здесь было разной обуви и кожи для обуви, т.-е. вещей, награбленных немецкими войсками всюду, где можно было: и по магазинам, и у крестьян — при обысках, порке, арестах и расстрелах.

Для того, чтобы широкая крестьянская масса могла видеть, какие вещи были в этом эшелоне, и серьезно подумать о том, где они могли быть приобретены немецко-австрийскими войсками, я распорядился, чтобы местные новогупаловские повстанцы сообщили в село крестьянам, — выйти к эшелону, посмотреть на содержимое в нем, и такие вещи, как кожа, сахар, варенье, забрать и распределить в общественном порядке, между беднейшими в первую очередь. Население все это награбленное богатство эшелона видело и глубоко возмущалось.

А мы ушли далее, к Днепру, к месту днепровских порогов, — туда, где шум быстрых и сильных потоков всегда что-то говорит имеющим силы бороться за широкие просторы и за волюность.

У порогов я лично и отряд повстанцев сели на плоты и двинулись по Днепру, под руководством опытных доцманов крестьян, чтобы прощупать на дне Днепра пулеметы бывших гайдамаков-синежупанников, заподозренных гетманом и немецко-австрийским командованием в революционности и частью разоруженных, частью же разбежавшихся по Украине с оружием и попрятавших часть этого оружия в Днепре.

Пулеметы мы нащупали и около восьми штук вынули. Хотя масло с них и было уже смыто, они еще сохранились и были пригодны на позициях и в боях. Здесь же, у Днепра, крестьяне снесли нам около двадцати ящиков патронов к русским и австрийским винтовкам.

Но здесь же, впервые за время нашего открытого вооруженного выступления против врагов революции и трудящихся, два повстанца (один, между прочим, лучший друг товарища Щуся) опозировали наш отряд, тайком от всех наложив на мельницу денежную контрибуцию в размере 3000 рублей. Они получили эту сумму и позавивали ее себе в шапки.

Об этой контрибуции я узнал при моем выступлении с речью перед крестьянским сходом села Васильевки. Никогда, за все время моей революционной деятельности, я не чувствовал на сердце такой боли, как во время этого своего выступления. Мысль, что в отряде есть люди, которые тайно совершают невозволительные преступные акты, не давала мне покоя. И отряд не вышел из этого села до тех пор, пока лица эти не были раскрыты и, хоть и с болью, но без всяких колебаний расстреляны в этом же селе. Теперь я, братья Каретники, Марченко, Любый, Мощенко, юный и до бесконечности честный Гавриуша Троян и другие, — все были в тревоге перед сознанием, что в отряд просачивается элемент, преследующий цели грабежа и личной наживы. И мы решили не останавливаться ни перед чем, чтобы с корнем вырвать его из повстанческих рядов и уничтожать.

* * *

Иа'еадив многие районы Павлоградского и Александровского уездов, кое-где реорганизовав наши инициативные повстанческие группы в подотделы основного Штаба повстанческих Войск Имени Батько-Махно, мы повернули на Гуляй-Поле, опять-таки через село и станцию Новогупаловку.

При стоянке в селе Новогупаловке Штаб выяснил, что по линии Синельниково-Александровск, вот уже несколько дней, почти непрерывно рейсирует подозрительный поезд, в три-четыре вагона. Я лично придал этому поезду известного рода разведывательное значение; однако, не сделал распоряжения подрывщикам конной разведки подложить в известных местах фугасы и взорвать его. Штаб в это время известного начальника не имел. Обе функции — и начальника штаба, и командующего — сосредоточивались в моих руках. Поэтому дежурные по Штабу — старший Каретник и А. Марченко — сами тоже не дали распоряжения об этом подрывщикам. Отряд стоял спокойно и пополнял свои ряды свежими, стекавшимися к нам в этом районе, силами.

Целые сутки нас никто из врагов не беспокоил. Но вот мы снялись из села Новогупаловки и направились на переезд через линию железной дороги. Разведчики наши заняли станцию и узнали, что со стороны станции Софиевка вышел этот поездок в 3-4 вагона. Узнали даже, что он сопровождается несколькими русскими и украинскими (гетманскими) офицерами.

В группе разведчиков имелось, во главе с младшим Каретником и Василием Шкабарней, около двенадцати человек лучших солдат, пограничников старой военной службы, людей очень опытных и серьезных.

Подзываю младшего Каретника и делаю ему распоряжение остановить этот поездок у подхода к вокзалу: — Если не надеешься на свои силы, возьми человек 30-ть из пехоты, с лейсистами.

И тут же даю распоряжение товарищу Клерфану отпустить эти силы из пехоты.

Младший Каретник говорит:

— Мы его оставим и возьмем силами разведчиков. И тотчас бросается галопом к своим людям.

Отряд наш пересек линию и, как-будто, начал удаляться от станции. Но как только передние его части скрылись за бугорок, командир Клерфан быстро повернул вправо, с целью обойти поездок сади и отрезать его. Маневр товарища Клерфана оказался, однако, бесполезным. Поездок этот подскочил к станции и как-будто начал останавливаться по сигналу подскочивших к нему младшего Каретника, Шкабарни и других. В действительности, он останавливался с целью, чтобы команда его ваяла более верный прицел. На этом тихом ходу из поездка посыпался град пулеметных и ружейных пуль, скосивших на месте Шкабарню и с ним еще четырех лучших бойцов. Был также тяжело ранен младший Каретник. Были ранены его и моя лошадь. Обстреляв наших, поездок помчался вперед по направлению Славгорода-Синельниково.

Такая опрометчивость, главным образом моя и младшего Каретника, в распоряжении которого были фугасы, так-что он мог впереди поездка посадить подрывщика, глубоко запечатлелась в памяти и у меня, и у самого Каретника, с раздробленной левой рукой, и у всего отряда. Потеря, в один день, лучших конных разведчиков, преданнейших борцов за народное дело, дни и ночи, и долгое время, мучила меня. С этого времени я глубоко и серьезно затаил в себе мысль о назначении специального отряда для занятия города Александровска и уничтожения в нем всех офицеров известных мне войск службы гетмана. (Впоследствии читатель увидит, что мысли мои по этому вопросу целиком были осуществлены нашим отрядом, под командой Коробки, при занятии города Александровска).

Подобрав убитых и раненых бойцов, мы от'ехали от станции Новогупаловки верст за 15-ть и в одной из деревушек оставили убитых при нескольких товарищах, чтобы крестьяне похоронили их за счет Штаба.

Сами мы продвинулись в направлении к селу Лукашево, где имелся хороший хирург, чтобы попытаться спасти руку младшему Каретнику и сделать необходимые операции другим повстанцам. На наше счастье, мы встретили этого доктора хирурга в дороге. Он как-раз ехал из Ново-Николаевки домой, в Лукашево. Я ему объяснил положение раненых. Он тотчас же пересел на нашу подводу и быстро помчался в Лукашево. Там он забрал нужные инструменты (пере-

вязочные материалы у нас были) и приехал ночью в указанную мною деревню Алеєво, где расположился наш отряд.

Почти всю ночь напролет наш славный доктор провозился с ранеными и оказал всем им и, вообще, отряду неоценимую помощь.

Все это происходило, приблизительно, в 20-ых числах ноября 1918-го года. В этой же деревушке Алеєво, на утро, когда, присутствовав всю ночь при производстве операций раненым повстанцам, устав и изнервничавшись, я, наконец, немного отдохнул, я счел нужным устроить митинг крестьян этой деревни. Я пришел на их сход и начал говорить им об их рабском положении под гнетом гетмана и водрузившего его немецко-австрийского юнкерства, приведенного сюда и посаженного им на шею Центральной Радой.

В этот день в этой деревушке была как-раз получена первая телефонограмма из Александровска, сообщавшая «всем, всем, всем» о том, что в Киве совершен переворот. Гетман Скоропадский низвергнут. Организовалась Украинская Директория под председательством В. Винниченко. Директория объявила всем политическим узникам амнистию и т. д., и т. п.

Помню, с каким воодушевлением один из граждан деревни, учитель, читал эту телефонограмму крестьянскому собранию. С пафосом незаурядного деревенского оратора и «широго» украинца он произнес затем речь и поставил мне в упор вопрос: — Какую позицию вы, Батько Махно, со своими революционно-повстанческими силами, займете по отношению к Украинской Директории, во главе которой, как вам теперь известно, стал человек, заслуживающий не только уважения, но и полного доверия от трудового народа. Сведения о Киевском перевороте меня лично мало тронули. В нем я видел все тот же политический шантаж, какой я видел и в водворении гетмана Павла Скоропадского, шесть месяцев тому назад.

Но вопрос, поставленный мне учителем, застал меня врасплох. В этой деревушке я его не ожидал, и поэтому он меня несколько смутил, — тем более, что на собрании присутствовала масса повстанцев, а вопрос о политическом доверии Винниченко был чрезвычайно серьезным: ответ на него требовал не только правды, но и серьезного, ответственного обоснования. Хорошо помню, как я, начав говорить

и, в то же время, обдумывая ответ, вначале нервничал, глотал слова и заикался. Это даже принудило меня остановиться, прекратить речь и попросить кружку воды. Так я выиграл время, овладел своими нервами и, затем, начал отвечать на поставленный мне учителем вопрос.

Украинским труженникам, — говорил я, — мало когда везло в истории их борьбы. За их спинами почти всегда действовали изменявшие им вассалы, если не польской шляхты, так русских царей. Я, конечно, не знаю Винниченко лично; но я знаю, что он — социалист, притом социалист, принимавший и принимающий участие в жизни и борьбе трудящихся. Он обладал и обладает социалистической верой, пафосом чувствования и действия. По крайней мере, я так понял Винниченко. Однако, до политического доверия к нему отсюда еще далеко. Особенно в настоящее время, когда трудовой народ, освободившись от политического рабства в 1917 году, стремится к коренному переустройству социальной жизни, а многие Винниченки веди его к совсем другим берегам... Я точно не осведомлен о том, какую роль играл Винниченко в деле заключения Украинской Центральной Радой союза с немецким и австрийским царями: союза, приведшего на Украину, против революции, 600.000-ю армию сознательных и бессознательных убийц, рвущих и топчущих, вот уже около 6-8 месяцев, тело украинской революции, убивших уже десятки тысяч крестьян и рабочих и продолжающих убивать по сей день. Но я знаю, что Петлюра, военный министр бывшей Украинской Центральной Радой во время нашествия этих орд на Украину, шел в авангарде с гайдамацкими бандами, дико расправлявшимися с каждым революционно мыслящим крестьянином и рабочим. И я знаю, что теперь Винниченко, рука об руку с этим самым Петлюрой, создает на Украине новое правительство. Где же, — я вас, товарищ, спрошу, — в революционных украинских селах и городах найдутся среди труженников такие дураки, которые поверили бы в «социализм» этого петлюровско-винниченковского украинского правительства или «Украинской Директории», как оно себя величает?.. Я знаю, что для вас и для ваших друзей, широких патриотов, Винниченко и Петлюра являются лучшими представителями украинского дела. Но, по-моему, украинское дело должно быть революционно-освободительным делом самих труже-

ников, без немецкого царя, который бросил весь немецкий народ в кровавую бойню... Вот почему я не думаю, что революционно-повстанческое движение под моим руководством может найти общий язык с этой Украинской Директорией; тем более, что нам, повстанцам махновцам, неизвестна еще программа Украинской Директории, равно как и то, кем она избрана. Украинское революционное повстанчество имеет перед собою в настоящее время одну задачу: окончательно деморализовать и разбить немецко-австрийские армии на Украине и раздавить гетманщину. Дело великое, уже повстанчеством начатое. Менять его на задачи Директории революционному повстанчеству не придется. Директория! ничего живого и здорового, связанного с чаяниями украинских труженников, не даст, даже если бы и стремилась к тому. По примеру всех либеральных правительств, какие иногда бывають в республиканских странах, она скоро сделается поборницей прав буржуазии, как класса материально богатого и выгодного для правителей. Она скоро запутается в буржуазных делах и потеряет тот социалистически-демократический характер, какой, — вы верите, — Винниченко своим председательством вложит в нее. Я и революционное повстанчество в эту комедию-чудо не верим. Украинской Директории мы признавать не будем. И если, перед лицом более опасных контр-революционных сил на Украине, мы и не будем сейчас вооруженно бороться против Директории, то мы будем дни и ночи не досыпать, будем серьезнейшим образом готовиться к этой борьбе против нее. В лице Украинской Директории, по-моему, неестественно народился и так же неестественно может вырасти и временно окрепнуть новый палач подлинного политического и экономического освобождения украинских труженников. Революционное повстанчество, не останавливаясь ни перед какими жертвами, бесстрашно идет вперед и умирает за идеи подлинного освобождения трудящихся от власти имущего буржуазного класса и его наемного слуги — государства. На этом пути повстанчество встретило серьезнейшую преграду в лице немецко-австрийских и гетманских вооруженных сил. Оно проламывает эту преграду вот уже два месяца с лишком. Враги дрогнули и преграда зашаталась. Повстанчество повалит эту преграду и пойдет далее против денкищины и Украинской Директории с открытым лицом и глубокой верой, что трудящиеся

его поддержат в этом деле. «Смерть всем врагам освобождения трудящихся!» — должен сказать каждый труженик в селе и в городе и, в согласии с этим, действовать против врагов...

Крестьяне деревни Алеево наградили меня словом:

— Вы, Батько Махно, наш неизменный друг. Мы пойдем все в повстанчество и будем бороться с буржуями и их властью...

Человек, поставивший мне вопрос о Директории и об отношении к ней повстанчества, пожимал плечами, приговаривая, что если, действительно, так может быть с Директорией, он тоже будет против нее...

А мои друзья, в особенности Алексей Марченко, признали мое выступление перед крестьянами по вопросу об Украинской Директории настолько удачным и верным, что готовы были сейчас же снарядить группу всадников и послать меня с нею в специальный повторный обезд всех районов, с целью изложения широкой крестьянской массе нашей повстанческой точки зрения на организовавшееся в Киеве новое правительство, чтобы, таким образом, раньше, чем правительство выпустит свою программную декларацию, революционное крестьянство было в общих чертах осведомлено об этом правительстве.

Лишь один Каретник, как всегда, был категорически против того, чтобы я вообще отлучался на сторону от основного повстанческого ядра. Он, всегда мало говоривший, если уже говорил о чем-либо, то всегда твердо и конкретно, причем от раз принятой точки зрения на вещи никогда не отходил. Не знаяши его близко, он казался сердитым, но выдержанная ровность его характера скоро раскрывала в нем человека просто чуждого малейшего лицемерия, человека исключительно прямого и целиком сосредоточенного на мысли об успехе движения. Вот этот самый Каретник высказался против такой поспешности в приготовлениях к борьбе с Украинской Директорией. Он утверждал, что власть Директории может быть реальной силой только в Киеве и возле него, на всю же Украину она своего влияния не оказывает.

— Революция на селе принимает явно противостаннический характер, — подчеркивал товарищ Каретник, — который мы всеми силами и должны поддерживать, стараясь,

чтобы он был выражен еще более определенно. В этом — залог тому, что вновь организовавшаяся Украинская шовинистическая власть в Киеве останется властью только для Киева. Крестьянство за ней не пойдет; а опираясь лишь на отравленный и зараженный властническими началами город, она далеко не уйдет. Поэтому и предложил бы всем товарищам отбросить мысль о посылке Батьки по районам и ограничиться, пока, выпуском листовки, которая разъяснила бы населению новоиспеченную киевскую власть и ее цели. Отрывать Батьку от Штаба теперь, когда организовываются боеучастки, нельзя. Он, пока, — фактический Штаб. Об этом мы должны помнить, и не должны бросать его во все стороны.

Большинство товарищей согласились с Каретником и постановили, чтобы, как только приедем в Гуляй-Поле, выпустить листовку против Украинской Директории, как власти вообще, и как власти предателей интересов революции, в частности.

А когда с'ехались повстанцы, оставшиеся в деревушке Н. хоронить убитых конных разведчиков, отряд направился на Гуляй-Поле.

Глава XIV.

«МАХНО УБИТ». НАПРАСНОЕ ЗЛОРАДСТВО ВРАГОВ РЕВОЛЮЦИИ.

Во время стрельбы по конным разведчикам на ст. Новогуляловке железнодорожники, видя, с какой скорбью повстанцы подбирали павших бойцов, пришли к выводу, что среди погибших находился и сам Батько Махно. Весть эта быстро донеслась до стана врагов и вызвала у них великое ликование. Офицеров, выезжавших поездом и убивших наших разведчиков, чествовали и восхваляли в городе Александровске.

Все кулаки и помещики, группировавшие в городе свои отряды по распоряжению александровского гетманского

старосты и немецко-австрийского командования (в ожидании того что отряд наш будет наступать на город), теперь снова рассыпались по уезду. Некоторые раз'ехали даже по своим колониям и хуторам и всюду распускали о смерти Махно, о том, что главные его повстанческие силы деморализованы и разбегаются. Всюду наши враги справляли тризну по Махно.

Сам я не читал, но мне передавали из города Александровска, что в прессе появилась заметка полуофициального характера о том, что «герои» офицеры представлены к награде за убийство Махно.

Слыша обо всем этом, я, естественно, не мог быть спокоен. Я видел, что враги революции снова подняли головы, как-будто с повстанчеством все уже кончено. Снова враги расплывались по уезду...

Перед выездом из деревни Алееево я имел уже в своем распоряжении точные данные о том, в каких хуторах и колониях и какие именно вражеские отряды нашему отряду придется встретить.

Женщины-добровольцы контр-разведчицы, — главным образом, из тех, которые фанатично верили в правоту повстанчества, — женщины замужние и девушки, труженицы крестьянки, с искреннего согласия своих мужей и родителей, делали все для того, чтобы всюду прорываться снова в ротации контр-революционных сил, разыскивать повстанческие отряды и сообщать им, где и какие стоят силы врагов, куда и какими дорогами направляются, и т. д., и т. д.

Поэтому движение отряда из Алееево было рассчитано так, чтобы всем врагам, справлявшим тризну по моей смерти и смерти повстанчества, дать как можно сильнее почувствовать как их преступления, так и их глупость.

На нашем пути, верстах в 7-10-ти от Алееево, в колонии No 4 находился кулацкий отряд под командой помещика Ленца. Его-то и нужно было уничтожить в первую очередь. Однако помещик Ленц, будучи убежден, что Махно убьет, выслал нашему отряду пакет с крестьянином. В пакете мы нашли заявление Ленца о том, что он с махновцами драться не желает, он хочет мира. В доказательство своей искренности, Ленц вывел свой отряд из колонии и дал нам возможность войти в колонию. А затем он попытался со своим отрядом со стороны, и с помощью колонистов изнутри, одним

взмахом, если и не совсем уничтожить, то на половину перебить и перекалечить этот опасный махновский отряд.

Но в это время мы уже кое-что понимали в области партизанства и стратегии. Обхват колонии был нами выполнен так, что удар Ленца по нашему отряду и стрельба по нем из домов этой богатейшей колонии привели к полному ее разгрому. Сам Ленц, лишь с несколькими всадниками, еле умчался. Остальные его сподвижники и часть ховяев колонии (те, что стреляли по нашим бойцам) были раздавлены на месте, и колония была почти вся сожжена особой командой.

Затем, на зло врагам, главные силы нашего отряда получили от «убитого» Махно следующее задание:

«Командиры и Повстанцы! Враги революции издеваются над нами, над всеми тружениками села и города. Момент настал, когда мы должны их одернуть. Мы встретились сейчас с отрядом помещика Ленца. Отряд раздавлен, Ленц бежал. Чтобы не дать возможности Ленцу сообщить о своем поражении в другие хутора и колонии, другим контр-революционным отрядам, главные силы нашего отряда должны выделить достойный авангард и, по его следам, огнем и мечом пронестись в один день через все кулацкие хутора и колонии маршем, который не должен знать никаких остановок перед силами врагов. Т.-е., какие бы силы врагов нас ни встретили, они должны быть раздавлены. Все богатей, ховяева хуторов и колоний, которые, как вам известно, с'ехали из-под Александровска повеселиться на радостях, что их наемниками убит Махно, должны быть застигнуты нами за их оргиями неожиданно для них. Главные силы отряда пойдут со мною, Карегником и Лютым. Но в авангарде этих сил должны пойти кавалеристы-охотники, под руководством товарища Алексея Марченко. Они должны пройти по улицам хуторов революционно-боевым маршем, ничего не делая, только трубя в сигнальные рожки и стреляя в воздух. Работы по конфискации лошадей, тачанок, разного рода оружия и денежных средств, которые для нашего движения нужны, они оставят для других групп из главных сил, которые, на плечах кавалеристов, займут эти хутора».

И силы наши тронулись в этот тяжелый, но необходимый марш. Я сам видел, как бесстрашные бойцы, во главе с Марченко, шли впереди и терли, под градом вражеских

путь, многих славных друзей. Но они не дрогнули и нигде не сбились. Они летели прямо на верную смерть, с глубоким сознанием того, что через свою смерть или победу складывают путь для других борцов и к другим победам.

Главные силы отряда входили в хутора, имения и колонии по следам первой группы, сравнительно под слабым встречным огнем.

Хозяева эти могли бы быть все уничтожены, вместе с их усадьбами. В сущности, это было бы ответом на жертвы, понесенные повстанцами при налетах на них помещиков. Но не жизнь этих хозяев нужна была повстанчеству, а реальное воздействие на их психику и та физическая победа над ними, необходимость которой диктовалась моментом. Отнятие жизни у тех, кто, однако, рвет и топчет жизнь других, считалось уже в это время, в рядах повстанцев махновцев, крайней мерой, применение которой допускалось лишь в отдельных случаях, в отношении одиночек, а не массы людей. Здесь, на пути через хутора, отнятие жизни могло иметь только массовый характер. Этого повстанцы махновцы старались избегать. Они ограничились, как говорилось в распоряжении, конфискацией у хозяев лошадей, тачанок, денежных средств, огнестрельного и холодного оружия. Уничтожались лишь одиночки из них, главным образом те, которые состояли в отрядах, боровшихся против революции, развезая по всему району. Этому элементу не было поощраемо, ибо его деятельность по селам в отношении революционно настроенных крестьян была слишком хорошо известна повстанцам махновцам. Некоторые из этих кулаков на повстанцам махновцам. Некоторые из этих кулаков были форменными палачами в отношении крестьян и крестьянок. В районах Гуляй-Поле — Александровск можно было сплошь и рядом встретить, после их прихода, переизнасилованных крестьянок и избитых или загнанных в тюрьмы их мужей, не говоря об убитых.

* * *

Пробег нашего отряда через кулацкие хутора и колонии в Лукашево-Бразоловско-Рождественском районах в боевом порядке произвел должное впечатление на все силы контр-революции, не только в Александровском уезде, но и вообще на Левобережной Украине.

Многие кулаки и помещики, увидев меня во главе отря-

да столбенели и не скоро приходили в себя. А когда они приходили в себя, то, не стесняясь махновцев, проклинали своих вождей за их ложь об убийстве того, против кого они так долго действовали и готовились выйти с оружием в руках целыми хуторами, и кому в руки теперь так глупо попались, убаюканные ложью о его смерти.

Конечно, с такими людскими повстанцы махновцы менее всего расправлялись. У них лишь конфисковывались нужные повстанчеству хорошие лошади и тачанки под пулеметы (для пехоты в сводные конно-пехотные части революционной армии). Хутора теперь уже не сжигались. А хозяевам их, одуревшим при виде Махно, смерти которого они только-что радовались, справляя пиры и восхваляя его убийц, делалось серьезнейшее предупреждение о том, чтобы они «подлечились» и занялись своим непосредственно мирным трудом, выбросив из своих деревянных голов всякие мысли о том, что немецко-австрийские армии на Украине непобедимы, и что за их спиной они, эти хозяева, укрепят свои прежние привилегии и власть над трудящимися...

Так, в этот день, с тяжелыми боями и большими жертвами (со стороны повстанцев и со стороны вооруженного кулачества) наш отряд прошел около 40-ка верст и вступил в свое родное по духу село Рождественку, где и расположился на вполне заслуженный отдых.

В селе Рождественке крестьяне дали нам сведения о роли рождественского священника, действовавшего заодно с кулаками и провокаторами в пользу гетманщины и против бедноты. Сведения крестьян об этом священнике, о его личных доносах немецко-австрийским и гетманским карательным отрядам на крестьян, — сведения, нашедшие себе подтверждение в ряде убитых этими отрядами передовых крестьян, — послужили для штаба достаточным основанием, чтобы вызвать священника, опросить его и поставить на очную ставку с несколькими крестьянами.

Священник был опрошен, а затем, как собака, был самими крестьянами и повстанцами повешен.

Какая рождественского священника была у повстанцев махновцев вторым случаем уничтожения священников за их провокаторскую роль в отношении трудового крестьянства. За аналогичное действие штабом был в свое время схвачен семеновский священник, о котором крестьяне всем

своим сходом показывали, что он является организатором кулаков и провокатором по отношению к бедноте. Некоторые из семеновских крестьян рассказывали, как этот «их» священник распрашивал женщин о том, чем занимаются их мужья и т. п., и вскоре после этого мужья некоторых женщин арестовывались, ибо «глупые женщины» перед священником таяли и рассказывали ему, что их мужья говорят против гетмана и немецко-австрийского командования.

Второй, рождественский случай уничтожения священника за провокацию скоро разнесся по району. И священники, начавшие было практиковать в районах повстанчества свои ораторские и провокаторские способности, быстро охладели к этой практике и возвратились к своим церковным делам, держась тише воды, болтая только в них, не касаясь уже революции, даже когда некоторые старички крестьяне, по своей ли инициативе или по инициативе своих сыновей, насмешливо спрашивали их: — А что ж это вы, отец таковой, перестали объяснять народу свои мнения про гетмана та спасших Украину немцев и австрийцев от «кацапско-жидівського броду», что называется революцией?...

Теперь священники или совсем молчали или же становились ярыми сторонниками только церковной правды на земле и отделялись от подобных вопросов заявлениями, что канонические дела не позволяют им следить за мирскими общественными и политическими делами; или, что новые распоряжения от церковной епархии требуют от них не вмешиваться в политическую жизнь страны, и т. д., и т. п.

После отдыха в селе Рождественке, отряд вступил в свое родное Гуляй-Поле.

**ОСВОБОЖДЕННЫЕ ИЗ ТЮРЕМ ГУЛЯЙПОЛЬЦЫ.
ПОЛОЖЕНИЕ ПОСТАНЧЕСКОГО ШТАБА. ЕГО ФРОН-
ТЫ. РОСТ КОНТР-РЕВОЛЮЦИИ. НЕДОСТАТОК В
АНАРХИЧЕСКИХ СИЛАХ. ПЕРЕГОВОРЫ С ЕКАТЕ-
РИНОСЛАВСКИМИ ВОЕННЫМИ ВЛАСТЯМИ ВОЙСК
ДИРЕКТОРИИ. ОБЪЯВЛЕНИЕ ДИРЕКТОРИЕЙ МОБИ-
ЛИЗАЦИИ. НАШЕ ОТНОШЕНИЕ К ДИРЕКТОРИИ
И НАЧАЛЬНЫЕ МЕТОДЫ БОРЬБЫ С НЕЙ. НЕДО-
РАЗУМЕНИЕ С НЕМЕЦКО - АВСТРИЙСКИМ КОМАН-
ДОВАНИЕМ.**

Вступление отряда в Гуляй-Поле было на этот раз особо радостным и для его бойцов, и для населения, которому было уже известно, что именно этим основным отрядом повстанческого движения развиты в целом ряде районов вооруженные контр-революционные силы врагов трудящихся. К этой радости прибавилась радость встречи отряда с освобожденными из александровской тюрьмы членами Гуляй-Польской группы анархистов-коммунистов: А. Калашниковым, Саввой Махно, Филиппом Кратом и другими.

Встреча отряда с этими людьми, томившимися в тюрьме в ожидании смерти, — людьми, дорогими для отряда, как и им дорог был отряд, — произвела оживляющее впечатление на каждого из нас, переутомленных в боях. Нам чувствовались в этих товарищах новые и серьезные силы, и мы все радовались им, как и они радовались тому, что вырвались из рук палачей невредимыми и могут снова отдать себя целиком служению революции, задачам нашего революционно-анархического движения в ней.

Приехавшие из тюрьмы товарищи привезли нам некоторые интересные сведения. Они рассказали нам о том, что Украинская Директория, сделав переворот и изгнав гетмана из Киева, поспешила, как-будто по долгу социалистов (Винниченко, Петлюра, Макаренко были ведь социалистами, и некоторые ими остались), декретировать освобождение из тюрьмы всех политических заключенных, но не подумала об освобождении организаторов убийства палача революции, немецкого фельдмаршала Эйхгорна, левой соц-рев-ни Ка-

ховской. Левые эсеры были этим чрезвычайно воодушевлены.

Этот поступок Украинской Директории еще более укрепил мое лично и всех моих друзей убеждение в том, что социалистического и тем более революционно-социалистического в Украинской Директории ничего нет. Ее преступное отношение к товарищу Каховской, в силу которого эта революционерка должна была оставаться в тюрьме, говорило нам о том, что Украинская Директория, хотя и низвергла гетмана от имени трудового народа Украины, намеревалась, как и центральная Рада, и как гетман Скоропадский со своим правительством, душить все, связанное с революцией.

Население Гуляй-Поля и района в подавляющем большинстве разделяло нашу точку зрения в отношении Киевской Директории (по недоразумению назвавшейся «украинской»).

Штаб повстанчества, параллельно со всей своей основной работой, начал работать также и для того, чтобы освобожденные повстанчеством районы правильно поняли Гуляй-Поле на революционном посту и высказались бы определенно о киевской Директории. Существовавшие по районам подотделы основного Штаба Повстанчества блестяще выполнили в этом вопросе задания Штаба. Таким образом, повстанческие районы, с первых же дней возникновения центральной украинской власти в лице киевской Директории, были направлены нами по пути социальной революции.

Можно только пожалеть о том, что основной Штаб революционно-махновского повстанчества, во-первых, не имел крупных культурных сил и не мог издавать регулярно своих газет, ограничиваясь листовками и воззваниями, а, во-вторых, все еще состоял из тех же пяти человек: меня, двух моих помощников (т. т. С. Каретник и Марченко) и двух адъютантов (т. т. Щусь и Исидор (П.) Лютый).

Из товарищей, вернувшихся в наши ряды из тюрьмы, Калашников пошел по командной линии, а Савва Махно и Ф. Крат — по хозяйственной. Таким образом, мне, Каретнику и Марченко опять приходилось совершенно выбываться из сил. Лишь сознание, что, пона, нас никто не может заменить, а также и то обстоятельство, что среди нас не было места ни тщеславию, ни интригам, поддерживали наши силы, и мы несли на себе тяжелую и ответственную работу

по штабу и на фронте, который теперь имел уже три определенных боеучастка, как-то: 1) Цареконстантиновский (в 45-ти верстах от Гуляй-Поля); 2) по линии Верхний и Большой Токмак (в 40-45 верстах); и 3) Гришинский (в 65-70-ти верстах).

Правда, ко мне начали стекаться мои личные друзья, из левых социалистов-революционеров, но их я не мог выдвигать на ответственные посты в период укрепления революционного повстанчества на его антигосударственническом пути, и они группировались в свои партийные культурно-просветительные единицы или же раз'езжались снова по городам. Лишь один товарищ Миргородский на'явил согласие работать при мне, в согласии с решениями и постановлениями нашей группы анархистов-коммунистов, и то исключительно в рядах раз'ездных пропагандистов.

Такое положение заставляло меня и моих друзей часто задумываться над тем, вынесем ли мы всю эту тяжесть и ответственность с честью до конца. Как-то заехал в Гуляй-Поле тов. А. Чубенко, перед от'ездом в Россию. Я категорически запротестовал против его поездки и просил его остаться при штабе. Он остался и был тут же утвержден для особых поручений при мне. А товарищ Щусь был переведен в штаб в качестве члена его.

Момент борьбы был напряженный. Немецко-австрийское командование, не выдержав наших повсеместных атак по селам и деревням, группировало свои силы по линиям железной дороги. Пришлось усилить партизанские отряды и направить их исключительно на разрушение железных дорог, на уничтожение воинских поездов, на решительное и полное разоружение их. Одновременно денкинские военные формирования росли, как грибы, и строили против повстанчества новые боеучастки.

Мне, то и дело, приходилось ночью сидеть в штабе и работать, а днем выезжать то на один, то на другой боеучасток фронта, ибо я ведь был и командующим, и начальником Штаба в одно и то же время. Бывали моменты, когда я перебирал в памяти имена всех анархистов, сидевших в городах; но, после наблюдений за ними во время моей поездки по России, я не находил среди них людей, которые отделились бы целиком делу, начатому повстанчеством. По моему глубокому

убеждению, они не были ни психологически, ни технически подготовлены к революции широких трудовых масс.

Поэтому и только болел душою, но не верил, что они должным образом услышат голос широких масс, столкнувшись с практикой революции, и поспешат влить в их ряды достаточное количество своих идейно-революционных и организационных сил.

В городских группах было много анархистов-евреев. Для села, для нееврейского населения деревни, в этот момент бунта и революции, они были, как пропагандисты, не пригодны. После прихода на Украину немецко-австрийских экспедиционных войск, мешанско-купеческое еврейство дало здесь слишком много, в наших районах по крайней мере, шпионов, предателей и провокаторов штабам этих войск. Благодаря этим отдельным негодоям, село, видевшее их гнусную роль, относилось с недоверием к евреям вообще. В этой области село нуждалось в серьезной ломке его мнения о евреях вообще. И ломку эту можно было бы сделать скоро и успешно лишь при помощи еврейских же революционеров анархистов, которые не относились бы к широкому трудовым массам авантюристически. А таких товарищей евреев я не знал.

Конечно, еврейские революционеры анархисты не повинны в том, что анархические объединения себя организационно кастрировали для работы среди широких масс. Они не виноваты в том, что анархические ряды, в силу традиции, унаследованной от основоположников анархизма, составляются, даже в моменты революции, из отдельных групп и группок, которые ничем организационно и ответственно не связаны, и каждая из которых носитель со своим собственным, часто не продуманным анархизмом, по-своему расценивающим и момент, и задачи анархизма. Во всем этом виноваты те, до конца не продуманные основоположниками анархизма философские концепции, в согласии с которыми задолго до революции воспитывались анархисты. Весь их анархический революционизм заключается в проповеди и в толкании трудовых масс на путь революции, но в то же время в отрицании организованного руководства этими массами, в отрицании ответственности, неразрывно связанной с ходом событий и практическим участием в них анархических сил.

Еврейские товарищи в таком положении дел не виноваты. А поэтому от них нельзя было и требовать больше того, что некоторые из них революции дали. Еврейские товарищи не могли быть в то время ни худшей, ни лучшей средой в рядах революции. Как и подавляющее большинство анархистов вообще, они не понимали ни выгодного для анархических действий исторического момента, ни, тем более, положительных анархических задач этого момента.

Все это было на руку тем темным силам, которые считали анархизм, большевизм и левое народничество вредным явлением на теле революции и действовали против этих движений в целях уничтожения революции и подмены ее лучших идеалов идеалами черносотенно-хулиганско-погромческой вакханалии под знаменами временно «одемократившихся» белых генералов и республиканцев типа петлюровщины.

Анархизм, не имея в наличии достаточного количества сил, способных понимать момент и своевременно отвечать на запросы дня в революции, первым попал под удары черных сил и оказался наиболее разбитым ими. А большевизм и левое народничество, прибегнув ко всевозможным изгибам, некоторое время держались на своем, а затем пошли по чуждым революции путям, выбирая каждый себе выгодное положение и жестоко разя сперва анархизм, а потом и друг друга.

— Итак, из городов никто к нам не приедет, — говорил я своим друзьям: — Поэтому нужно беречь те силы, какие у нас есть, чтобы вывести повстанчество на широкий путь действия и полностью выявить его ближайшие конкретные цели. Повстанчество со временем выделит новых передовых борцов и будет развивать далее свои цели и планы.

И мы, группа гуляйпольских крестьян анархистов-коммунистов, отделись с еще большим революционным энтузиазмом начатому повстанческому делу.

* * *

В то время, когда штаб повстанчества остановился определенно в Гуляй-Поле и направил, помимо своих, уже организованных, большого масштаба повстанческих групп, многочисленные мелкие отряды на атаку немецко-австрийских расположений и передвижений; когда, то и дело, пов-

станческие силы останавливали воинские поезда и разоружали их, или же сплошной цепью, на обширном районе, вели бои с немецко-австрийскими и гетманско-деникинскими отрядами; когда нам удалось схватить в одном из таких поездов пробравшегося далее важного, очень близкого атаману Белого Дона Краснову, посланца к Украинской Директории, несколько расшифровать планы движения белых генералов и, в связи с этим, удачно зажав в кольцо некоторые группы белых, успешно разбить их, — в это именно время атаман Екатеринославского Кошу войск Украинской Директории Горобець обратился в Гуляй-Поле, в Штаб Повстанческих Войск имени Батько Махно, с двумя, следовавшими одна за другою, телеграммами.

В одной из этих телеграмм кошевой атаман предлагал нашему штабу прислать делегацию, чтобы сговориться о совместной борьбе за «Українську Державу» и, конечно, против революции. (Этого последнего пункта он не выразил словами, но его надо было подразумевать, судя по неопровержимым данным о том, что этот атаман войск Украинской Директории был одним из покровителей формирования в городе Екатеринославе 8-го добровольческого корпуса. Впоследствии, молодые украинские офицеры, под руководством атамана Руденко, выступили сами, помимо воли кошевого атамана, против зачатков этого корпуса).

В другой телеграмме атаман Горобець просил повстанческий штаб распорядиться, чтобы Чаплино-Гришино-Очеретненская группа повстанцев маховцев освободила посланца генерала Краснова, вернув ему все отобранное у него и оказала бы ему, этому посланцу, нужное содействие благополучно доехать в г. Екатеринослав к нему, атаману Горобцу.

Обсудив обе эти телеграммы, повстанческий штаб решил послать от себя делегацию в г. Екатеринослав, в штаб атамана войск Украинской Директории Горобца. В делегацию эту были назначены два человека: т. Алексей Чубенко и т. Миргородский, о котором я упоминал выше.

В задаче делегации, по наказу штаба, входило: выяснить, чего штаб кошевого атамана войск Украинской Директории хочет от нас, а также пощупать почву среди солдат екатеринославского гарнизона и молодого командного состава, нет ли среди них противоденикинского настроения, и завя-

зать с ними секретную связь, в целях устройства в городе восстания против деникинской ориентации штаба Горобца, имея в виду разоружение и изгнание из г. Екатеринослава немецко-австрийских штаба и войск и начавшего формироваться 8-го добровольческого белогвардейского корпуса.

Одновременно и поручил товарищу Чубенко заявить лично атаману Горобцу, в виде ответа на его требование, чтобы Чаплинская группа повстанцев освободила посланца генерала Краснова, что у посланца этого отобраны серьезные документы о подпольных белогвардейских организациях по губернии, и он освобожден быть не может. Он будет расстрелян, как сознательный, активный и злостный враг революции и трудящихся.

Делегация выехала в город Екатеринослав и в тот же день сообщила в штаб повстанчества, в Гуляй-Поле, лично Батьке Махно:

«Кошевой атаман Горобець отказывается от того, что он высылал из Гуляй-Поля повстанческую делегацию. Мы представили ему и его штабу копии обоих его телеграмм в Гуляй-Поле, но он упорствует. Ждем дальнейших указаний.

Чубенко и Миргородский.

Декабрь 1918 года».

Во время получения этого сообщения от делегации, меня в Гуляй-Поле не было. Вследствие того, что на Цареконстантиновском боюучастке был убит его командир, т. Красковский, и спешно выехал на этот участок непрерывных и ожесточенных боев, чтобы на месте посоветоваться с младшими командирами и повстанцами и утвердить на место убитого другого командира. Так-что телеграмма нашей делегации шла из Гуляй-Поля по находжению меня и немного запоздала. А пока я собирался ответить нашей делегации, мне сообщили, что от нее есть еще одна телеграмма. Меня спрашивали, прислать ли эту телеграмму мне, или я скоро возвращусь в Гуляй-Поле?

Я ответил, что еду в Гуляй-Поле, и в ту же минуту направился с новым командиром на фронт. Об'ехав линию находившегося теперь под его руководством боюучастка и поговорив с бойцами, груду отстаивавшими каждую пядь освобожденной от насильников революционной территории, я к глубокой ночи вернулся в Гуляй-Поле.

В штабе меня ожидали с нетерпением, в виду накопившихся новых сведений со всех боеучастков повстанческого фронта. Я, не откладывая этих прямых моих дел в сторону и не беря их с собою на свою штаб-квартиру, тут же разделся и занялся их просмотром и надлежащими распоряжениями по ним. Здесь же я просмотрел новую телеграмму от нашей делегации, посланную из Пост-Амура (поселок Екатеринослава), в которой делегаты просили не отзываться на них, так-как ряд командиров, во главе с атаманом Руденко, опростовали поведение своего кошевого атамана. По мнению делегатов, необходимо было остаться в городе Екатеринославе еще день-два, чтобы на месте выяснить и характер этого протеста, и то, чем все это кончится, «потому, что только в этом случае можно будет сделать безошибочные выводы нашему штабу, — говорилось в телеграмме, — о контр-революционных силах Екатеринослава».

Как я, так и все мои помощники в штабе, целиком полагались на стойкость посланных в Екатеринослав товарищей, а потому я распорядился ответить им: «Можете задержаться в городе на несколько дней, но от официальных разговоров с кем бы то ни было воздержитесь, в виду провокаторского поведения кошевого атамана Горобця, или будьте беспощадными в раскрытии их подлой физиономии».

Итак, делегаты остались в городе. Тем временем, более демократическая и социалистическая часть командного состава Екатеринославского Коша войск Украинской Директории дружнее сплотилась вокруг атамана Руденко и, вопреки воле кошевого атамана, организовала в честь наших делегатов банкет.

На этом банкете т. А. Чубенко, не взирая на присутствие в зале немецко-австрийского и русского белогвардейского 8-го корпуса командования, без всяких стеснений изложил присутствующим нашу, повстанцев махновцев, точку зрения на то, какой должна быть борьба с немецко-австрийскими контр-революционными армиями и, вообще, с поддерживаемой ими контр-революционной сводочью царско-помещичьего строя, и как мы, махновцы, эту борьбу проводим, готовясь одновременно к такой же борьбе с властью и войсками Украинской Директории, как с явно враждебной трудящимся контр-революционной силой.

Некоторые командиры из екатеринославского коша

возмутились тем, что наш делегат называл все войска коша контр-революционной силой. Но то, что их кошевой атаман яхшался с генералами формировавшегося в Екатеринославе 8-го белогвардейского корпуса и с немецко-австрийским командованием, для наших делегатов было хорошим аргументом, чтобы умалить их возмущение. И они это поняли, ибо, вместо дальнейшего протеста, они, как один, поднялись и провозгласили свое порицание высшему своему командиру, атаману коша Горобцю, и потом грянули: «Слава, слава, слава Батьку Махно, его штабу и восставшим под его руководством широким трудовым массам!»

Это выступление произвело переполох среди контр-революционной публики. Белогвардейцы из 8-го корпуса и немецко-австрийские офицеры, так усердно всегда убеждавшие своих солдат, что Махно и махновцы никого в плен не берут, всех уничтожают, а потому, дескать, нужно бороться против них не на жизнь а на смерть, — эти самые офицеры, находясь в зале, где состоялся банкет, поспускавали со своих мест, и один, взяв под козырек, испуганными глазами искали среди банкетчиков ненавистного Махно, а другие, не оглядываясь, бросились из зала с такой тревогой и быстротой, что одному из делегатов пришлось на весь зал закричать: «Батька Махно здесь нет, и враги революции могут быть, пока-что, спокойны за свою шкуру».

Одновременно наблюдал за всеми, кто участвовал на банкете, нашим делегатам легко было, в беседе с частью командиров Екатеринославского коша войск Украинской Директории, подойти к тому, чтобы получить от них более конкретные сведения об их силах, расположенных в городе Екатеринославе, и о силах 8-го белогвардейского корпуса и немецко-австрийских. И когда, — рассказывал по возвращении делегации, товарищ Миргородский, — мы заметили, что наши собеседники рассказывают нам обо всем вполне искренно, тов. Чубенко не выдержал и еще раз сказал им: — Какого же вы чорта смотрите на всю эту русскую белогвардейскую сволочь?.. Зачем допускаете, чтобы она формировала свои контр-революционные силы за вашей спиной против украинской революции? Разоружьте ее и выгоните из города!...

Все это положило начало тому, что наши делегаты наши себе много сторонников среди подчиненных кошевому

атаману Горобцю. С ними наши делегаты установили нужную повстанческому штабу связь и возвратились в Гуляй-Поле.

Спустя две недели после этого, украинская молодежь из командного состава, вместе с рядовыми бойцами, под руководством атамана Руденко, решительно выступила против формирования за их спиной 8-го белогвардейского корпуса.

Они дали частям этого корпуса бой, не дав корпусу окончить свое формирование и принять надлежащий боевой вид. Благодаря этому, они имели успех. Части корпуса принуждены были поспешно выйти из города, чтобы больше в него не возвратиться.

Это обстоятельство было на руку нашему повстанческому Штабу, ибо тем самым войска Директории облегчили нам задачу наблюдения за этим участком фронта революции. Участок этот стал для нас менее опасен, чем он был до того времени.

После этого украинская социалистическая молодежь из командного состава Екатеринославского Коша войск Директории, да и сам атаман Руденко, поскольку мой Штаб имел сведения, почувствовали себя несколько свободней, так-как кошевой атаман Горобець был одернут за его чрезмерные связи с 8-м корпусом не только самим актом выступления его подчиненных против этого корпуса, но и из центра. Благодаря чему он очень присмирел и не мог уже больше пользоваться среди своих подчиненных тем авторитетом, какой за ним признавался до тех пор.

Из этой именно группировки, из Екатеринославского Коша войск Украинской Директории, нашлись люди, которые упорно заботились о том, чтобы как можно скорее сговориться с революционно-повстанческим Штабом на предмет восстановления общего фронта против немецко-австрийских армий и против Деникина.

Но этому плану не суждено было сбыться. Как я, так и все члены революционно-повстанческого Штаба понимали Украинскую Директорию как явление худшее, чем была Украинская Центральная Рада. А против Центральной Рады, против ее политики мы боролись решительно, ибо безошибочно и во-время определили ее контр-революционную сущность, которая, как известно, была обманена в последствии ею самою союзом с немецким и австрийским ца-

рями, а также земельной «реформой» против революции, против исконных чаяний трудового крестьянства. Следовательно, против Украинской Директории мы, если и не могли начать открытую вооруженную борьбу в эти дни, то должны были к этой борьбе готовиться, чтобы в удобный момент, как только успешно разорвем окружавший нас кольцом деникинский фронт и выйдем из этого окружения все еще путавшиеся немецко-австрийские отряды, начать против нее эту вооруженную борьбу. Эта задача диктовалась нам теми идеями, которые революционное повстанчество провозглашало на своих путях.

Однако, как самая борьба, как и подготовка к ней в то время, когда наш район со всех сторон был окружен и осажден деникинскими отрядами, всюду поддерживавшимися немецко-австрийскими армиями, была слишком тяжелой задачей для революционного повстанчества. Малейшая решительность со стороны Украинской Директории, направленная против нас, могла принудить нас снять целый ряд боевых частей с боеучастков против добровольческих частей деникинской армии и, таким образом, что называется «самих себя ликвидировать» в борьбе против деникинских полчищ, без надежды на победоносный успех в борьбе против войск Директории, так-как для того, чтобы его достичь, нужно было иметь в своем распоряжении самое меньшее 70-100-тысячную хорошо вооруженную партизанско-повстанческую армию, силы которой могли бы, с одной стороны, защитить освобожденную территорию от казаков и деникинцев, нападавших со стороны Дона и Крыма, а, с другой стороны, сбить и преследовать группировавшиеся по Днепру в Александровске и Екатеринославе войска Украинской Директории. Такой вооруженной силой повстанческий Штаб в то время не располагал, и поэтому мне и всем повстанцам нужно было быть осторожными в своих действиях в отношении войск Украинской Директории. По крайней мере на некоторое время эта осторожность была необходимой для нас.

Осторожность эта, как она ни была полевой, не могла предостеречь освобожденный нами район от кольцевого лажима нашими врагами: карательными немецко-австрийскими отрядами, деникинскими добровольческими полками и красновскими (донскими) казаками.

Нельзя сказать, чтобы Украинской Директории были по душе рост и развитие свободного от государственнической тенденции революционно-повстанческого крестьянского движения. Директория, об'явив вне всяких прав на территории Украины какую бы то ни было вооруженную народную силу, организовавшуюся без ее, Директории, санкции, поспешила в то же время об'явить мобилизацию новобранцев, надеясь, очевидно, что «молодые казаки» силою пытка закропят за нею власть на Украине.

Мобилизация эта не могла затронуть нашего района, но окружающие его районы она затронула, и это ставило все наши боеучастки против красновских казаков и деникинских добровольцев в очень тяжелое положение. Освобожденный нами район располагал рядом узловых станций, с железнодорожными депо. Весь железнодорожный состав — паровозы и вагоны — находился в ведении железнодорожных комитетов нашего района. Военские уездные начальники, служившие Директории, могли стягивать мобилизованных только через наш район и, следовательно, по нашим железнодорожным путям. Перед повстанческим Штабом встал вопрос: пропускать ли мобилизованных через район? Вопрос этот требовал быстрого решения. Не пропускать, значило начать сразу же воевать и с Украинской Директорией, как мы уже воевали с белым Доном и деникинщиной, что для нас, по чисто стратегическим соображениям, было пока не выгодно; а пропускать, значило пополнять силы врага, с которым, так или иначе, воевать придется, только несколько позже.

Над этим вопросом я, со своими товарищами по штабу, пробились почти целую ночь, копаясь в соотношениях наших революционно-повстанческих вооруженных сил и сил врагов революции. Нам никак не хотелось пропускать мобилизованных повобранцев в уездные города, но мы все сознавали то, что за этим актом последует немедленное наступление против нас войск Директории, и тогда получится сплошное кольцо вооруженного наступления на революционный район, отбить которое нам вряд ли удастся с тем наличием запасов вооружения, которые мы приобрели в жесточайших боевых схватках путем тяжелых потерь жизни, быть-может, лучших бойцов на фронтах против немецко-австрийских карательных отрядов, против красновцев и деникинцев.

— Да, тяжелый момент подошел для нашего движения, — говорил я в эту пору своим друзьям: — но мы должны суметь преодолеть его.

И друзья мои, в конце концов, сошлись со мной на следующем решении: необходимо пропускать мобилизованных властями Украинской Директории новобранцев через наш район и, если нужно, то давать им и паровозы, и вагоны. Но вменить в обязанность всем командирам боеучастков, через которые эти новобранцы будут проезжать, всем повстанцам и военно-революционным комендантам, охраняющим железнодорожные станции и полустанки, *всюду задерживать движение поездов с мобилизованными и проводить с ними митинги*. Раз'яснять им, что такое власть вообще и власть Украинской Директории в частности; зачем она их мобилизовала и почему она об'явила закон, согласно которому на Украине не может существовать ни одна вооруженная революционная народная организация, организовавшаяся без ее, Директории, разрешения, и т. д., и т. д.

В согласии с этим мы выслали по всем линиям железных дорог пропагандистов, крестьян и рабочих, — главным образом, из Гуляй-Поля, к которому в то время труженики всех районов чутко прислушивались...

(Здесь в рукописи Н. Махно следует перерыв. Две следующие страницы в рукописи отсутствуют. Найти их, к сожалению, до сих пор не удалось. Из дальнейшего текста видно, что на этих страницах рассказывалось о том, как, несмотря на принятое решение, революционное повстанчество вскоре вынуждено было вступить в борьбу с Директорией.)

В связи с решением о наступательном действии против войск Украинской Директории, центр повстанчества — Гуляй-Поле — попадал в полное окружение контр-революционных вооруженных сил...

Чтобы действовать против этих сил правильно и с успехом, необходимо было теперь создать постоянный оперативный отдел, которого до сих пор не было. До сих пор все сведения о силах противников и их передвижениях поступали от командиров боеучастков непосредственно в штаб,

в котором я был и начальником, и командующим. И мне приходилось очень трудно, так как все мои помощники были крестьяне и рабочие, военного образования ни один из них не имел. Во всех делах мне приходилось, прежде всего, разбираться самому, а затем уже давать, на свой риск и страх, указания друзьям, в каком порядке эти дела выполнять.

Теперь я пришел к тому, что необходимо создать оперативный отдел из представителей каждой боевой единицы, в задачу которого должно входить собирание во-время точных сведений о силах врагов, на основании которых можно было бы мне строить оперативные планы.

Отдел этот был организован. Его работой руководил мой помощник, И. Чучко. Это несколько освободило меня от излишней на моем посту работы.

Т. Чучко все нужные сведения аккуратно группировал и во-время препровождал их мне. На основании их я писал оперативные приказы, давал указания по штабу, действовал сам и увлекал в действие всех повстанцев, от командира до рядового бойца включительно.

Так проводилась нами жесточайшая борьба против немцев и австрийцев, с одной стороны; против красного казачества и денкинищины, с другой. А теперь начиналась такая же борьба и с войсками Украинской Директории.

К О Н Е Ц

ПРИЛОЖЕНИЕ.

ГУЛЯЙ-ПОЛЕ В РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Село Гуляй-Поле — одно из самых больших и, пожалуй, одно из популярнейших, среди трудящихся, сел на весь Александровский уезд Екатеринославской губ. Село это имеет свою особую историческую известность. В нем трудовое крестьянское население не допустило в 1905-м году еврейских погромов, когда неизвестные организаторы и вдохновители «Черной сотни» и еврейских погромов — судебный следователь Александровского 1-го участка г. Майдачевский и молодые представители Александровского купечества, некие Шинотихин и Минаев — приехали специально своих гонцов в Гуляй-Поле для организации погрома против евреев. Из этого же села, благодаря многолетней им пропагандистской работе группы хлеборобов анархистов-коммунистов, был подан крестьянству, в 1906-7-м годах, сигнал к борьбе со столыпинским закреплением земли в собственность. Борьба эта, начавшись с пропаганды, вскоре превратилась в сокращение помещичьих усадеб и кулацких хуторов. И отсюда же, из села Гуляй-Поля, был подан и в 1917-м году сигнал крестьянству обширнейших районов Александровского, Медитопольского, Бердянского, Мариупольского и Павлоградского уездов к борьбе против Временного Правительства, не решавшегося начать разрешать земельный вопрос до Учредительного Собрания, к недопущению на его место никакого другого правительства, а также к прекращению арендной платы помещикам за землю, к отнятию земли у помещиков и монастырей, а фабрик и заводов у фабрикантов и заводчиков.

В этом же самом Гуляй-Поле был выработан в 1917-м году и утвержден крестьянским съездом исторический акт, в согласии с которым трудовое не эксплуатирующее чужого труда крестьянство по-

сылало своих делегатов в города к фабрично-городским рабочим, чтобы сговориться с последними об объединении в общий союз, о совместном провозглашении земли, фабрик и заводов общественным достоянием и о совместном построении нового общества на началах подлинного самоуправления трудящихся, без опеки государства и его органов власти.

В Гуляй-Поле родился и воспитывался в крестьянской семье и пишущий эти строки. На мою долю выпало счастье подпасть еще юнком под идейное влияние анархиста-революционера *Владимира Антони* (известного в революционных рядах под именем «Заратустры»). Благодаря влиянию этого революционера, с одной стороны, а также благодаря тому правительственному террору, который носился в 1906-7 годах по русской земле против просыпавшегося народа, я быстро занял последние место в боевой Гуляй-Польской группе хлебоборов анархистов-коммунистов Екатеринославской организации и долго и упорно боролся с царско-помещичьим строем; и хотя, в конце концов, я все-таки был схвачен сатрапами этого строя и «судим», но, в силу моего несовершеннолетия, избежал казни, которая постигла лучших из моих идейных друзей... Смертная казнь была заменена мне пожизненной каторгой.

Революция 1917-го года открыла для меня, в ночь с 1-го на 2-е марта, ворота московских Бутырок (Всероссийская Центральная Тюрьма); а дело революции на Украине заставило меня быстро перебраться из Москвы в родное Гуляй-Поле, где я и отдался снова — и с той же любовью, с какой до заточения меня в тюрьму, 9 лет назад — делу организации трудящихся для борьбы за новую свободную жизнь.

В этом самом Гуляй-Поле, по моей инициативе, был созван съезд крупных и мелких собственников-землевладельцев, у которых были отобраны бумаги-купчие на землю и сожжены. А во время корниловского похода на Петроград против Временного Правительства и революции, по инициативе из Гуляй-Поля, была обезоружена вся буржуазия, на большом пространстве уездов, которая сочувствовала «корниловщине». Из Гуляй-Поля же была подана крестьянству инициатива для организации боевых отрядов, которая полностью была проведена в жизнь, по разоружению всех казачьих войск, сывавшихся с внешнего противогерманского фронта и направлявшихся на Дон, на помощь атаману Каледину, боровшемуся против революции, за реставрацию.

Гуляй-Поле, первое почти на всю Украину, провело уже в это время в жизнь конфискацию заводов в общественную пользу, про-

водило на них работы и сбывало их продукты под контролем тех, кто на них работал...

А когда правительство Ленина, с одной стороны, и правительство Украинской Центральной Рады, с другой, заключили союз с немецкими и австро-венгерскими правительствами, согласно которому правительство Ленина должно было оттянуть из Украины вооруженные силы революции, скомплектованные из русских труженников, а правительство Укр. Центральной Рады вводило на Украину немецко-австро-венгерские экспедиционные полчища для ликвидации революции, Гуляй-Поле первое подало пример организации вольных батальонов защиты революции. И, по инициативе Гуляй-Поля, батальоны этого рода были созданы в целом ряде районов. И хотя в Гуляйпольском батальоне, благодаря тому, что я лично отсутствовал в то время в Гуляй-Поле (я отлучаюсь по военным делам на несколько дней), шовинистам удалось внести раздор и некоторые его роты повести на измену революции, в пользу немецко-австро-венгерского и Укр. Центр. Рады командования, на основное ядро гуляйпольцев и большинство батальонов по районам оставались до конца на своих революционных постах, и много сотен из их рядов пали смертью храбрых в неравной борьбе с насильниками и убийцами, оккупировавшими революционный край.

Такова в общих чертах роль села Гуляй-Поля и его трудового, политиканством политических партий не отравленного, населения до и во время революции, до конца апреля месяца 1918-го года. А накова была их роль в последующие годы революции, об этом читатели узнают как из моих записок, так и из других материалов.

Париж. 1929 г.

Н. МАХНО.

СОДЕРЖАНИЕ

	стр.
Предисловіе т. Волина	3
Глава I. — Под гнетом гетманщины	5
Глава II. — Мое первое нелегальное пребывание в Гуляй-Поле	15
Глава III. — Деревня Терновка и заговор убить меня	26
Глава IV. — Второе тайное пребывание мое в Гуляй-Поле. Встреча со старыми товарищами и первые решения по ряду важнейших вопросов организации восстания крестьян и рабочих	37
Глава V. — В пути: по районам и вокруг Гуляй-Поля	49
Глава VI. — Немецко-австрийские войска в деревне Марфополь после уничтожения нами их отряда. Мы въ Гуляй-Поле	63
Глава VII. — Наша остановка в селе Больше-Михайловке. Встреча с отрядом Щуса и присоединение этого отряда к нам	70
Глава VIII. — Дибровский бой. Роль дибровских крестьян в нем. Последствия этого боя	85
Глава IX. — В пути по Дибровскому и другим районам	96
Глава X. — Наша остановка в помещичьем имении и дальнейший путь по районам. Наши действия против помещиков и кулаков — участники нападения на Дибровки	99
Глава XI. — За сбором оружия и в новых боях	127
Глава XII. — Наша стоянка в деревне Темировке. Налет на нас одного из карательных отрядов мад'ярских частей австрийской армии и его победа над нами	129

Глава XIII. — Требование-маневр к немецко-австрийским и гетманским властям. Первые командиры боеучастков. Провокаторы и шпионы. Наши планы о дальнейшей борьбе с возвратившимися помещиками и кулаками. Мой об'ездрайонов.	136
Глава XIV. — «Махно убит». Напрасное злорадство врагов революции.	157
Глава XV. — Освобожденные из тюрем гуляйпольцы. Положение повстанческого Штаба. Его фронты. Рост контр-революции. Недостаток в анархических силах. Переговоры с екатеринославскими военными властями войск Директории. Об'явление Директорией мобилизации. Наше отношение к Директории и начальные методы борьбы с ней. Недоразумение с немецко-австрийским командованием.	163
Приложение: — Гуляй -Поле в русской революции ...	177